

802-11
205

A 132
36

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

ИСТОРИЧЕСКІЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ

И

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Ж У Р Н А Л Ъ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ.

Verba animi proferre et vitam impendere vero.
JUVENAL IV

ЧАСТЬ Сорокъ шестая.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИЗДАТЕЛЯ.
1818.

С Ы Н Ъ
О Т Е Ч Е С Т В А .

1818. № XX. — 26

I.

В О С П И Т А Н И Е .

О НОВѢЙШИХЪ МЕТОДАХЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ОБУЧЕНІЯ. *)

Пользуясь свободнымъ временемъ при возвращеніи нашихъ войскъ въ 1814 и 1815 годахъ, и удостоившись Высочайшаго на по соизволенія, обозрѣвъ я многія изъ примѣчательнѣйшихъ заведеній для воспитанія юношества, во Франціи и Германіи. Я старался собрать свѣдѣнія о различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и лучшихъ способахъ преподаванія Наукъ, обращая также особенное вниманіе на заведенія, имѣющія главною цѣ-

*) Извлеченіе изъ записки о способахъ усовершенствованія образованія солдатскихъ дѣтей въ Россіи, представленной Его Императорскому Величеству Инженеръ-Генералъ Маіоромъ Графомъ Сиверсомъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерсва Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. Мая 14 дня 1818 года.

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тилковской.

требленіемъ онаго, прежде нежели приступяшь къ выпверживанію наизусть грамматическихъ опредѣленій и правилъ, копорыя обыкновенно изучаются *буквально*, безъ всякаго яснаго понятія о сущности и настоящемъ ихъ смыслѣ.

Другая отличительная черта сей metody есть *непрерывная постепенность* въ ходѣ ученія и въ разныхъ упражненіяхъ, для приобрьщенія нужнаго въ оныхъ навыка. Во всякомъ случаѣ строго наблюдается правило: отъ легчайшаго переходить къ труднѣйшему и предыдущимъ урокомъ всегда приговляяшь къ послѣдующему. Сими шолько *безпрерывнымъ и постепеннымъ* переходомъ, приобрьшается какъ основательное и совершенное понятіе о предметахъ, такъ и способность производить *труднѣйшее* съ такою же удобностию, какъ и *легчайшее*.

Не входя здѣсь въ подробнѣйшее изложеніе началъ Песталоцціевой metody, ограничусь шѣмъ, что упомяну вкратцѣ о разныхъ къ первоначальному ученію принадлежащихъ предметахъ, къ коимъ, кромѣ упраж-

ненія въ языкъ, (о чемъ уже выше говорено было) метода сія примѣняется. *Счисленіе въ умѣ*, по методу Песталоцци, основывается совершенно на *чувственномъ созерцаніи*. Дети, объема *глазами* достойнство и отношенія простыхъ чиселъ, показываемыхъ имъ оцущительно, какъ при составленіи, такъ и при разложеніи оныхъ, постепеннымъ ходомъ достигають той степени ясности въ Ариеметическихъ дѣйствіяхъ, копорая особенно отличаетъ методу сію. Они рѣшаютъ самыя запутанныя Ариеметическія задачи въ умѣ, съ такою скоростию и точностию, каковой и при помощи цифръ и писанія совершеннѣе оказать невозможно. По обыкновенному ученію, Ариеметика есть не что иное, какъ собраніе правилъ, копорымы выучиваются механически и при копорыхъ собственное размышленіе остается почти въ совершенномъ бездѣйствіи; въ Песталоцціевой же методѣ, Ариеметика дѣлается *предметомъ разсудка* и однимъ изъ успѣшнѣйшихъ средствъ къ изощренію и образованію ума.

Въ *Геометрии*, объяснивъ дѣтямъ первоначальныя понятія о пропяхженіяхъ и величинахъ въ пространствѣ, посредствомъ очевидности, упражняютъ проникаемость ихъ и способность изобрѣтенія, собственнымъ изысканіемъ какъ доказательствъ, такъ и слѣдствій.

Въ *рисованіи* стараются не столько о изображеніи красивыхъ формъ, какъ о совершенномъ сходствѣ съ изображаемымъ предметомъ и о математической точности. Посему особенное прилагается стараніе въ *упражненіи глазомѣра*.

Гимнастика доведена до высокой степени совершенства; она служитъ не только къ развитію плесныхъ силъ и къ расположенію въ употребленіи ихъ, но приучая молодыхъ людей къ опасностямъ и къ преодолѣнію оныхъ, увеличиваетъ въ нихъ швердость духа и неуспрацимость.

Наконецъ первоначальное обученіе *лѣнію* столь основательно и успѣшно, что дѣти въ короткое время приучаются правильно пѣшь по *нотамъ*.

Касательно *нравственности*, съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что метода Песталоцци имѣетъ важнѣйшее и благодѣтельное вліяніе на образованіе сердечныхъ качествъ въ дѣтяхъ. Непрерывное вниманіе, требуемое сею методою, происходяща отъ того ясность и порядокъ умственныхъ представлений, общая связь и непосредственное практическое примѣненіе изученнаго, суть вѣрнѣйшія препоны разсыянности, легкомыслію и сбивчивости въ понятіяхъ, которыя считаю я главнѣйшими причинами развращенія. — Въ семъ отношеніи Песталоцци оказалъ величайшую услугу воспитанію вообще пѣшь, что методою своею испребилъ господствовавшее за нѣсколько времени предъ симъ, пагубное правило научать дѣшей такъ называемымъ *легкимъ образомъ* — карпинками и вообще забавами; вмѣсто неправильнаго *изображенія*, показываетъ онъ самый *предметъ*; вмѣсто *легкомыслія*, требуетъ непрерывнаго *вниманія*; вмѣсто *поверхности*, укореняетъ *основательность*, и вмѣсто *безпрерывныхъ*

потѣхъ, предписываетъ строгое опидвленіе увеселенія и забавъ отъ занятій и ученія.

Великія выгоды сей системы неоспоримы и довольно доказаны многократными опытами. Но при всемъ томъ надлежитъ замѣнить, что сія *аналитическая*, на чувственномъ созерцаніи основанная метода, сколько въ самомъ дѣлѣ ни превосходна для большей части предметовъ *натальнаго ученія*, но при дальнѣйшихъ успѣхахъ, въ нѣкоторыхъ Наукахъ *недостаточна* а въ другихъ, какъ напримѣръ въ Исторіи, и вовсе неупотребительна, и что для сего, по разнымъ предметамъ надлежитъ съ нею соединить методу *синтетическую* и болѣе повѣствовательную.

Для надлежащаго сужденія о методѣ Песталоцци, недолжно сего выпускать изъ виду, дабы не впастъ въ заблужденіе тѣхъ людей, которые, не вникнувъ въ духъ ея, слѣпо повторяють и превозносятъ оную, или напрошивъ, другихъ, кои унижаютъ великое ея Педагогическое достоинство.

Другое важное обстоятельство, часто бывающее поводомъ къ неблагопріятному

сужденію о сей методѣ, состоитъ въ томъ, что при всемъ превосходствѣ основныхъ понятій Песталоцци о ученіи юношества, почтенный сей мужъ, въ *примѣненіи* своихъ правилъ къ нѣкоторымъ предметамъ, не столько былъ счастливъ, какъ въ избрѣшеніи оныхъ. Песталоцци самъ, равно какъ и ученики его, размашиваютъ нѣкоторыя предметы чрезвычайно *одностороннимъ* или весьма пространнымъ образомъ, такъ, что въ ихъ обученіе входило *слишкомъ много*, то *слишкомъ мало*; напр. въ Ариѣметикѣ слишкомъ много занимають дѣшею счисленіемъ въ умѣ, и напрошивъ того весьма недостаточно упражняютъ ихъ въ правилахъ нужныхъ при счисленіи цифрами.

Изъ сего явствуетъ, что при употребленіи учебныхъ книгъ, изданныхъ Песталоцциемъ и его учениками, никакъ недолжно ограничиваться буквальнымъ послѣдованіемъ предписанному ими наставленію; но *вникнувъ въ намѣреніе и духъ ихъ, держаться онаго болѣе, нежели наружной формы.*

Говоря о Песталоцци, нельзя не упомянуть о превосходномъ его сочиненіи *Лич-*

гардъ и Гертруда. Съ разительными правдоподобіемъ и живѣйшими красками описываетъ онъ нравы простаго народа своего отечества, пороки и добродѣтели ему свойственные, и излагаетъ способы къ исправленію первыхъ и усиленію послѣднихъ. Съ пламенною ревностію и съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, говоря о важности народнаго образованія, обращается онъ къ помѣщикамъ, и вмѣняетъ онимъ въ обязанность не щадить о телесномъ и душевномъ благоденствіи ввѣренныхъ имъ крестьянъ. Сколь желательнаго, чтобы и для нашего отечества нашелся такого рода Писатель, и чтобы слова его имѣли вѣдательный успѣхъ!

В. Объ Англійской методѣ Беля и Ланкастера.

Сія метода имѣетъ цѣлю въ короткое время и съ весьма малыми издержками научить чтенію, письму и Арифметикѣ. Не смотря на нѣкоторую видъ шарлатанства, въ которомъ она сначала представляется взору непристрасшнаго наблюдателя, когда ему укажутъ одного только учителя, ме-

жду тысячу дѣтей, нельзя, по тщательномъ испытаніи, не признаться, что въ семь способъ находится чрезвычайно много хорошаго, и что предполагаемая цѣль достигается наилучшимъ образомъ. Возможность сего явствуетъ изъ слѣдующаго краткаго изложенія отличныхъ свойствъ сего способа; но прежде нежели приступимъ къ изложенію сей методы, нужнымъ считаемъ обратить вниманіе на главнѣйшій недостатокъ во многихъ первоначальныхъ школахъ.

Наибольшее зло обыкновенныхъ первоначальныхъ школъ состоитъ въ томъ, что ученики одного класса слишкомъ многочисленны, такъ, что учитель съ каждымъ изъ нихъ порознь заниматься можетъ только весьма короткое время. Кромѣ физическихъ неудобствъ, происходящихъ отъ долгаго сидѣнія на одномъ мѣстѣ въ запертомъ воздухѣ, дѣти, оставаясь чрезъ значительное время въ бездѣйствіи, подвергаются еще неменьшему вреду нравственному. Они, при всей свойственной юношескому возрасту дѣятельности и живости духа, совершенно преданы бывающъ въ полную власть

собственнаго ихъ воображенія. — Не входя здѣсь въ объясненіе вредныхъ опъ сего по-савдствій, происходящихъ по часли нрав-свенности, доснашочно замѣнишь, что учитель большую часть своего вниманія и власти своей обязанъ употреблять на то только, чтобы содержать наружный поряд-окъ и тишину, и что дѣли, изъ проведен-ныхъ въ школѣ безъ надлежащаго вниманія часовъ, немногія только минушы дѣйстви-тельно учатся; а прочее время служишь имъ болѣе ко вреду, нежели къ пользѣ.

Сіе общее зло предупреждается Англій-скою методою. Основаніемъ оной служатъ: во *первыхъ*: простое правило, чтобы одну часть учениковъ употреблять къ настав-ленію прочихъ. Все дѣли, по мѣрѣ успѣховъ каждаго изъ нихъ въ чтеніи и численіи, раздѣлены, для каждаго изъ обонхъ сихъ предметовъ, *порознь* на малыя отдѣленія, заключающія въ себѣ опъ 10 до 12 чело-вѣкъ. Каждое отдѣленіе, сидя наособой скамьѣ, при занятіи численіемъ, или споя въ полукругѣ противъ таблицы, на стѣнѣ ви-сящей, обучается однимъ ученикомъ, болѣе

успѣвшимъ, и называющимся *старшимъ*; при-чемъ оправдывается на дѣлѣ извѣстное изъ давняго опыта изрѣченіе: docendo discimus (уча учимся). Ученики, занимающіе учитель-ское мѣсто въ одномъ классѣ, находящаеся учениками въ другомъ высшемъ. Многія изъ сихъ отдѣлений подчинены опяшь особому надзирателю, а всеи вмѣстѣ управляешь собственно учитель со своими помощника-ми, изъ старшихъ учениковъ избираемыми. Такимъ образомъ вся многочисленная шко-ла состоишь, пакъ сказать, изъ множества небольшихъ школъ, изъ коихъ въ каждой мѣсто учителя занимаешь отличнѣйшій предъ прочими ученикъ. Симъ только по-рядкомъ достигаюшь возможности обучать однимъ разомъ великое множество дѣтей, и при томъ содержать ихъ въ безпреспан-номъ вниманіи и покоѣ. Но сего бы конеч-но никогда нельзя было достигнуть, если бы упомянутое успроеніе, не получало

во *вторыхъ*, души и дѣйствія своего опъ *воинскаго единообразія* въ движеніяхъ, по командъ происходящихъ. Дѣли садящаеся по мѣстамъ, вспаюшь, выходящаеся изъ за ска-

меекъ, раздѣляюся на отдѣленія и пр. всегда въ одно время, по данному знаку, и одной только силѣ воинской дисциплины приписашь должно пошъ великой порядокъ и по сбереженіе времени, отъ коего многочисленныя сіи школы получаютъ свойственн- ной имъ, живой и пріятный характеръ.

Третье существенное свойство Англійской мѣтоды есть *перемѣна мѣстъ*, сооб- разная большей или меньшей исправности и точности отвѣтовъ, учениками во время ученія даваемыхъ. Они бывають вопрошае- мы по порядку, какъ спояшъ по отдѣлені- ямъ, и если первый отвѣчаетъ неправильно или недовольно скоро, то старшій обра- щается къ слѣдующимъ, пока одинъ изъ нихъ не дастъ надлежащаго отвѣта, и то- гда сей занимаетъ мѣсто того, которой первый ошибся, и которой долженъ повто- рить то, чего не зналъ; если же никто изъ учениковъ не дастъ удовлетворитель- наго отвѣта, то старшій самъ отвѣчаетъ и за нимъ ученики по порядку поже повто- ряють. Изъ сего перемѣщенія по мѣрѣ за- слугъ, происходяшъ двѣ весьма важныя вы-

годы: 1) *вниманіе дѣтей возбуждается въ вы- сокой степени и безпрерывно поддерживается* страхомъ быть переставлену въ низъ; 2) *успѣхи одного ученика не задерживаются не- успѣхами другихъ*, какъ то по большей ча- сти случается во всѣхъ прочихъ школахъ.

Для обученія чтенію и счисленію, от- печатаны особыя большія таблицы, по ко- торымъ дѣши постепенно переходяшъ отъ легчайшихъ упражненій къ труднѣйшимъ. Коль скоро ученикъ совершенно понялъ со- держаніе одной таблицы (что видно изъ того, что онъ въ продолженіе нѣкотораго времени, спойшъ на первомъ мѣстѣ отдѣ- ленія) тогда онъ, по краткомъ удостовѣ- реніи въ шомъ самаго учителя, переходить немедленно къ слѣдующей таблицѣ. Выгода, отъ сего происходящая, очевидна. Каждый ученикъ отдѣльно, по мѣрѣ способностей и прилежанія своего, подвигается впередъ.

Симъ двумя преимуществамъ припи- сать должно тѣ чрезвычайныя успѣхи, ко- торые оказываютъ дѣши, обучаемыя симъ способомъ: я самъ былъ свидѣтелемъ оныхъ въ одной школѣ сего рода въ Парижѣ. Ола

образовалась въ бытность мою въ 1815 году, и въ теченіе 6 недѣль, при одномъ учителѣ, число учениковъ, изъ 20 человекъ состоявшее, возрасло до 150, и многіе изъ нихъ, при поступленіи въ оную, едва зная буквы, въ короткое время, дошли до чтенія цѣлыми реченіями.

Наконецъ, въ *четвертыхъ*, симъ способомъ не только выигрывается много времени, но уменьшается также пошребность въ учителяхъ и въ издержкахъ: ибо для обученія чтенію не имѣется никакой надобности въ книгахъ, ниже для первоначальнаго обученія письму въ бумагахъ, перьяхъ, чернилахъ и пр. Въмѣсто того, чтобы, какъ въ обыкновенныхъ школахъ бываетъ, давать каждому ученику въ руки особую азбуку, которая часто дѣлается уже негодною къ употребленію прежде нежели дитя выучится бѣгло читать, въ Англійскихъ школахъ употребляются упомянутыя выше сего *таблицы*, кои, вися на стѣнѣ, весьма берегаются, такъ, что тысяча и болѣе дѣтей малыи ошдѣленіями, въ теченіе времени вы-

учиваются читать на одномъ и томъ же экземплярѣ.

При первыхъ упражненіяхъ въ письмѣ мѣсто чернилъ, перьевъ и бумаги, (что требуетъ значительныхъ издержекъ, производитъ нечистоту и для очинки перьевъ и шому подобнаго весьма много отнимаетъ времени) употребляется песокъ, на узкомъ столѣ между двумя рамами тонкимъ слоѣмъ насыпанный и весьма скоро и удобно уравниваемый посредствомъ простаго подвижнаго бруска. На семь песку ученики изображаютъ буквы пальцемъ или палочкою, а когда рука такимъ образомъ уже довольно привыкнетъ слѣдовать направленію глаза, тогда даются дѣтямъ *аслидыны доски*, и не иначе, какъ уже послѣ значительныхъ успѣховъ въ писаніи на сихъ доскахъ, позволяютъ употреблять обыкновенные письменные матеріалы.

С. Сравненіе Песталоцціевой методы съ Англійскою.

Хотя изъ предыдущаго ошдѣленія видно великая польза Англійской методы уче-

нія, однакъжь нельзя упустить изъ виду того, что она сама по себѣ для надлежащаго образованія юности недоспащна. Чтеніе, какъ *средство къ образованію*, имѣеть конечно великую цѣну; но *въ немъ одною* безъ сомнѣнія не состоятъ собственно образованіе чловѣка. Оно подобно орудію, которое можетъ быть и полезно, и весьма вредно, смотря по употребленію оного. Пагубныя слѣдствія нѣкоторой *полуобразованности* ясно открыты намъ въ новѣйшей Исторіи. Нельзя сомнѣваться, что если бы ограничить образованіе низшихъ классовъ народа, только изученіемъ чтенію, письму и счисленію, не обращая при томъ вниманія на нѣкоторую степень умственнаго образованія, и въ особенности на *возвышеніе нравственности и приверженности къ Вѣрѣ*, то предпочтительнѣе было бы оставить сей классъ въ состояніи его природнаго невѣжества. Тогда, по крайней мѣрѣ, поверхностная личина мнимаго знанія, не принималась бы за дѣйствительное образованіе, и врожденный здравый разумъ бы не заглушался. Здравый же раз-

судокъ несравненно предпочтительнѣе полуобразованности, рождающей неосновательное писаніе, всегда препятствующее существенному образованію. Бель и Ланкастеръ, ясно усмотрѣвъ сей недостатокъ своей мѣтоды, старались по возможности помочь оному.

Для дѣйствованія на нравственность своихъ учениковъ, Ланкастеръ употребляетъ предпочтительно *тѣніе Библии*, а Бель *Катихизиса*, оба же частное повѣреніе сокращенныхъ *нравоучительныхъ правилъ*.

Не взирая на то, односторонность сей мѣтоды ученія, вообще въ сравненіи съ Песталоцціевою, ошущительна. Арифметика состоятъ по оной въ одномъ только механическомъ писаніи чиселъ. Она не возбуждаетъ дѣятельности духа, не занимаетъ силы размышленія, и не доставляетъ познанія о вещахъ и навыка къ различнымъ обстоятельствамъ житейскимъ. Преимущество Песталоцціевой мѣтоды, въ сихъ различныхъ, столь важныхъ отношеніяхъ несомнительно. Она служитъ общою основою образованія, и благотворна для дѣтей

всякаго состоянія, Англійская же метода употребляема бытъ можеть только въ школахъ многочисленныхъ, для обученія чтенію, письму и машинальному счисленію. Но одна метода никакъ не исключаетъ другой; напротивъ: объ *можно очень удобно соединить*, ибо одна относится къ *душевному образованію*, а другая къ *устройству* училища; одна имѣеть цѣлю возбужденіе дѣятельности ума и образованіе разсудка, а другая механическое упражненіе.

Въ заключеніе нужно замѣнить опличнѣйшее общее свойство обѣихъ упомянутыхъ методовъ ученія. Онѣ представляють возможность съ раннихъ лѣтъ замѣчать нѣтъ изъ учениковъ, въ коихъ оказываются опмѣнныя способности ума и даръ, распоряжая другими, заставляя ихъ себя уважать. Излишне было бы распространяться здѣсь о важности такого познанія, особенно въ заведеніяхъ для образованія *юношей къ военной службѣ*, гдѣ весь успѣхъ зависитъ отъ безошибочнаго сужденія о личности каждаго, для постановленія его на приличное ему мѣсто.

И такъ отъ соединенія обѣихъ сихъ методовъ безъ сомнѣнія прозойдутъ самыя благоприятныя слѣдствія, какъ для первоначальнаго обученія вообще, такъ и въ особенности для образованія дѣтей низшаго состоянія, нѣтъ болѣе, когда сіе ученіе сопровождается будеть основательнымъ практическимъ приученіемъ къ руководствіямъ, ремесламъ и вообще къ нѣтъ работамъ, копорыя соопвѣтствуютъ назначенію сего состоянія.

(Окончаніе впрѣдъ.)

II.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Пѣсня Рускихъ воиновъ предъ сраженіемъ.

Друзья! на смертный пирь!

За честь Царя, ошчизны

Жалѣшь не должно жизни: —

На насъ глядишь весь міръ!

Мы Рускіе, мы кровь

Тѣхъ доблестныхъ героевъ,

Что въ пылъ лютойшихъ боевъ

Шли бодро, какъ на ловъ.

Друзья! на смертный пирь!

За честь Царя, ошчизны

Жалѣшь не должно жизни: —

На насъ глядишь весь міръ!

Что значить умереть? —

Въ саденья райски къ Богу

Укоротишь дорогу: —

Чего же намъ робѣшь?

Друзья! на смертный пирь!

За честь Царя, ошчизны

Жалѣшь не должно жизни: —

На насъ глядишь весь міръ!

Кшо смѣло въ бой идешь,

Кшо смертью презираешь:

Тотъ рѣдко смерть встрѣчаетъ,

Но часо лавры жнешъ.

Друзья! на смертный пирь!

За честь Царя, ошчизны

Жалѣшь не должно жизни: —

На насъ глядишь весь міръ!

Для Рускихъ шоржествомъ

Всегда съ врагами встрѣча,

А предстояща съча
Удвоишь славы громъ

Ив. Кованько.

III.

СОВРЕМЕННАЯ РУСКАЯ БИБЛОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И :

1 8 1 8 .

39. † *Опыты въ прозѣ Разумника Гонорскаго, съ присовокупленіемъ двухъ Сонетовъ, двухъ Голмансовъ и одной Фантазії.* Харьковъ 1818, въ Унив.ерс. тип. въ 8, 124 стр. *)

Рецензентъ съ истиннымъ удовольствіемъ прочиталъ сію книжку, содержащую въ себѣ произведенія одного молодого Литератора, котораго прудамъ и шаланшамъ полуденная Россія обязана *первымъ* и весьма хорошимъ Журналомъ.**) Въ началѣ помѣщены, послѣ предварительнаго сужденія о образцахъ легкой Поэзії, изображенія характеровъ *Катцлла* и *Горація*, показывающія, что нашъ Авторъ знаетъ не одни вѣтробулы древнихъ языковъ, составляющія всю ученость нѣкоторыхъ нашихъ *Еллинистовъ* и *Латинистовъ*, а вникаетъ въ *духъ* и *характеръ* классическихъ Писателей. Далѣе помѣстивъ онъ разсужденіе *объ Элегіи* изъ сочиненій *Жокура*, и изображеніе характеровъ прехъ славнѣйшихъ Элегиковъ *Тибулла*, *Проперція* и *Овидія*. За симъ Сочинитель приступаетъ къ любимому предмету своихъ изысканій въ Словесности — *поэдражательной гармоніи слова*, предмету не по-

*) Продаешся въ С. П. б. книжныхъ лавкахъ по 3 р.

**) Г. Гонорскій съ Г. Филолавитскимъ издаешь съ 1816 года *Украинскій Вѣстникъ* въ Харьковѣ.

слѣдному въ Стихотворствѣ, особенно въ перево-
даъ классическихъ Авторовъ. Отсылая Чашащелей
своихъ къ другой книгѣ, въ которой онъ намѣ-
ренъ говорить подробно о свойствахъ и способахъ
подражательной гармоніи, сообщашъ онъ намъ въ
сихъ *Опытѣхъ* одни легкія, поверхностныя прави-
ла и замѣчанія въ семь родѣ, и сказавъ нѣсколько
словъ о подражательной гармоніи Омара и Вирги-
лія, говоришь о развитіи гармоническаго чувства
въ чепырехъ Россійскихъ Стихотворцахъ: *Ломо-
носовъ, Петровъ, Державинъ и Жуковскоиб*.
Замѣшимъ при семь случаѣ, что Авторъ, по на-
шему мнѣнію, легко можетъ увлеченъ быть пре-
деснію своего предмета, и, вмѣсто *наблюденій*,
предлагашъ намъ *правила*. Великіе Стихотворцы
писали шакъ, какъ младенчествующіе народы со-
общающъ языки: слыша звуки въ природѣ, они пе-
редавали ихъ звуками своего голоса, не думая объ
искусствѣ; не Академія составили слова: *жургать*,
шипѣть, *дребезжать*, *сестѣ*, *гроибъ* и т. п. Вир-
гилій, изображая звуками голоса дѣйствія природы,
не подбиралъ сначала гласныхъ и согласныхъ въ си-
стему: чувствуя нѣжнымъ ухомъ, онъ выразишель-
нымъ голосомъ передавалъ впечатлѣнія слуха. Позд-
нѣшніе Писатели привели звукоподражанія сіи въ
систему, и объяснили дѣйствія природы въ из-
бранныхъ ея сынахъ. Въ семь отношеніи должно
принимашъ съ благодарностію шруды Коменшатор-
овъ и Кришиковъ; но ошнудъ нельзя положить въ
шомъ правила строгихъ и непремѣнныхъ. Поэщъ
долженъ слѣдовать внштенію своихъ чувствъ съ
нѣкоторою безпечностію. легче простить ему не-
брежность, нежели надущость и принужденность.
Мы съ удовольствіемъ читаемъ шруды *Гонор-
скаго* по сей части, ондаемъ справедливость его
наблюденіямъ остроумнымъ и глубокимъ, но при-
нимаемъ смѣлость припомнишь ему, что въ
семъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, есть грани-
ца, которая *перелетать* а не пересцупать по-
зволено шолько цемногимъ *гѣніямъ*, рождающимся въ-
ками. Самая лучшая теорія диспровергаешъ по-

ривомъ шаанша какъ искусственная плотина ди-
кимъ бурнымъ пошохомъ. — Въ спашь: о *Рускомъ
экзаметрѣ*, Сочинишель защидаешъ сей спилъ ошъ
нападѣніи враговъ его. Кажешся, шажба сія уже рѣ-
шена не словами а *дѣлоиб*: лучшіе Поэщы нынѣш-
няго времени писали экзаметрами, и произведенія
въ семь размѣрѣ приняты съ общемо похвадоу всѣмъ
просвѣщенымъ ли любителями Словесности. Буд-
ущіе Стихотворцы найдуть уже проложенную
спезю и пойдушь по ней безопаснѣ и смѣлѣе своихъ
предшешвенниковъ. — Прозамческія статьи
сей книжки оканчивающаюся нѣкоторыми опытами
живописной Прозы, предъ которыми помѣшено
разсужденіе подъ заглавіемъ: *Взглядъ на нынѣшнее
состояніе нашей Словесности*. Выписываемъ изъ
нея одно мѣсто: „Нынѣшняя Руская Словесность
„явнымъ образомъ дѣлается на при школы: одна
„извѣстна подъ именемъ *Славянолюбцевъ*, куда
„противники ея относяшъ и всѣхъ вообще худыхъ
„Писателей по шажлому слогу своему не могу-
„щихъ успѣвать за легкого шолною послѣдоващелей
„другой школы, несправедливо именуемой ошъ
„своихъ аншиподовъ шкодоу Карамзинистовъ: ибо
„сіи послѣдніе водашъ однимъ фантамомъ (если
„шакъ можно выразишься) сего великаго Писателя;
„ш. е. подражая шолько легкости слога его, а не
„усиліямъ, кои упошребилъ онъ на улучшение своего
„способа писанья. Къ счастью мы уже очень рѣдо
„слышимъ шеперь сихъ писателѣ. Кромѣ двухъ вы-
„шеупомянутыхъ есть еще у насъ прѣшій классъ
„Писателей, у которыхъ нѣтъ ни дѣйствительнаго,
„ни мнимаго начальника; но за шо есть свое уло-
„женіе, ш. е. првила здраваго вкуса, основанныя
„на примѣрахъ древности и временъ нѣвѣшихъ.
„Не имѣя шѣснои между собою связи (имъ не ну-
„жно бышь страшными, чтобы имѣть вліяніе):
„они дѣйствуюшъ совокупно, стремяшся къ одной
„цѣли, и составляющъ испишное, къ сожалѣнію,
„шполь еще малочисленное общество испиш-
„ныхъ Рускихъ Литерашоровъ. Если бы неболь-
„шому сихъ писателей можно было дашь имѣ

школы: то въ ея Начальникѣ желалъ бы я видѣть подобнаго слишкомъ рано похищенному у нашей Словесности *Муравеву*, который пріятностямъ своего языка (что безъ сомнѣнія нашимъ Славянамъ покажешся очень ошраннымъ) учился изъ классической Литературы другихъ народовъ. Такимъ же образомъ усовершился и прочіе почтеннѣйшіе изъ нашихъ Писателей; и если еще не все они оказали равныя услуги нашей Словесности; то по крайней мѣрѣ всѣ слодствуютъ между собою въ томъ, что съ одинакою ревностію стремятся къ одной цѣли, употребляютъ одинаковыя средства, а потому и заслуживаютъ отъ насъ равную признательность. Если бы сей классъ Писателей нашихъ былъ многочисленнѣе (но онъ не можеть расползаться по примѣру двухъ другихъ, ибо требуетъ особенныхъ занятій и, что еще важнѣе, большей провизачельности); то мы имѣли бы уже довольное число образцевъ и на нашемъ языкѣ. До сихъ поръ школа сія поддерживается людьми истинно преданными изученію древней и новой Словесности, занимающимися въ шинѣ кабинета, и при изданіи своихъ сочиненій неимѣющими никакихъ другихъ видовъ, кромѣ желанія нравиться своимъ чашателямъ и быть имъ полезными.⁶

Желаемъ, чтобъ сіи немногія замѣчанія и выписки доказали уваженіе наше къ пріятнымъ и полезнымъ трудамъ Автора *Опытовъ въ прозѣ*, и обратили на него вниманіе любителей оцещественной Словесности, которое онъ въ полной мѣрѣ заслуживаетъ.)

39. † *Краткое Назертаніе Всеобщей Исторіи, изданное въ пользу дѣтей, начинающихъ учить сей наукѣ, Университетскаго благороднаго Пансіона Учителель И. Басалаевскій.* М. 1818, въ Унив. шип, въ 12, 84 стр., съ таблицею.

(Сіе начертаніе слишкомъ кратко и по сей дричить весьма неудобно и недоспашочно для преподаванія Исторіи. На 84 страничкахъ исчислено множество именъ и годовъ, но нельзя было сроб-

дичить ничего полнаго и внятнаго. *Краткость* есть необходимое свойство всякой учебной книги, но ей не должно жерировать ясностию. Надлежитъ, при первоначальномъ преподаваніи Исторіи, дать дѣтямъ нѣсколько общихъ, главныхъ свѣдѣній, которыя должны быть описаны съ нѣкоторою подробностію, чтобъ могли занять не одну механическую память, но припомъ *цѣль и воображеніе* дѣшей. Въ семъ отношеніи лучшее учебное книгу кажется намъ сочиненіе Нѣмецкаго Профессора *Бредова*: *Merkwürdigste Begebenheiten auß der allgemeynen Weltgeschichte.* *) Г Сочинитель сего Начертанія до того просираваетъ ствараніе свое *быть критикой*, что вовсе не упоминаетъ о двухъ важнѣйшихъ откритіяхъ въ началѣ новѣйшей Исторіи: пороха и книгопечатанія. *Австрія* не отдѣлена отъ *Германіи*, и отъ того происходятъ многія темноты и невразумительности; напр. на 61 стр. говорится, что *Француз II возвращена Императорская корона, которую онъ сперва сложилъ въ себя*. На 62 стр. говорятъ, что Швейцарія раздѣлена нынѣ на 19 кантоновъ, между тѣмъ, какъ она состоитъ изъ 22. Выпишемъ новѣйшую Исторію *Италіи* (стр. 63): „Между тѣмъ Италія до 18 столѣтія была еще подъ власностію Германіи (!) Она раздѣлилась (въ XVII столѣтіи?) на многія части и принадлежала не одному Государю, (свѣдѣственно не одной Германіи?) а потому безпреспанная (?) войны опустошали сію плодотворную страну. Въ Ломбардіи и нѣкоторыхъ Панскихъ земляхъ (?) (1797) основана была республика Цизадлинская, въ Церковной области Римская. Юсифъ брѣтъ Наполеоновъ (1798 (?)) былъ провозглашенъ Королемъ Неаполя и Сициліи; *Флорентинская рес-*

*) Сія полезная книжка переведена на Руской языкъ Учителемъ С. П. б. Гимназіи Г. *Зубаковичемъ* и издана въ 1814 году. Все экземпляры ея съ того времени разошлись, и нынѣ печатается видорое изданіе оной, исправленное и дополненное.

публика или (?) Герцогство Тосканское до половины 18 вѣка принадлежавшее фамилии *Медицисовъ*, переименовано Королевствомъ *Этрурскимъ* (1803) и присоединено ко Франціи (въ тоже время?) Венеція (1797) отошла къ Италіи (развѣ она была когда нибудь *въ* Италіи?), Генуя, названная послѣ Лигурійскою республикою къ Франціи, но съ 1814 года Италійское Королевство уничтожено (гдѣжь сказано, когда и какъ оно составилось? и всѣ сопоставляющія *ея* (sic!) земли возвращаются прежнимъ державамъ! — Просимъ добившись толку въ этомъ хаосѣ. Всего непроспашельяѣе ошибки въ *Руской Исторіи*. На стр. 48 Авторъ говоритъ, что Скиѣтами и Сарматами называемы были оныя древншія Грековъ и Римлянъ — *Финны и Летты*. (стр. 49) „Варяги или Норманны, жившіе у Балтійскаго моря, и Козары вышедшіе изъ Азій, были жесточайшими ихъ (Славянъ) врагами, кошорыхъ и Козаръ? — наконецъ они вытѣснили за Балтійское море „ (стр. 52) „Возвращеніе совершенную свободу Россіи было предоставлено *Царю Юанну Васильевичу — Грозному*“ — На той же страницѣ *Ермакъ* названъ *Атаманомъ Донскихъ козаковъ*.)

IV.
ДУХОВНОЕ КРАСНОРЪЧІЕ.

С Л О В О,

при поминоvení, совершившемся 15 Января сего года въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ, при полученіи извѣстія о кончинѣ *Благодѣтеля оной обители Генерала отъ Кавалеріи Графа Матвѣя Ивановича Платова*, говоренное *Настоятелемъ того Монастыря, Архимандритомъ и Кавалромъ Евгеніемъ*. *)

И бысть по сихъ, и умре Иисусъ сынъ Навинъ, рабъ Господень.

ис. Нав. Гл. 24, ст. 20.

Онь шихаго Дона несешся какъ молнія, поражаетъ, подобно грому, печальная вѣсть: Платовъ умеръ! Какъ быстро сазва дѣлъ его перестала изъ ушь въ уста, такъ быстро и далеко изъ веси въ весь, чзъ града въ градъ, изъ царства въ

*) Издатель получил сіе Слово при слѣдующемъ письмѣ: „Уже прошло вѣсколько мѣсяцевъ, какъ Россія лишилась одного изъ знаменитыхъ сыновъ своихъ — *Графа М. И. Платова*; а до сихъ поръ, если не ошибаюсь, ни въ одномъ еще повременномъ изданіи не помѣщено ничего достойнаго памяти сего отличнаго мужа. Весьма желательно было бы имѣть хотя краткое его жизнеописаніе. „Рожденному въ скромной долѣ и воспитанному въ простыхъ обычаяхъ Донскихъ станицъ, пужно было имѣть необыкновенную силу душевную, рѣдкую острому ума, чшобъ пробиться съвозъ *жельзную стѣну* препонъ на пути оивличій и „почестей. Покойной Графъ Платовъ имѣлъ высокій духъ и рѣдкій здравый разумокъ. Боже же

царство, переносишься поразительное извѣстіе: Платовъ умеръ!

Унылы войны, опечалились граждане; Донское воинство произаещя скорбію, стѣсняеяся вздохами, орошаеяся слезами. Вся Россія скорбитъ о ушатѣ великаго Героя, шоль грознаго врагамъ ея.

Крошкіи Монархъ, свидѣтель безмерныхъ подвиговъ Платова, истинный цѣнитель его несомнѣнной вѣрности къ Престолу и Отечеству, чувствуешь во всей мѣрѣ лишеніе великаго мужа, и произаеяся горестію шѣмъ глубочайшею, чѣмъ рѣже подобныя Герои.

Сѣдуешь Церковь, пошерявая въ немъ истиннаго сына, карателя враговъ Святыни, возвратившаго ей похищенное ея достояніе, украсившаго обезображенныя храмы, а еще боже, украшеннаго благочестіемъ и любовію къ Богу.

И ты, мирная обитель благочестія, посящая имя Донскихъ Героевъ! можешь ли забыть безмернаго Вождя ихъ, споль усердно шебѣмъ благодѣявшаго? Покланяеяся изображенію Святынь, обнаженныя хищною рукою, онъ облекъ новымъ вельдѣніемъ; истощенныя свяшопашествомъ сокровища, знь восполнилъ приношеніями преданнаго ему благочестиваго воинства. А когда благодатный

„, всего отличался онъ совершеннымъ познаніемъ
„, свойствъ, обычаевъ и нравовъ Донцовъ. Онъ умѣлъ
„, дорожить и пользоваться любовію Донскаго вой-
„, ска. Подъ его начальствомъ разило оно враговъ
„, отечества на берегахъ Дуная, у подножія Кавказ-
„, скихъ горъ, на сѣбгахъ и камняхъ Финляндіи и подъ
„, стѣнами Парижа. Побѣда, слава и дружба раз-
„, ныхъ Европейскихъ Государей были достойною
„, наградою достойнаго вождя. Полагая, что вамъ
„, прилично будетъ сообщить соотечественникамъ,
„, нашимъ Слово говоренное при поминовеніи о кон-
„, чинѣ его въ Донскомъ монастырѣ, препровождаю
„, оно къ вамъ, пребывая, и пр. Н.к.л. Сл.р.в. —
„, Москва.“

миръ возвратилъ его древней столицѣ: съ какииъ усердіемъ пришекъ онъ въ священный храмъ сей, памятникъ чудснаго избавленія Россіи; съ какою горячностію и смиреніемъ поклонялся Престолу Божію! Орошая слезами умиленія и благодарности сей священный помостъ, онъ уподоблялся Аврааму, падшему предъ Господомъ и смиренно вѣщавшему: *нынѣ низахъ глаголати ко Господу; азъ же есмь земля и пепелъ* а).

Сл. Бл. вошъ Герой, онъ коего должны поучася Герои! Сколь ни велики подвиги и заслуги безмернаго Платова, оказанныя Россіи и всей Европѣ: но въ сіе время, когда духъ его оставилъ землю, мы не могли бы утѣшиться, если бы всѣ предпріятія и дѣла его не одушевлялись началомъ вѣчной жизни — чисною и живото вѣрою. Земная слава Героя не усладитъ нашей горести, если мы не увѣрены, что ожидаетъ его за гробомъ слава небесная. Кпо великимъ дѣламъ на землѣ поставяла цѣлю одну землю или богатство, или удовольствія, или славу; шоль смертію превратится въ землю: *земля еси и въ землю отбидеши* б) Душа, пригложденная къ землѣ, неспособна по смерти раскрыться вѣчному свѣту. Она ввержешя во тѣму кромѣшную, шоль же мрачную, какъ и земля, въ кошпорую заключаеяся шѣльное шѣло.

Да и что значашъ дѣла великія и громкія, коиъ побужденія малы и низкіе? И могутъ ли побужденія называшься великими, коиъ предметомъ земное безмеріе? Несчастныя слаголюбцы! не иссыхаютъ ли сердца ваши отъ горести, когда счастье, превращая судьбу вашу, превращаетъ и людскія о вашихъ подвигахъ мнѣнія; когда видше еще при жизни вашей вашу славу увядающею? А по смерти чья слава не исхончеваетъ временемъ?

Нѣтъ! Герой нашъ не на землѣ основывалъ безсмертныя дѣла свои. Вѣра была душою всѣхъ его добродѣтелей и подвиговъ. Онъ былъ вѣренъ Монарху,

а) Быш. гл. 18, стр. 27. б) Быш. гл. 3, стр. 19.

ибо вѣренъ былъ Господу: онъ преданъ былъ земному отечеству, ибо не выпускалъ изъ мыслей отечества небеснаго: онъ былъ отецъ вѣреннаго ему народа, ибо дышалъ духомъ Омца небеснаго: онъ не боялся смерти, ибо чувствовала съ Павломъ: *любъ еже жити, Христосъ; и еже цурети, приобретение а)*. Онъ неутомимо былъ въ дѣлахъ на войнѣ и въ мирѣ, для шого яшобъ усугубишь таланты, вѣренныя ему отъ Господа б): онъ не гордился славою великихъ дѣлъ своихъ, ибо учился въ высокой школѣ Великаго Учителя, иже кротокъ есть и смиренъ сердцемъ в). Это былъ истинный рабъ Господень: просиона вѣры его равнялась величію его ума и духа.

Великое дѣло побѣждать народы побѣдоносные, но несравненно болѣе покоряться Господу въ простотѣ сердца. Сколь часто побѣдители поработающаго шрашмями; а раба Господень поражаетъ вмѣстѣ и мѣръ и шрашмя. О если бы знали рабы плоти, въ какую свободу духа изводишь насъ рабство Господне! Изъ сего шокма источника ишекають истинно великія дѣла и добродѣтели. Сокровище шанъ Божіихъ, слово Божіе вмѣсто всѣхъ похвалъ, коихъ достоинъ по всей справедливости Герой, низдожившій сильныхъ и соединенныхъ союзомъ враговъ, введшій Ираила въ землю обшпованную, именуешь Иисуса Навина скромнымъ, но великимъ именемъ раба Господня: *и бытъ по сихъ, и цуре Иисовъ сынъ Навинъ, рабъ Господень г)*.

Почившій въ Господѣ Герой Россійскій подобенъ былъ Навину любовью къ своему народу, неустрашимостію противъ враговъ, прозорливостію и благодаруміемъ на полѣ брани: но еще болѣе и несравненно болѣе угодоблялся Навину вѣрою и усердіемъ къ Богу, и покорностію безпредѣльному

а) Филип. гл. 1, ст. 21. б) Матѣ. гл. 25, ст. 20.
в) Матѣ. гл. 11, ст. 29. г) Иисус. Навин. гл. 24, ст. 30.

Его святому промыслу. Онъ былъ истинный рабъ Господень.

Вспомнимъ, слушатели, шо прогапельное зрѣлище, когда онъ, ишливъ священныя сокровища изъ рукъ святошапошвенныхъ, воззвалъ Павляски къ послушному вопишву: *„я въ полной лихрѣ цверенъ, шо всякой изъ насъ шувствуетъ осевидное милосердіе Божіе и Его святое къ намъ покровительство, подавшее намъ способъ къ прогнанію иноплеменнаго врага изъ нашихъ границъ. Силою Всевиднаго мы совершенно его истребили. Сія благодать Господня да пребудетъ во вѣкъ неизгладима изъ сердецъ нашихъ! Мы должны по всей справедливости доказать предъ вѣлими наше душевное усердіе къ Богу, и въ знакъ признательности къ Творцу вселенной, обязаны обратъ перешватенное отъ Французовъ серебро нашихъ церквей, зграбленныхъ безселошвенными врагами, и соорудитъ лики Святыхъ. Сей Божественный палатникъ какъ нынѣ, такъ и въ будуще вѣки наполншатъ будетъ всему нашему потомству нашихъ знаменитыхъ дѣла, наше усердное пожертвованіе Богу; и да возбудитъ въ нихъ подобное мужество къ побѣжденію враговъ. Силъ прильрой должно всегда оживляться наше войско а)*.“ Слыша вожда Донскаго, кажешъ. мы слышнѣ онаго Священнаго вождя, кошорый велъ древняго Израила въ землю покоя. Здѣсь каждое слово дышншо благочестіемъ, вѣрою и любовію къ Богу, шога наипаче возженными въ душѣ его, когда въ душахъ обыкновенныхъ всякая любовь погасаетъ. Гласъ вожда благочестиваго, подобно молніи, проникъ сердца достойныхъ его воиновъ. Все войско вскозбелалось, опшсюду напсрерывъ несешся серебро, и полагаетъ къ спонамъ Вожда Героевъ, раба Господня, для принесенія Господу.

Не лъзя не подивиться безкорыстію и повинненію воинства. Въ исторіи побѣдъ не видно по-

а) Подв. доброд. и славы Руск. Серг. Глинк. 1816, стран. 40.

добрых примѣровъ. Но какихъ чудесъ не производишь истинное благочестіе! Когда Вѣра повѣлываетъ и Вѣра повинуется, тогда исчезаетъ своекорыстіе, и сердца воиновъ исполняются единымъ духомъ полководца. Вотъ простое средство владѣть и управлять сердцами. Умы шонкіе по широкимъ поработеннымъ, избобрѣпающъ тысячу способовъ и изобретовъ, чтобы всѣ воли сосредоточить и двигать по своему производу: но всѣ ихъ хитроси, какъ паутина, разрываются. Рабъ Господень мудръ безъ усонченія, ибо ошъ Господа просвѣщается; силенъ безъ усидій, ибо облакаешъ силою свыше всѣ; сердца къ себѣ обращаетъ и покоряетъ, ибо всѣмъ сердцемъ обращенъ и покоренъ Богу.

Общее довѣріе есть неощемлемая дань мужа мудраго, благочестиваго и неколебимаго. Рѣдко Героя достигаютъ столь неограниченной довѣренности, какую пріобрѣлъ великій Суворовъ. Скажемъ истину не обинуясь: Платовъ былъ подобенъ Суворову. Его вѣрность, безкорыстіе, мудрость и опытность пріобрѣли ему довѣріе въ Донскомъ войскѣ, въ Монархѣ Сѣвера, во всей Россіи, во всей Европѣ. Будучи чуждъ всякаго тщеславія, онъ былъ выше зависти, и пренебрегая опасности, онъ тамъ посылалъ шротей, куда не смѣли проникнуть ошважнѣйшіе изъ Героевъ. Казалось, самой рокъ преклонялся предъ его знаменами.

Чѣмъ болѣе изумляетъ насъ великость духа и дѣлъ Платова, тѣмъ любезнѣе и привлекательнѣе непритворная простота, которую сопровождалъ всѣ его поступки и обхожденіе. Съ простыми воинами онъ бесѣдовалъ какъ простой воинъ; съ мужами знаменитыми онъ говорилъ какъ истинной Козакъ; въ своемъ семействѣ былъ ошцемъ семейства; вездѣ и со всѣми обходился, не теряя присутствія духа какъ Герой, съ простошою какъ Россіянинъ, опасаясь онъ низшихъ не величіемъ наружности, но мудростію совѣтовъ, основательностію сужденій и швердоснію духа. Умалетъ простота людей обыкновенныхъ: но Платовъ шѣмъ былъ величественнѣе, чѣмъ простѣе.

Россіяне! это былъ образецъ, не примѣрами образованный, но собственнымъ гениемъ великій, или справедливѣе, образовавшійся Вѣрою къ Богу, и любобію къ отечеству, управлявшими его гениемъ. Онъ шествовалъ крапчайшимъ пушемъ къ славѣ, не заботясь о собственной славѣ, но ища славы Вожіей и благоденствія Россіи.

И такъ совершилъ со славою поприще жизни своей мужъ, достойный вѣчной памяши и похвалы: но онъ переходитъ въ вѣчность. Великій Боже! кто посмоишь предъ строгоснію суда Твоего? Умоляемъ Тебя кровію Твоего возлюбленнаго Сына, не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ, покрой его Твоимъ милосердіемъ, и всели Авраама нашего въ нѣдрахъ Авраамовыхъ. Да будешь на небеси духъ его, какъ благословляется на земли и прославляется намъ его! Аминь.

V.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУСТВА.

О Театральной декламаци. *)

Театральное искусство въ важномъ родѣ, шо есть въ Трагедіи, состоишь изъ двухъ частей: изъ декламаци или хорошаго произношенія стиховъ, и игры, выражающей шраспій, но менѣе подчиняемой правиламъ. Нынѣ въ театральныхъ школахъ, слѣдудя ошибочному руководству, почти совершенно не радящъ о декламаци, которая одна только можетъ быть плодомъ наставленій; напрошивъ же занимающа образованіемъ воспитанниковъ въ игрѣ, которую единшвенно опынъ и

*) Изъ новѣйшаго сочиненія Графини Жанлисъ, подѣ названіемъ: Dictionnaire critique et raisonné des étiquettes de la cour, des usages du monde etc.

дарованіе усовершенствовать могутъ. Хорошая декламация состоишь въ чистотѣ произнесенія, искусствѣ смягчать свой голосъ, имъ управляя и сообщая словамъ надлежащую силу. Совершенство игры состоишь въ правильномъ выраженіи чувствъ и страстей. Вообще почти половина каждой трагической роли пребудеть хорошей декламации, разсказа, выговора; многія сцены поддерживаются только сею частію искусства. Если Актеръ дурно декламируетъ, но сколько бы онъ ни былъ искусенъ въ сильныхъ и опасныхъ движеніяхъ, не достигнешь желаемого совершенства въ лучшей роли; онъ будетъ посредственъ въ большой ея частіи и вся прелесть удачныхъ стиховъ утратится въ ушахъ его. Если ему посвятившись заслужить одобреніе, но испорчишь слухъ и вкусъ своихъ цѣнителей; тогда онъ будетъ виновенъ въ преступленіи, въ которомъ ни одинъ Стихотворецъ и Литераторъ не оправдаютъ его, онъ лишится Радина всей божественной его гармоніи.

Въ пѣніи начинаютъ съ *ит-ре-ли*; учитель прежде, чѣмъ подумаетъ сообщить пѣнію прямоту, душу, выразительность, старается единственно образовать органъ голоса и вѣрность ноты. Кажется и въ театральномъ искусствѣ также начинать должно съ декламации, заставляя воспитанника выучивать не роли, а оды и отрывки лучшихъ стихотвореній. Когда онъ въ состояніи хорошо декламировать оды Руссо, лучшіе стихи изъ Генрияды, поэмъ Делия и проч. *) тогда уже давайте ему учить роли.

Лучше всѣхъ декламировали Лекенъ, дѣтвцы Клеронъ и Монвель: **) дѣтъ шрицать тому, какъ сіе искусство начало упадать. Актеръ *Офренъ*

*) Въ семь отношеніи мы также богаты хорошими стихотвореніями, напечатанными въ особомъ изданіи, подъ названіемъ: *Собраніе образцовъ Русскихъ Стихотвореній. Пер.*

**) У насъ Дмитревскій, Шушеринъ и Шенеръ Гжа Семенова. *Пер.*

съ успѣхомъ отличившійся на поприщѣ Мельпомены вздумалъ играть въ трагедіи безъ декламации, употребляя шонъ и жесты, самыя обыкновенныя. Слѣдствіемъ того было, что онъ искажалъ превосходнѣйшіе стихи Расина, Корнеля и Вольпера; затрудняя другихъ Актеровъ, которые предъ нимъ, казалось, чрезъ мѣру напрягались и причиняли вредъ искусству. Тѣ, кои всегда увлекаются странной новизною и обыкновенными вещами, восхищались симъ родомъ поному имени, что оный уклонялся отъ хорошаго; осуждавшимъ сіе они надменно отвѣщивали, что сей родъ ближе къ природѣ и поному наилучшій; конечно нельзя спорить противъ шотс, чибобъ Герои, Цари и Принцессы походили по своей наружности и голосу на театральныя лица; но если хошимъ видѣть ихъ въ натуральномъ состояніи, то также должно заставить ихъ говорить прозою, или по крайней мѣрѣ уничтожить ту высокую Поэзію которая для нихъ единственно предназначена, и употребляя въ Трагедіи стихи, своиственные простой Комедіи.

Вообразительное совершенство (*ideal*) языка Трагедіи должно быть замѣтно и во всѣхъ прочихъ частяхъ актерской игры; а безъ сего согласія уничтожилось бы самое очарованіе, Трагедіей производимое; оно происходитъ отъ изыщной совокупности; это природа улучшенная, однакожь возможная, подобно Венерѣ Праксипелевой; въ семь по состоишь изыщное совершенство, которое, возвышая душу, поражаетъ предъчаешь воображеніе; и тогда хорошая Трагедія будетъ мастерскимъ произведеніемъ въ отношеніи къ Словесности, въ предъпащеніи же восхищительнымъ, благороднѣйшимъ наслажденіемъ, какое только человекъ могъ изобрѣсть.

В. Соуб.

БЛАГОТВОРЕНІЯ.

32. Отъ неизвѣстной особы *Н. А. Д.* получено *двадцать пять рублей* (25 р.) въ пользу бѣднаго семейства мѣщанина *Малышкіна*.
33. Издашесть имѣешь чешь увѣдомить неизвѣстную благотворительницу, приславшую изъ *Дорогобужа* *двѣсти пятьдесятъ рублей* (250 р.) для искупленія на оную сумму пятерыхъ чело-вѣкъ, заключенныхъ за долги, что нынѣ въ здѣшней градской тюрьмѣ не оказалось содержимыхъ за малыя суммы. Онъ осмѣлился употребить оныя деньги олдующимъ образомъ: за *сто сорокъ рублей* (140 р.) выкупленъ здѣшній мѣщанинъ *Козьма Ивановъ*, содержавшійся за неплатель сей суммы одному *двняль*; а *сто десять рублей* (110 р.) внесены въ шесть уплатъ долга за *четыреста рублей*, за который содержился здѣшній же мѣщанинъ *Иванъ Алексѣевъ*. *Сто рублей* внесены уже одною благотворительною особою; остается уплатить для освобожденія его *сто девяносто рублей*. Онъ имѣеть жену и двоихъ дѣтей. Добрые соопечественники! по жертвованіемъ сей малой суммъ вы возвращаеши отца сѣвующему, убогому семейству!

Ошибки въ 19 книжкѣ.

стр.	стр.	напеч.	читай.
244	2	снizu	30 Февраля 30 Апрель.
259	7	цѣльныя	комнаты. цѣльныя колонны.

(17 Мал.)

С Ы Н Ъ
О Т Е Ч Е С Т В А .

1818. № XXI.

I.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ.

Взглядъ на заговоръ Катилины. *)

Римъ достигъ чрезъ пять вѣковъ до зрѣлости своей. Сила, сперва благодѣтельная, единовластія, попомъ во зло употребленная; борьба между благороднымъ честолюбіемъ Паприціевъ и еще болѣе благородною любовію къ свободѣ Плебейцевъ; войны необходимые съ народами пограничными; и

*) Одинъ знаменитый любитель Словесности классической и ошечивенной, принявъ на себя трудъ перевести на Руской языкъ *Письма Цицерона*. Къ каждому письму приобщаетъ онъ замѣчанія археологическія, историческія и пр. ошличающія своею важностію, подробностію и новостію. Мы позучили ошъ пошщеннаго Переводчика позволеніе украсить нашъ Журналъ однимъ изъ сихъ примѣчаній, содержащимъ въ себѣ Исторію заговора Катилины, которая написана имъ для дополненія двухлѣтняго промежутка между 11 и 12 письмами Цицерона и — „посвящается юношамъ, начинающимъ заниматься Исторіею, какъ Наукою, а не просто упражненіемъ памяти.“ — Книга сія уже печатается въ Москвѣ. *Изд.*

наконецъ спасительный страхъ *) врага и соперника въ славу и величіе: все сіе послужило поспешенно къ укрѣпленію и возвышенію исполна, ужасавшаго современниковъ и понынѣ еще удивляющаго попомство. Въ промежуткѣ двухъ послѣднихъ Пуническихъ войнъ, Римъ вознесся на такую высоту, съ которой ему долженствовало медленно спускаться и наконецъ упасть, дабы оправдать вѣчный законъ Промысла, положившаго предѣлъ всякому дѣлу человеческому. Сія есть главная причина паденія Рима. Но мы не дерзнемъ вопрошать Провидѣніе и проникать утробы его, довольны будучи причинами, хотя вшороспешенными, но доспащочными для удовлетворенія ума любопытнаго.

Соспозаніе Аристократіи съ Демократіею служило первымъ оплошомъ благоденствія Республики, точно такъ какъ оппозиція въ Англіи есть палладіумъ ея Конституціи. Доколѣ процвѣтало богопочитаніе,

*) Горе тому (говорить Плутархъ), кому нѣкого уважать и нѣчего бояться!

и съ нимъ всегда неразлучныя чистота нравовъ и любовь къ отечеству; доколѣ опасеніе вѣшняго врага благодѣтельнымъ страхомъ сопрягало воедино всѣ члены политическаго тѣла, къ защитѣ и сохраненію цѣлаго: доколѣ укрѣплялся Римъ и возвышался. Но когда софисты побѣжденной Греціи въ свою очередь побѣдили завоевательей своихъ и пагубнымъ ученіемъ Эпикуреизма оправили нравственность, въ самомъ ея источникѣ; когда Апталовы спіяжанія вмѣстѣ съ сокровищами внесли въ Римъ роскошь и нѣгу Азіи; наипаче же, когда пали сѣсны Карфагена, Нуманціи и Коринѳа: тогда рушилось спасительное равновѣсіе двухъ пружинъ, коихъ сила до тѣхъ поръ не распоргалась, а связывала узелъ гражданскаго общесства. И съ тѣхъ поръ — или другая изъ пружинъ сихъ превозмогала попеременно, и Республика между ними расперзана была на части.

VIII вѣкъ Рима съ самаго начала ознаменованъ былъ народными смутами, коихъ довели его наконецъ до порабощенія Августу и недоспойнымъ преемникамъ его.

Братья Гракхи, Тиберій и Каіѵ, первые необузданнымъ честолюбіемъ своимъ открыли будущимъ ихъ подражателямъ опасную пайну; что чернь можешь служишь орудіемъ тому, кто захочеть похишишь власть. Они пали жертвами покушеній своихъ; но пагубное сѣмя оспалось и возраспило плоды ужасные. И до нихъ конечно Паприціи и народъ не любили и боялись другъ друга, но по крайней мѣрѣ ихъ обуздывало взаимное уваженіе; когда же богатство спало сперва замѣняшь достоинства, а потомъ цѣнились и выше оныхъ, тогда взаимное презрѣніе заспушило мѣсто уваженія; всѣ гражданскія узы разорвались, и Югурта, примѣръ вѣроломства, чудовище обогренное кровію всѣхъ родственниковъ своихъ, имѣлъ право, по собственному опыту своему, воскликнуть: *Римъ, продажный городъ! ты будешь добычею того, кто найдетъся въ состояніи купить тебя!*

Въ срединѣ вѣка сего явились плоды столь пагубнаго разврата — междоусобная война. Марій и Силла, честолюбіемъ, враждою, мщеніемъ, довели Республику до края

внбелн, пролили лучшую кровь ея, какъ въ самомъ городѣ, пакъ на поляхъ Иппаліи, и первые доказали Риму, что можно похишишь у него свободу и *остаться въ живыхъ*. Между тѣмъ, какъ Силла довершаешь побѣды свои надъ Миприданомъ, непримиримый врагъ его, въ шестый разъ Консуломъ, испощаешь надъ согражданами своими всю ярость врожденнаго ему звѣрства (звѣрства, до котораго не дошли бы и побѣжденные имъ Кимвры, если бы они овладѣли Капиноліемъ) и умираешь на ложѣ своемъ, пресыщенный кровію, но ненасыщенный еще честолюбіемъ. Свирѣпый соперникъ его, мщеніемъ пылающій, возвращается въ Римъ, и изъ защитника отечества дѣлаешь палачемъ его. Кровь льется еще ужаснѣе, нежели при Маріи. Спрашный листъ осужденій (*proscriptio*) поражаетъ всякаго, кто имѣетъ что-либо пераешь, кто шолько можешь возбудить чѣмъ-нибудь корыстолюбіе послужниковъ ширана. Періодъ сей въ Римѣ являетъ позорище, подобное тому, которое недавно предсвлялось въ Парижѣ при Робеспьеррѣ. Но исчадіе революціи пало подъ

пою самую гильбошиною, кошорая мановеніем его пролила сполько Французской крови; а Силла, упомянутый убійствами Силла, добровольно опречаешся ошъ Диктаторства и держаетъ въ толль народной спашь на чредь просшаго гражданина. После сихъ ужасныхъ попрысеній усталость злодѣевъ произвела мгновенное спокойствіе — видъ обманчиваго порядка. Это была искра, пльющая подь пепломъ. Сообщники Марія и Силлы ждали шолько удобнаго случая, шпобы снова возжечь пожаръ, и случай сей²⁰ вскоре представился: появился Капилина. Ошъ него до паденія Республики Исторія представляетъ непрерывный рядъ крамоль, междоусобій, убійствъ и въ заключеніи всеобщее рабство на развалинахъ свободы.

Луцій Сергій Капилина происходилъ ошъ древнѣйшей фамиліи Сергіевъ, конхъ родоначальникъ былъ одинъ изъ первыхъ Паприціевъ при основателѣ Рима. Природа одарила его необыкновенными силами душевными и шѣлесными, но вложила въ него сердце коварное и злое. Рожденный въ самое

несчастное для Республики время, пріобыхшій съ опроческихъ дѣль къ хищеніямъ, сварамъ, кровопролитію, онъ въ нихъ провель всю молодость свою и служиль Си въ орудіемъ неслыханныхъ злодѣяній. Будучи *ума необузданнаго*, всегда спремяагося къ чрезвычайному, всегда желающаго невозможнаго, по смерти Силлы онъ рѣшился, во что бы то ни спало, похищиль власть въ Республикѣ.

Общій развращъ, неоплашимые долги, тяготяющіе на многихъ значныхъ молодыхъ людяхъ, побужденныхъ чрезъ шо желашъ, какой бы то ни было, перемѣны, диль бы шолько освободиться ошъ долговъ и ошъкрышь себя снова пущъ къ расхищенію сокровищъ народовъ подвластныхъ Риму; явное неудовольствіе всѣхъ паршій, особливо приверженцевъ Силлы, споль же легко расшочившихъ, сколь неспово стяжавшихъ имуществва, во время междоусобной брани; отдаденіе ошъ Рима войскъ Республики, употребленныхъ шогда на Воспокъ противъ Мигридата: всъ сіи обшоятельства благопріятшствовали намѣреніямъ Капилины.

Но всего еще болѣе собственная его разсройка и духъ смущенный, плодъ расперзанной совѣсти, влекли его къ низпроверженію законовъ опечества; безопасность его и Рима не могли уже существовать совмѣстно: долженствовало пастъ тому или другому.

Въ 687 году Капилина, обремененный проклятіями и сокровищами Африки, гдѣ онъ находился Пропреторомъ, возвратился въ Римъ для исканія Консульства и нашель противъ себя донощика, Клодія Пульхера, позвавшего его къ отвѣту за грабительства его въ провинціи. Будучи такимъ образомъ подъ судомъ, онъ принужденнымъ нашелся општатъ ошъ иска своего и тогда уже положилъ первое основаніе заговора, къ коему приобщилъ Пизона и Авшронія: перваго юношу благороднаго, но разореннаго и гошоваго на всякое дерзкое предпріятіе, сколько изъ честолюбія, сполько и изъ ненависти къ Помпею, а втораго, Авшронія, раздраженнаго противъ Правительства за опроверженіе его ошъ Консульства, на кошорое онъ и Корнелій Силла были

уже избраны, но оба опрѣшены, уличенные въ подкупъ голосовъ на выборахъ. Предначертваніе заговора сего соспояло въ шомъ, чшобъ 1 го Января 688 года умершвить обоихъ Консуловъ (Манлія Торкваца и Аврелія Кошту) и, похитивъ влассть, раздѣлишь ее между собою и другими сообщниками своими, между коими, полагаюшь, находились Маркъ Крассъ и Юлій Цезарь. Какъ бы шо ни было, покушеніе сіе въ назначенный день не удалось, и, будучи опложено до 5 Февраля, ошалошь также щещнымъ.

Судъ надъ Капилиною, по поводу вышешепомянушаго на него доноса, наряжень былъ въ печеніе 688 года. Противъ всякаго чаянія и не смотря на шо, что доказательствъ грошивъ него были щакъ ясны, какъ шо, *шо солнце свѣтитъ въ полдень*, судъ оправдалъ обвиненнаго, и чрезъ шо далъ ему право снова явиться въ числѣ Кандидатовъ на Консульство. Но и шунъ Капилина не успѣлъ: Цицеронъ вмѣстѣ съ Антоніемъ Ибридою назначены были Консулами на 690 годъ, и злодѣй, обманушый во всѣхъ надеждахъ своихъ и доведенный до прежней его

нищеты (ибо награбленные ими в Африке деньги издержаны были на подкуп судей и самого донощика), вознамьрился привести въ исполненіе ужасное намьреніе свое чрезъ заговоръ, прославившій Цицерона спасителемъ отечества и положившій начало событіямъ, довершившимъ паденіе Республики.

Пресупники, шпенещущіе ошь справедливой мести законь; юноши развращенные, промощавшіе насльдства свои и упоющіе въ долгахъ неоплаченныхъ; злодѣи всякаго званія, привыкшіе во времена Марія и Силлы жить грабежемъ или мздою убійствъ; словомъ сказать, всь шь, кощорымъ одно мизпроверженіе общаго порядка могло сулить безопасность, были давно приверженцами Капилины. Изъ нихъ онь избралъ развращеннѣйшихъ и отважнѣйшихъ въ сообщники заговора, и чего можешь быть не помыслилъ бы и самъ Аннибалъ, если бы послѣ Каниской битвы овладѣлъ Римомъ, шо вознамьрился исполнишь Римлянинъ-Паприцій, а именно: Консуловъ и большую часть Сенаторовъ умерщвить, городъ выжечь, казну

похищить, и однимъ словомъ, низпровергнуть Республику.

Первое собраніе злоумышленниковъ было въ домъ Капилины около перваго числа Юня 689 года. На ономъ, по преданію Саллустія, находились изъ Сенаторовъ П. Лентуль Сура, П. Автроній (шошь самый, о кошоромъ выше сего помянушо), Л. Каессій Лонгинъ, К. Цепетъ, Публий и Сервій Спалы, племянники Дикшатора, Л. Варгуншей, К. Анній, М. Порцій Лекка, Л. Беспіа и К. Курій, о кошоромъ Цицеронъ съ шакимъ презрѣніемъ говоришь въ письмѣ 10 мь къ Апшику; изъ Всадниковъ: М. Фульвій Нобиліоръ, Л. Сташилій, П. Габиній Капишо и К. Корнелій. Капилина хоща и прежде съ каждымъ изъ нихъ порознь переговаривалъ ошь умыслъ своемъ, но шунъ впервые открылъ всьмъ вообще намьреніе свое. Извергъ, предпринимающій убійства, пожары, прикрывалъ гнусные виды свои священными именами свободы, отечества — всегдашняя уловка возмущителей спокойствія! „Власть, говоришь онь, въ рукахъ у немногихъ; общій жребій нашъ — рабство. Не лучше ли намъ

умереть, как приспойно мужамъ отъяд-
нымъ, нежели влачить жизнь позорную въ
неволя и посрамленіи? Вашъ вождь или рап-
никъ, вамъ подчиненный, — я готовъ на
все, если вы предпочтете свободу рабству.“

Сообщники хотѣли узнать, какія поч-
то будущъ послѣдствія переменъ, и Капи-
лина обѣщала имъ уничтоженіе долговъ,
убіеніе (proscriptio) богатей, дѣлежъ между
своими сокровищъ и почестей Республики,
однимъ словомъ, все то, что завоеваніе до-
спавляешь побѣдителямъ. Обольщенные си-
ми надеждами, заговорщики признали въ
Капилинѣ достойнаго ихъ вождя, присту-
пили къ присягѣ и кляпвенно обрекались
споаять за одно и умереть другъ за друга.

Мы видѣли, что въ числѣ злоумышлен-
никовъ находился Курій. О немъ было уже
говорено въ замѣчаніяхъ на 10е письмо *);
здѣсь нужно прибавить, что ко всѣмъ по-
рокамъ своимъ онъ еще присовокуплялъ са-

*) „Курій знашнаго рода, но споль развратный
человѣкъ и до того отчаянный игрокъ, что Цензо-
ры выключили его изъ списка Сенаторовъ.“ *Прим.*
10 на X письмо Цицерона.

молюбіе, равняющееся съ одною шолько
дерзоспю его, и хваспливоспъ, копо-
рая не позволяла ему молчашъ ни о
шомъ, что слышала, ни о шомъ, что
самъ предпринимала. Кто бы подумала,
что самые пороки сіи спасли Республику?

Курій былъ въ связи съ нѣкоторою
Фульвією, женщиною рода знашнаго, но по-
веденія породъ ея не соопвѣтствующаго.
Пока онъ имѣлъ чѣмъ плашить за ласки ея,
до шѣхъ поръ былъ всѣмъ предпочтенъ; но
Курій, разоренный и безденежный, мечпала
сохранить прежнее право свое надъ любов-
ницею, и въ эшомъ онъ ошибся: Фульвія не
хотѣла болѣе знашь ницатаго обожателя, а
онъ, чшобы преклонить ее къ своимъ жела-
ніямъ, приступилъ къ угрозамъ и леспнымъ
обѣщаніямъ золотыхъ горъ. Такія посулы
ошъ челоувѣка, ничего не имѣющаго, возбуди-
ли женское любопытство: Фульвія захотѣ-
ла узнать причину Куріева хвасповспва;
она сдѣлалась послушнѣе, а Курій болшли-
вѣе, такъ, что вскорѣ она вывѣдала ошъ не-
го всѣ подробности заговора, начала пого-
варивашъ съ знакомыми о предстоющихъ въ

Республикь перемѣнахъ; и хоша ушала объ источникѣ ея свѣдѣній, но довольно было уже сказаннаго ею, чшобы распустишься по городу слуху о какомъ то заговорѣ, угрожающемъ Правительству, и сего до-спасочно было къ ускоренію избранія Цицерона въ Консулы.

Здѣсь начинается пошъ періодъ жизни Цицерона, въ кошоромъ онъ испоцилъ все то, что можешь благоразуміе, предусмо-пришельность, онважность въ начинаніяхъ, рѣшимость въ исполненіи и великодушіе, побуждающее жершвованъ самимъ собою для спасенія ошечества. Зная, что това-рищъ его Антоній не шолько что развращ-ный человекъ, но еще и сообщникъ Капилины, Цицеронъ умѣлъ, если не склонилъ его на добрую сторону, шо по крайней мѣ-рѣ сдѣланъ бездѣйственнымъ, общавъ ему уступилъ правленіе Македоніи, провинци, на кошорую имѣлъ самъ неоспоримое пра-во, какъ старшій Консулъ. Черезъ Фульвію онъ согласилъ болшливаго Курія бытъ пе-реносникомъ всего, происходящаго на шай-ныхъ сходбищахъ у Капилины, и такимъ

образомъ, окруживъ невидимую сѣтью всѣхъ заговорщиковъ, онъ узнавалъ заблаговремен-но о всѣхъ покушеніяхъ, и не было намѣ-ренія, предпріяшя, движенія, кошорыя бы могли сокрыться опъ прозорливыхъ очей его.

Капилина, худо надѣющійся на Аншо-нія, дышущій местию и яростию противъ Цицерона, рѣшилъ приступить къ дѣлу, не храня болѣе никакихъ мѣръ. Онъ разо-слалъ многихъ изъ сообщниковъ своихъ по разнымъ мѣстамъ, гдѣ казалось ему удобнѣе произвестъ возмущеніе: Сатрїя въ Пиценъ, Юлія въ Апулію, главнаго, Маллія, въ Эпру-рію, гдѣ болѣе всего надѣялся найши недо-вольныхъ *), а самъ, какъ глава заговора, остался въ городѣ. Ни днемъ, ни ночью не вкушая покоя, онъ мешался изъ мѣспа въ другое, поощряя бодрыхъ, укоряя лѣнливыхъ; заготовлялъ все нужное для сожженія горо-да; распавлялъ по улицамъ шайки шайно вооруженныхъ; самъ безъ кинжала не выхо-дилъ со двора, и неусыпно вездѣ искалъ слу-чая умершвить Цицерона.

*) По причинѣ раздраженія Эпурцевъ противъ Силлы, раздавшаго земли ихъ приверженцамъ своимъ

Не смотря на двукратный опказъ въ Консульствѣ, Капилина не постыдился и въ третій разъ спастъ на ряду съ Кандидами на будущій 691 годъ. Консульство въ рукахъ его было бы вѣрнѣйшимъ способомъ низпровергнуть Республику: для такой цѣли онъ не могъ перясть его изъ вида; и для того началъ еще тѣснѣе дружить съ Антоніемъ, который, какъ по всему видно, и тогда обѣщался бытъ ему помощникомъ.

Сильнаго орудія къ возмущенію черни, денегъ, не доставало Капилинъ; онъ занималъ ихъ самъ и чрезъ сообщниковъ своихъ, гдѣ только могъ, и разсыпалъ золото въ народъ для приманки къ себѣ приверженцевъ. Въ помъ же намъреніи онъ вызвалъ изъ Эпзуріи въ Римъ множество опстанныхъ воиновъ, служившихъ при Силлѣ. При появленіи въ городъ сихъ людей, напоминавшихъ минувшую пиранию, ужасъ объялъ гражданъ; напротивъ того окруженный полпою разбойниковъ, досшойный вождь ихъ казался дѣшельнѣе и веселѣе. Онъ уже мы-

сленно торжествовалъ; ему мечталось, что верховная власть не избѣжипъ отъ рукъ его и утвердится навсегда въ его попомствѣ. Веселость злодѣя имѣеть что-то страшное для добрыхъ людей: въ глазахъ Капилины сверкала ярость; въ чертахъ лица его видна была вся гнусность порока, и уста его дышали люпосію.

Но Цицеронъ между тѣмъ, не дремалъ. Столько движеній со всѣхъ споронъ произвело ужасное смяшеніе въ городъ, однако же причины оныхъ не были еще довольно ясны и не позволяли Цицерону поступать открыто. Онъ зналъ чрезъ Курія о всѣхъ замыслахъ Капилины, зналъ, что онъ покушается на жизнь его; но доказательствъ на все сіе еще другихъ не имѣлъ, кромѣ шайныхъ сообщеній Курія, котораго выставлялъ ни подъ коимъ видомъ не могъ, ибо чрезъ то лишился бы единственнаго способа проникать сокровеннѣйшія шайны злоумышленниковъ, изъ коихъ не всѣ еще были ему извѣстны. Одинъ Капонъ, опирался на общую молву, возсталъ въ Сенатѣ прошиву Капилины, и угрожалъ ему жестко зако-

ювь. На сіе злодѣй съ неслыханною дерзостію ошвѣчалъ: „Вы раздуваете огонь противъ меня; но я гасишь буду не водою, а пошущу его подъ развалинами Республики.“

Послѣ такога ошвѣща надобно было, не консьвъ, принимашься за дѣло, и Капилина опредѣлилъ 26 Оксября на исполненіе заговора, а къ Маллію послалъ приказаніе, чшобы онъ между шѣмъ съ вооруженною силою приближался къ Риму. И сіе намѣреніе не укрылось ошъ Цицерона; а какъ уже и день (20 число) назначень былъ на умершвленіе его, шо далѣе ошлагать донесеніе обовсемъ заговоръ не дозволяли ни обшоательства, ни собшвенная опасносшь его. 19го Оксября онъ созвалъ Сенашъ въ первой разъ по сему предмешу. Ошкрывъ, чшо Маллій чрезъ четверо сушокъ долженъ возмушишь Эпрурію, онъ присовокупилъ къ сему, чшо мяшежникъ сей еспь не иное чшо какъ орудіе людей, болѣе его значущихъ, въ самомъ Римѣ пребывающихъ и замышляющихъ ужаснѣйшій заговоръ прошивъ Республики. Тушь онъ разе казалъ всѣ подробности сего заговора, не называя злоумышленниковъ по име-

ни, но употребляя впрочемъ шакія выраженія, кошорья не могли оставишь подъ сомнѣніемъ, на чей счешъ клонилась рѣчь его.

По различнымъ наклонносшямъ Сенашоровъ, донось Цицерона произвелъ различныя впечатлѣнія на умахъ слушателей его: нѣкоторыя изъ Пашриціевъ, по выходѣ изъ собранія, немедленно удалились изъ Рима; но большая часть начала подозрѣвать Консула въ клеветѣ на Капилину, по старой злобѣ на него. Положеніе Цицерона было зашруднительно: конечно признаковъ было много, но все еще недоспавало ясныхъ и неоспоримыхъ доказательствъ къ обвиненію челоувка столь знашнаго, какъ Капилина, и Сенашъ довольствовался ошмѣненіемъ народнаго собранія для выборовъ, на завшранній день (20 числа) назначеннаго, опредѣливъ пришомъ бышь вшоричному совѣщанію по поводу Консуловыхъ ошкрытій.

(Продолженіе впрעדъ)

II.

ВОСПИТАНІЕ.

О НОВѢЙШИХЪ МЕТОДАХЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО
ОБУЧЕНІЯ.

(Окончаніе.)

II. О ЗАВЕДЕНІЯХЪ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ НИЗШИХЪ КЛАССОВЪ НАРОДА, СООТВѢСТВЕННО ИХЪ СОСТОЯНІЮ.

Одно изъ прекраснѣйшихъ и для друга челоѡчества утѣшительнѣйшихъ явленій нашего вѣка, есть *вниманіе и полегеніе*, *обрацаемая нынѣ на существенное образованіе низшихъ классовъ народа.*

Чѣмъ болѣе познають и уважають цѣну воспитанія вообще, чѣмъ болѣе усматривають, что оно есть дѣйствительнѣйшее средство къ основанію блага челоѡческаго и къ доведенію каждаго до насущнаго его познанія, тѣмъ болѣе должны чувствовать, сколь важно, неупускавъ изъ виду образованія низшаго, но многочисленнѣйшаго класса гражданъ. Двумъ главнымъ причинамъ приписавъ должно то, что по-

печеніе о семъ не доведено еще до той степени, на которой бы желали видѣть оное и благоразумная Политика и вообще Христіанское челоѡколюбіе. Первая изъ сихъ причинъ есть *недостатокъ средствъ*, для сообщенія основательнаго образованія великому множеству дѣшей; *вторая, недоразумѣніе*, которое господствовало *въ общемъ мнѣніи объ образованіи низшихъ классовъ народа.*

Да будетъ мнѣ позволено опредѣлить здѣсь существеннѣйшія свойства онаго!

Подъ названіемъ соотвѣтственнаго образованія низшихъ классовъ народа, разумью я то образованіе, которое доставляетъ сему классу ясныя и правильныя понятія о предметахъ, его окружающихъ; приучаетъ его съ самой юности къ порядку и дѣятельности; наставляетъ его производить работу свою удобнѣйшимъ и выгоднѣйшимъ образомъ и упражняетъ его въ нужныхъ къ тому навыкахъ; которое дѣлаетъ ему состояніе его любезнымъ, законы и Правительство почтенными, должности его въ различныхъ отношеніяхъ къ семей-

ешву, обществу, Государству и Главѣ онаго, священными; то, которое развиваешь и укрѣпляешь его правсвенныя силы и наконецъ наполняешь душу его Вѣрою къ утѣшительнымъ законамъ Божіа истинамъ. Вошь черпы, знаменующія истинное образование! Кто не почтеть онаго свѣтомъ небеснымъ? Кто не пожелаешь распространенія сего образованія и для самыхъ низшихъ сослояній? — Содѣйствовать тому, по мѣрѣ силъ своихъ, безъ сомнѣнія есть благошворительнѣйшая цѣль каждаго добраго гражданина.

Запрудненіе въ приведеніи сего въ дѣйство состояло пошько, какъ выше упомянушо, въ недостаткѣ средствъ къ шакому образованію. Сколь утѣшительно для друга челоѣчества видѣшь нынѣ, что желанное сіе образованіе не только дѣйствительно производится, но даже найдены способы, чшобы денежные пособія, къ образованію дѣшей низшаго класса нужны, приобрьтаемы были собственными ихъ шрудами, безъ мадѣйшаго для нихъ ошягощенія.

Сію важную для челоѣчества услугу оказали между прочимъ Фелленбергъ учрежденіемъ училища для бѣдныхъ.

Училище для бѣдныхъ въ Гофвилѣ.

Главная цѣль сего заведенія состоятъ въ томъ, чшобы образованіе земледѣльцевъ добрыхъ и шрудолубивыхъ — цѣль благошворительная; ибо нѣтъ сомнѣнія, чшо изъ всѣхъ сослояній гражданскихъ земледѣльческое, въ превосходной степени способствуя къ ушверженію всѣхъ добродѣтелей Христіанскихъ и гражданскихъ, содѣлываетъ членовъ своихъ полезнѣйшими въ Государствѣ гражданами.

Почтенный Фелленбергъ, преисполненный чувствомъ сей истины, ушремилъ все свое вниманіе на образованіе земледѣльцевъ. Изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ заведеній, имѣющихъ цѣлію дославлять дѣшамъ низшихъ классовъ народа сошвѣтшвенное сослоянію ихъ воспитаніе, учрежденная имъ въ Гофвилѣ школа для бѣдныхъ, заслуживаетъ первое мѣсто. *)

*) Заведеніе сіе подробно ошисано въ вѣсьма лю-

Ученіе производится по началамъ Песталоцци. Предметы ученія суть: правильное объясненіе на природномъ языкѣ, какъ словесно такъ и письменно, Арифметика, начала Геометріи, рисованіе, соотвѣтственные размышленія о природѣ и объ отношеніяхъ въ жизни человѣческой, и общепринятое пѣніе отборныхъ нравственныхъ пѣсней. Объ отечественной Исторіи и Географіи, предлагается имъ только то, что прилично ихъ сословію. Къ улучшенію нравственности и утвержденію въ Вѣрѣ, служитъ чтеніе Священнаго Писанія. Школьному ученію впрочемъ посвящаются въ сутки только 2, или по большей мѣрѣ 3 часа. Все остальное время дня употребляется на работу. Весною, лѣтомъ и осенью, каждый день, должны даже и самыя младшія дѣти (8 лѣтъ), не смотря на погоду, выходить на свѣжій воздухъ. Малые занимаются, безпрестанно подъ надзоромъ, въ полѣ или въ саду, чищеніемъ огородовъ, собираніемъ пло-

бопышномъ донесеніи, представленномъ Его Императорскому Величеству Графомъ Каподистрія.

довъ, разсаживаніемъ растений и т. д. между шѣмъ какъ большіе опправляютъ труднѣйшія работы. Зимомъ старшіе работаютъ въ мастерской, приготавливая земледѣльческія орудія, а младшіе плешутъ солому, дѣлаютъ корзины, выработываютъ разныя вещи изъ папки, переплетаютъ книги и пр. Произведенія всѣхъ сихъ работъ продаются, и выручаемыя деньги обращаются на содержаніе дѣтей и учителей. Симъ способомъ заведеніе содежитса почти само собою. Между шѣмъ, какъ дѣти посредствомъ самой работы воспитываются для работъ, они также приобрьшаютъ собственнымъ прилежаніемъ средства къ лучшему образованію своему. Симъ благодѣтельнымъ опытомъ уничтожается наибольшее препятствіе, къ сообщенію приличнаго просвѣщенія многочисленнѣйшему и полезнѣйшему классу гражданъ.

Хотя сіе заведеніе, по особенностямъ намѣренія воспитать дѣтей для земледѣлія, не принадлежитъ собственно къ содержанію сей записки, коей непосредственнымъ предметомъ суть только заведенія для образованія ниж-

яго класса воинскаго юношества, однако не могъ я не упомянуть и о Фелленберговой школѣ, ибо она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, можетъ служить образцемъ и для заведеній вышеупомянутаго рода; а сверхъ того она въ шакомъ Государствѣ, какова Россія, коюрой все богатство состоитъ въ *силахъ теловѣстскихъ* и въ *произведеніяхъ земли*, преимущественно подражанія достойна. Земледѣліе и воспитаніе суть два могущественные способа, посредствомъ коихъ Россія можетъ достигнуть высочайшей степени цвѣщущаго сословія. Первое умножаетъ средства къ шѣлесному благословію, а послѣднее развиваетъ нравственныя и умственныя силы челоука.

Школа Искусствъ и ремеслъ въ Шалонѣ.

Въ семь заведеній воспитываются 500 мальчиковъ отъ 12 до 18 лѣтъ съ поученіемъ, чтобы *образовать* изъ нихъ хорошихъ и искусныхъ ремесленниковъ.

Четыре часа въ день опредѣлено для обученія языку, Архитектурѣ, Геометріи и рисованію; восемь для работы въ различ-

ныхъ мастерскихъ. — Сихъ послѣднихъ усстроено десять; онѣ находящіяся въ одномъ и томъ же домѣ со школою.

Къ каждой мастерской приставленъ мастеръ, коюрой обучаетъ своему ремеслу вѣренныхъ ему молодыхъ людей. Присемъ преимущественно обращается вниманіе на то, чтобы каждая вещь была выработана по сдѣланному прежде самимъ ученикомъ точному и правильному рисунку, а иногда и по приготовленной такимъ же образомъ модели, дабы приучать молодыхъ людей производить работу свою сообразно правиламъ Искусства, ш. е. по предварительному и тщательному размысленію и по изображенію, на семъ основанному. *)

Сверхъ упомянутаго ученія и занятія ремесломъ, приучаются молодые люди также и къ военнымъ упражненіямъ.

*) Почти на такихъ же правилахъ основано ремесленное училище въ Черниговѣ (бывшимъ Малороссійскимъ Г. Генералъ-Губернаторомъ Княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ), которое, процвѣщая въ теченіе 10 лѣтъ, начинаетъ уже приносить ощутительную пользу.

Присемь достойно примѣчанія, что ученики, не смотря на ежедневную, требующую пылесныхъ усилій, работу, во время уменьшеннаго ученія, споль внимательны и прилжны, что въ короткое время дѣлають довольные успѣхи и приномъ сохраняють бодрость, свѣжестъ и воинскій видъ. Симвъ доказывається, что такое соединеніе первоначальнаго общаго художественнаго и военнаго образованія не только возможно, но и весьма удобно.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

УТРЕННИИ ЗВѢЗДА. *)

Откуда, звѣздочка — краса?
Что рано павъ на небеса,
Въ одеждѣ праздничной швоей,
Въ огнѣ сіяющихъ кудрей,
Въ красѣ воздушно голубой,
Умывшись ушренной росой? —

Ты скажешь, встала раньше насъ!
О! нѣтъ! мы жнемъ ужъ цѣлыи часъ!
Не снесъ набросанныхъ сноповъ!
Кто съ упромъ встала, шомъ днемъ здоровъ;
Жизнь глядишь на Божій свѣтъ!
Ему за шрудъ вкуснѣи обѣдъ!

Иной привыкъ до полдня спать —
За то и ушра не видашь!
А жнецъ съ восшочнои звѣздой
Всегда встаетъ передъ зарей;
Работа рано по ушру,
Досугъ и пѣсни въ вечеру! —

А пшчки?... Всѣ давно ужъ шуть!
Играють, свищуть и поють!
Съ куста на кустъ! изъ сѣни въ сѣнь!
Кричашъ другъ дружкѣ: добрый день!
И шомно горлинки журчашъ!
Да чу! и къ зашранѣ звоняшъ!

*) Изъ No 3. Журнала *Для Немногихъ*.

И вся деревня поднялась:
 „Небесный Царь услыши насъ!
 „Твое владычество приди,
 „Насъ въ искушение не введи;
 „На путь спасения насъ ави;
 „И ошь лукаваго избави!“

Зачѣмъ же звѣздочка краса
 Всегда тамъ рано въ небеса?...
 Звѣзда подружка тамъ горитъ!
 Пока родное солнце спитъ,
 Спитъ тамъ увидѣться онъ
 Въ уединенной вышинѣ.

Танкомъ сквозь дремлющій разсвѣтъ
 Она за милою во сѣдѣ
 Бѣжитъ сия на востокъ,
 И будитъ ранній вѣтерокъ...
 Предъ нею вѣя съ высоты,
 Онъ милой шепчетъ: гдѣ же ты?

Но чтожь! увидятся ли? нѣтъ!
 Спитъ тамъ за ними солнце въ сѣдѣ!
 Ужь вотъ оно .. востокъ зажгло!
 Свой алый завѣсъ подняло,
 Надъло знойный свой уборъ,
 И ярко смошривъ изъ за горъ!

А звѣздочка? ужъ не блеснитъ!
 Уныло блѣдная обжишь,
 Подружкѣ шепчетъ: Богъ съ тобой!
 И скрылась въ безднѣ голубой!...
 И солнце на небѣ одно
 Великолѣпно и красно!

По озаренной высотѣ
 Идетъ въ спокойной красотѣ!
 Зашепталася на церкви кресты!
 И шонки паръ встаетъ окрестъ!
 И взглянетъ лишь куда оно,
 Тамъ мигомъ все ожидено.

На кровлѣ аистъ нощъ воспришь;
 Подъ небомъ ласточка кружишь;
 И дымъ клубится изъ печей;
 И будишь мельницу ручей;
 И тихо рѣветъ шемный боръ;
 И громко въ немъ сиучишь шопоръ.

Но кто тамъ въ ушренныхъ лучахъ
 Мелькнулъ и спрятался въ кустахъ?
 Съ вѣтвей посыпалась роса!
 Не ты ли дѣвица краса,
 Душѣ сказалася моей
 Веселой прелестью твоей?

Будь я восточною звѣздой!
 И будь на тверди голубой
 Моя звѣзда подружка ты,
 И мнѣ сияй изъ высоты...
 О звѣздочка — душа моя!
 Не испугался бь солнца я!

Жуковский.

СОВРЕМЕННАЯ РУСКАЯ БИБЛОГРАФИЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И :

1 8 1 8.

40. † *Лекція, читанная при публичном преподавании правил Российской Законодвднія, приуроченная к лекціям по Высочайшей воле Государя Императора въ Канцелярии 1 отдѣленія 6 Департамента Правительствующаго Сената въ Аудиторы для армейскихъ полковъ Секретарей Сената, Корреспондентовъ Комиссии Составленія Законовъ и Кавалеровъ П. Хавский 16 Февраля 1818 Москва, 1818, въ шп. Августа Семена, въ 4, 36 сгр.*

(Въ сей лекціи П. Хавский предлагаетъ весьма любопытное исчисленіе того, что сдѣлано доннынъ Правительствомъ и частными людьми въ Россіи для собранія, приведенія въ порядокъ и изданія узаконеній Рускихъ по всемъ частямъ. Разсмотрѣвъ въкращѣ всѣ изданныя по сей часи книги (какъ то Юридическій Словарь, Намятникъ избъ законовъ, Указатель Законовъ, Руководство къ Законоискусству, и разные другіе своды и систематическія сокращенія) Сочинитель говоритъ, что онъ намѣренъ самъ издать *Исторію или собраніе законовъ и словарь къ онымъ*, въ 20 книгахъ, имѣя въ рукахъ своихъ многія необходимыя и важныя для того пособія. Хотя *Систематическій Сводъ Россійскихъ узаконеній, издаваемый Комиссіею Составленія законовъ* конечно уничтожитъ всѣ вообще произведенія частныхъ людей, но въ семъ Сводѣ не помѣщаются законы уничтоженныя, а только тѣ, копорыя существуютъ нынѣ; *Исторія же законовъ въ порядкѣ Хронологическомъ* (какъ справедливо замѣчаетъ Сочинитель лекціи) есть и будетъ необходима для всякаго рода Исследованія,

тѣмъ болѣе для Законодвдцевъ. Выпишемъ для читашелей нашихъ изъ сей лекціи одно мѣсто, въ которомъ П. Хавский говоритъ о преимуществвахъ теоретическаго ученаго познанія Правъ предъ Законоискусствомъ. *приобрѣтенномъ помощію одной практики.* „*Придѣльное чтеніе книгъ по часпи Законодвднія* „*назвали мы средствомъ усовершенствованія въ* „*Законоискусствѣ. Такъ, вы должны знать о всѣхъ* „*сочиненіяхъ по часпи Россійскихъ Законовъ; ибо* „*книги сего рода такой свѣтильникъ, безъ котораго бы и самый ученѣйшій и опытнѣйшій Юрис-* „*прудентъ при каждомъ шагѣ не избѣжалъ ошибокъ,* „*находя истину или справедливый судъ. Не будемъ* „*завидовать тѣмъ, копорыя не брегуться о теорети-* „*ческихъ Наукахъ Законоискусства, и надѣясь на* „*дѣловность службы, почитающъ себя искусными въ* „*наукахъ Законодвднія, и думаютъ, что одинъ о-* „*пытный практическій упражненій ихъ доставитъ* „*имъ все нужное къ службѣ. Но нельзя безъ оскор-* „*бленія нашего самолюбія сказать, что не имѣли* „*случая усовершитъ себя въ другихъ Наукахъ, спо-* „*собствующихъ къ опираленію возложенной дол-* „*жности; ибо свидѣтельствуютъ опыты, что* „*Студентъ какого либо Университета въ первомъ* „*присутствіи занимаетъ въ Канцелярии Сената дол-* „*жность Письмачика, и чрезъ нѣсколько недѣль, а* „*не дѣль, дѣлается таковымъ соудникомъ, на* „*котораго положиться можно болѣе, нежели на* „*обыкновеннаго десятками дѣль служителя, такъ ска-* „*завъ механически дѣйствовавшъ въ порученномъ* „*дѣлу дѣль. Изъ сихъ людей, извѣстную привычку:* „*такъ бывало прежде, какъ вредную защиту дѣ-* „*ланія по службѣ и не соопвѣтствующую настоя-* „*щему времени, едва ли можно испрѣбавъ; Они не* „*могутъ, или не дохпятъ входящъ въ причины: оу-* „*чехо, для чего, и прочая; болѣе пишутъ нежели* „*обдумываютъ, и болѣе дѣйствуютъ безъ пользы* „*общественной, находя одну свою. Благодаря на-* „*стоящему времени, съ началомъ духа уваженія* „*къ талантамъ людей упала навсегда удобность* „*досчитавъ чиновъ не заслугами и ошачными по-* „*знаніями, но однимъ пребываніемъ и счисленіемъ*

„дѣтъ службы (*), и небрегутіе о наукахъ содѣла-
 „лись людьми достойными сожалѣнія. Время ис-
 „правиль ихъ и они почувствующи ошибку само-
 „надѣянности на одну службу безъ посредства Па-
 „ука. Гдѣ идешь дѣло о пользѣ общей, шуть дол-
 „жна браться сложности пользы ея, а не часовой.
 „Усердный гражданинъ не огорчится, видя, что
 „младшіи сотрудникъ его, образованный во всѣхъ
 „отношеніяхъ, вмѣстѣ способы достигати чиновъ
 „прямыми заслугами. къ кошорымъ впрочемъ не
 „только не прегражденъ путь каждому, но по ми-
 „лосердію и мудрости Августѣйшаго Монарха На-
 „шего даны всѣ способы.“

41. *Разсужденіе объ основаніяхъ, постепенной
 ходѣ и пользѣ Экономіи Политической, про-
 изнесенное въ торжественной собраніи Яро-
 славскаго Демидовскаго Вышнихъ Наукъ Учи-
 лища 29 Апрѣля 1818 года, Этико-Политиче-
 скихъ наукъ Магистромъ, Экономіи Полити-
 ческой и Науки Финансовъ Профессоромъ Фе-
 доромъ Бекетовымъ.* Москва, 1818, въ Унив.
 шип. въ 4, 28 стр.

(Сіе разсужденіе произнесено въ день годична-
 го торжества учрежденія Ярославскаго Демидов-
 скаго Училища Вышнихъ Наукъ. Къ нему приложе-
 ны Нѣмецкая и Французская рѣчи и стихи, чина-
 ные въ шощъ же день. Разсужденіе Г. Бекешова со-
 держитъ въ себѣ крашкое, но весьма ясное, и до-
 статочно изложене свойствъ, Исторіи, раздѣленія
 и пользы Политической Экономіи. Жаль, что Ака-
 демическая, рѣчь не распространяюцца далѣе из-
 вѣстнаго круга! Желательно было бы, чтобъ Австоръ,
 исключивъ изъ сего разсужденія все то, что отно-
 сится до оспомоществствъ шого дня, въ кошорой
 оно было чинано, издалъ оно въ небольшой особой
 книжкѣ и пустилъ въ продажу. Политическая Эко-
 номія принадлежишь у насъ къ предметамъ еще
 весьма мало извѣстнымъ и уважаемымъ: изложене
 ея своенсива и пользы было бы не лишнимъ для на-
 шей публики.)

* Указъ 1809 года Августа 6, данный въ Пешергоѣ.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

О ПУТЕШЕСТВІИ Англичанъ къ СѢВЕРНОМУ ПОЛЮСУ.

Сію экспедицію составляютъ четыре корабля:
 два изъ нихъ *Изабелла* и *Александръ* подъ коман-
 дою Капитана Росса и Лейтенанта Парра, пой-
 дуть чрезъ Дависовъ проливъ; а остальные *Доро-
 тея* и *Трентъ*, подъ начальствомъ Капитана Бу-
 хана и Лейтенанта Франклина, направяшь путь
 къ сѣверному полюсу; какъ шъ, такъ и другіе дол-
 жны стараться достигнути Берингова пролива.

Корабли построены самымъ прочнымъ обра-
 зомъ. Экипажъ состоишь изъ однихъ волонтеровъ;
 они получають двойное жалованье; опытные и съ
 сѣверными водами знакомые штурманы выбраны
 изъ корабельщиковъ, которые ежегодно ѣздяшь на
 кошовую лодку. Запасъ взятъ столько, что въ
 случаѣ нужды можно зимовать посреди льда или
 у Американскихъ береговъ.

Кпо привыкъ видѣть, что море, въ кошорое
 вдаеца Дависовъ проливъ, изображено на всѣхъ
 географическихъ картахъ подъ именемъ *Баффина-
 ва залива* (golfe de Baffin), шощъ конечно удивишь,
 какъ пришло на мысль избрать эту дорогу для
 путешествія къ полюсу. На сіе отвѣчаемъ, что
 новѣйшіе мореходцы, кошорые достигали шой же
 широты, до коей добхалъ ихъ предшественникъ
 Баффинъ, не нашли сѣвернаго берега сего мнимаго
 залива, и сверхъ шого нынѣ можно по многамъ
 причинамъ думать, что Гренландія не что иное,
 какъ оспровъ, совершенно отдѣленный ошъ Аме-
 рики.

Во первыхъ извѣстно, что въ Дависовомъ
 проливѣ происходитъ безпрерывное течене ошъ

съвера къ югу, примѣтное какъ у восточнаго берега Америки, такъ и у западнаго берега Гренландіи. Удивительно казалось бы, чѣмъ теченіе, коего быспрога полагается по чемыре и по пяти Англискихъ миль въ часъ, и коего направленіе во весь годъ одинаково, могло имѣть начало въ заливѣ. Но не на одной этой причинѣ, основывается усвѣжденіе, что Баффиновъ заливъ соединяется непосредственно съ полярными водами. Помянутое теченіе приноситъ отъ съвера къ югу множествено дерева, совершенно подобнаго тому, которое собирается вдоль восточнаго берега Гренландіи и часто наполняетъ всѣ сѣверные заливы Исландіи. Можно навѣрное полагать, что сіи деревья приносятся не изъ за 70 градуса в не изъ такой земли, въ которой едва растутъ кое какіе кустарники; ихъ стучья и кора доказываютъ, что они не задога еще оппоргнули отъ корней и одго по обстоятельству, что на стволзах видны иногда сады червошюины, показываешь ясно, что они пригноются не изъ самой холодной страны. Нерѣдко даже случается, что на плавающихъ по симъ водамъ бревнахъ находяся явные знаки попора дровосѣковъ. Сіи деревья состоятъ изъ елей, лиственницы, березы, осины и другихъ, которыя вѣроятно чрезъ Азіатскія и Американскія рѣки вошли въ Полярное море и опшуда силою сѣвернаго теченія приходящъ къ югу; одинъ рукавъ сего теченія идетъ между Исландіею и Гренландіею, а другой, какъ полагають, беретъ направленіе чрезъ Дависовъ проливъ. Въ 1805 году Капитанъ Франкъсъ рачилъ въ Дависовомъ проливѣ кша, котораго вскорѣ попомъ сынъ того же мореходца убилъ неподалеку отъ Шницбергена и нашель въ шѣл сего жившнаго гарпуну, означенную именемъ его оца. — Въ томъ же году и тамъ же Капитанъ Садеръ убилъ кша, въ которомъ находилась гарпуна одного Эскимца. Рѣдко случается, чѣмъ сіи морскія жившныя обходилъ мысь Фаревель, и попому должно думать, что они изъ Дависова пролива къ Шницбергену проходятъ чрезъ Баффиновъ заливъ, изъ котораго продавають чрезъ находя-

щійся между Гренландіею и Америкою каналъ въ большое полярное море. Споишь только взглянуть на карту, чѣмъ удостовѣришься, что сія дорога есть самая кратчайшая.

При несомнѣнномъ существованіи быстрого теченія, посредствомъ коего воды полярнаго моря впадаютъ въ Атлантическій океанъ, кажется необходимымъ, чѣмъ сія убыль была замѣняема южнымъ теченіемъ въ какомъ бы то ни было направленіи. Беринговъ проливъ представляеть естественнымъ устьемъ онаго. По сей системѣ воды Тихаго моря должны проходить чрезъ сей проливъ къ сѣверному полюсу, откуда онѣ, въ направленіи боаѣ или менѣе прямомъ, образують изливающіяся въ Атлантическій океанъ теченія, которыя примѣнены у восточнаго берега Гренландіи и въ Дависовомъ проливѣ. Воды обоихъ морей должны чрезъ то у сѣвернаго полюса сойтися шакъ, какъ онѣ сходятся въ противоположной шакъ, какъ онѣ извѣстныхъ теченій, около Капа Горна и южнаго мыса Африки.

Капитанъ Борней, одинъ изъ Куковыхъ спутниковъ, усвѣждалъ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ въ Лондонскомъ Королевскомъ Обществѣ, что старая Сибирь соединена съ Америкою и составляетъ глубокой заливъ, коего устье входитъ въ Беринговъ проливъ. Въ сѣверной части сего пролива нашель Кукъ слабая теченія: основываясь на семъ обстоятельстве, Борней отвергаетъ прямое соединеніе Тихаго моря съ полярнымъ. На сіе было опшѣствовано, что ледъ, покрывающій тамъ море и погруженный въ воду на 50 и 60 футовъ, служитъ плошиною, которая укрощаетъ движеніе на поверхности, но никакъ не можеть воспрепятствовать быспрымъ теченіямъ въ извѣстной глубинѣ. Если мнѣніе Борнея справедливо, то какою дорогою прошли кшы съ найденными въ нихъ гарпунами, которыя были въ нихъ брошены у Шницбергена, пойманные послѣ того у сѣверозападнаго берега Америки неподалеку отъ Нукасонда или у сѣверныхъ береговъ Кореи? Неужели они обошли вокругъ Капа Горна?

Исчислив такимъ образомъ вкратцѣ причины, по которымъ сколько мы знаемъ, вѣроятно существованіе открытаго и непосредственнаго соединенія Тихаго моря съ Полярнымъ, остаемся изслѣдовать, могутъ ли мореходцы, предпринимающіе сію экспедицію, ожидать лучшаго прошивъ своихъ предшественниковъ успѣха и можно ли надѣяться, что обстоятельство будущаго благопріятнаго смѣлому ихъ плаванію?

Извѣстно, что восточный берегъ Гренландіи около 400 льды былъ окованъ обширнымъ непроницаемымъ, къ сѣверовостоку простирающимся льдомъ; но кажется, что въ послѣдніе три года сія ледяная плошина распоргалась и печеными увлечена къ югу. Г. Окевъ начальникъ Гамбургскаго брига Элеоноры, доходя въ 1817 году на западномъ своемъ путешествіи до 72 градуса широты и плылъ вдоль по берегу Гренландіи отъ юга къ сѣверу до 80 градуса, не выдвѣ льду. Извѣстія, сообщенныя Капитаномъ Скорсбеємъ Сиру Іосифу Банксу, подтверждають донесеніе Г. Окева. Сеи смѣлый мореходецъ пишетъ, что онъ на послѣднемъ своемъ путешествіи въ 1817 году нашелъ между параллелями 76 и 80 градусовой широты пространство въ 200 миль, совершенно свободное отъ льда. Подъ 74 градусомъ узналъ онъ берегъ Гренландіи и увѣряетъ, что къ оному можно было проехать безъ шруда; на возвращномъ пути къ югу остановившись онъ у острова Жакъ-Майена, который обыкновенно бываетъ окованъ льдомъ, и собралъ тамъ разные минералы.

Всѣ сіи льдины увлечены печеніями къ югу. Многие мореходцы на дорогѣ въ Галифаксъ находили въ 1817 году плавающія льдины, которыя имѣли въ сколько миль въ окружности, а въ вышину около 130 футовъ надъ водою; множество ихъ находится также на мѣли Новой Фундландіи и препящавало рыбной ловлѣ. Еще достойнаго вниманія то, что Капитанъ Перри 2 Апрѣля 1817 на 4½ градуса южной широты Парижа, нашелъ ледяный островъ, выдвѣвшийся изъ воды на 150 футовъ.

Изъ всего этого видно, что въ новѣйшія времена ледъ въ Сѣверномъ Океанѣ неизвѣстными причинами разбитъ и что нынѣ болѣе нежели когда нибудь можно надѣяться дойти до Сѣвернаго полюса. Особенно нужно въ сей экспедиціи, чтобы Начальники оной всячески старались избѣгать тѣсныхъ проѣздовъ и близости береговъ, потому, что въ сихъ мѣстахъ встрѣчаются самыя большія затрудненія. Мы знаемъ, что въ прошедшемъ году Непшунъ корабль Эбердинскій, дошедши къ сѣверу отъ Шпицбергена до 83° 21' широты, до которой никакъ можешь быть не достигалъ, видѣлъ тамъ открытое и свободное отъ льда море.

Какое бы ни было впрочемъ окончаніе сего путешествія, предпринимаемаго Капитанами Буханомъ и Россомъ въ рѣшеніи сподъ давно уже предложенныхъ географическихъ задачъ, но явленія шланной сферъки по близости мѣхъмѣстъ, гдѣ полагаются средоточіе движенія земнаго шара, отраженія свѣта, сѣверныя сіянія, метеорологическія явленія и п. п. доставляють весьма обширное поле ихъ любопытнымъ наблюденіямъ.

Пер. П. Гвоздевъ.

БЛАГОТВОРЕНІЯ.

34. Получено въ пользу заключеннаго въ Градской тюрьмѣ Мѣщанина *Алексѣева* (о кошоромъ упомянуто въ 20 кн. С. О.) *пятьдесятъ рублей.* (50 р.)
35. Для искупленія его же получено ошъ неизвѣстной особы 22 Мая *пятьдесятъ рублей серебромъ* или *сто девяносто рублей ассигнаціями.* (190 р.) Издашеъ С. О. посылъшалъ пойти въ шось же день въ Градскую тюрьму для скорѣйшаго исполненія сей комиссіи, но нашедъ, что займодавецъ *Алексѣева* удовольсьивался внесенными за него чрезъ Издашеъ *сто шестидесятью рублями,* и что послѣдній уже освобожденъ, осмѣялася сіи *сто девяносто рублей* употребить на искупленіе содержавшагося за *дѣвсти пятнадцать рублей* шапочнаго мастера мѣщанина *Петра Лыткина,* кошорой и освобожденъ въ шожее время. — Издашеъ приносилъ чувствительнѣшую благодарность почтеннымъ особамъ, удостоившимъ изобрать его въ посредники при сихъ дѣлахъ Христіанскаго милосердія, и извѣщаешъ добрыхъ соотечественниковъ, что въ тюрьмѣ содержатся еще и другіе люди, внадіе въ долги по несчастнымъ обстоятельшвамъ, и достойные вниманія благошворшелей.

Ошѣвка въ 20 книжкѣ.

спр.	спр.	напес.	титай.
31	1	снизу: рѣдкѣ. рѣдкѣ.

(24 М а я.)

С Ы Н Ъ
О Т Е Ч Е С Т В А .

1818. № XXII.

I.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ.

Взглядъ на заговоръ Катиллины.

(Продолженіе.)

Удивленный шакою холодною безпечношю Сенапа, Цицеронъ принялъ всѣ мѣры для безопасности своей. Онъ иначе не выходилъ изъ дома, какъ окруженный приверженцами своими, коихъ шолпа была шоль велика, что она занимала почти всю большую площадь (forum). Невѣднше въ разсужденіи шого, что будешъ рѣшено въ запрашнемъ засѣданіи Сенапа, шревожило его и въ часы ночнаго опдохновенія; но благопріятный случай прекрашилъ сіе безпокойство. Часа въ два по полуночи Крассъ, Марцеллъ и Мешеллъ Сципіонъ, пришедъ къ воротамъ его, приказали приврашнику разбудить Консула и доложитъ ему, что они имѣють говоритъ съ нимъ о самомъ важ-

номъ дѣлѣ. Цицеронъ немедленно позвалъ ихъ къ себѣ, и Крассъ объявилъ ему, что сей часъ только неизвѣстный оставилъ у приврашника его пукъ писемъ на имя его и многихъ другихъ; что, открывъ одно изъ сихъ писемъ, которое было безъ подписи, онъ прочелъ въ немъ совѣщъ, немедленно выѣзжать изъ Рима, ибо Капилина готовъ начать въ немъ жестокое кровопролитіе; что послѣ сего онъ разсудилъ другихъ писемъ не распечатывать, а вручить ихъ Консулу точно такъ, какъ онъ ихъ самъ получилъ. Цицеронъ, по совѣщаніи съ Крассомъ и двумя другими, также положилъ не открывать писемъ иначе, какъ въ полномъ собраніи Сената.

Наспало 20е число. Раю по упру Сенаторы собрались въ Храмъ Единодушія (templum concordiae), и самъ Капилина шущъ же явился. Цицеронъ роздалъ всѣ письма, каждое по назначенію своему, требуя приномъ, чтобы всякой, получившій письмо, прочелъ оное вслухъ. Содержаніе всѣхъ сихъ писемъ было почти одно и то же: подтвержденіе о существующемъ въ

Римѣ нагубномъ заговорѣ. Въ добавокъ къ сему К. Марцій, бывшій Преторъ, человекъ весьма уважаемый, объявилъ, что и онъ получилъ извѣстіе чрезъ письмо о вооруженіи Эштурин, и о томъ, что Маллій съ многочисленною дружиною, своею ожидаетъ только начала движеній въ Римъ, чтобы напасть на него. По семъ Цицеронъ обратился къ Капилинѣ и повелѣлъ ему ошвѣчать и оправдаться. Безстыдная ли по была наглость, или увѣренность, что большая часть Сенаторовъ желаетъ переменъ, или намѣреніе ободришь своихъ, показывая неустрашимость, — Капилина возразилъ, что онъ ничего сказать не имѣетъ, кромѣ того, что Республика состоитъ изъ двухъ шель, одного слабаго и съ дурною головою, другаго крѣпкаго и безглаваго, но что сему послѣднему, доколѣ онъ на свѣшъ, недо спашка въ головѣ не будетъ. Услышавъ такія слова, Сенатъ зашренешалъ ошъ гнѣва, а Капилина, примѣтивъ сіе, вдругъ спалъ скромнѣе и къ вышесказанному прибавилъ, что совѣсть его ни въ чемъ не укоряетъ; что онъ готовъ къ ошвѣщу по уснановлен-

ному закономъ порядку; что онъ будетъ къ тому приготавливаться, и между тѣмъ, если опасаются его побѣга, добровольно себя отдастъ подъ охраненіе любого изъ Сенаторовъ. Въ свидѣствіе сего онъ предложилъ первому Лениду принять его къ себѣ въ домъ; но Ленидъ отказался. „Я готовъ и къ Цицерону,“ сказала Капилина; но Цицеронъ отвѣчалъ прямо, что онъ съ нимъ не только подъ одною кровлею, но и въ одномъ городѣ не почитаетъ себя безопаснымъ. Тогда Капилина, вышедъ изъ храма и получивъ подобный же отказъ отъ Метелла Целера, помѣстился наконецъ въ домъ у Марцелла. Сенашь, не опредѣливъ ничего противъ него особенно, повелѣлъ только Консуламъ *блуги о безопасности Республики* (ne quid Respublica detrimenti caperet): мѣра чрезвычайная, принимаемая только при опасѣннѣйшихъ обстоятельствѣхъ, прѣбующихъ скорого исполненія и шайны, и дающая верховнымъ начальникамъ Республики временную Диктаторскую власть исполнять все то, что, по усмотрѣнію ихъ можетъ служить къ спасенію отечества.

Переселившись въ домъ къ Марцеллу, Капилина умышленно провела нѣсколько дней въ бездѣйствіи, дабы чрезъ то успѣннѣе подозрѣнія о себѣ. Примѣтивъ однако же, что между тѣмъ Антоній часть отъ часу болѣе слабѣетъ; что Ленпулъ, отъ природы лѣнливый, не движется, и что, не смотря на множество сообщниковъ, никто дѣйствительно ему не помогаетъ, онъ вознамѣрился, ни на кого не полагаясь, самъ за все приняться. Не смотря на строгое присмотрѣ Марцелловъ и неуспѣнное наблюденіе Цицерона, ему удалось снестись съ Малаіемъ, условившись съ нимъ о днѣ прибытія своего въ Эпхрурію и отправивъ впередъ часть ополченія своего, съ повелѣніемъ ожидать его въ Форумъ Аврелиумъ. Сверхъ того въ ночь на 1е Ноября онъ устроилъ козни для овладѣнія Пренестюю, весьма значущею для предпріятій его колоніею; но шутъ счастье Республики и Цицероново превозмогли: Правительство было предостережено о всемъ происходящемъ, и Капилиныны покушенія оказались безуспѣшны.

Наконецъ, въ ночь съ 6го на 7е Ноября, Капилина удалось уйти тайкомъ оны Марцелла и соединиться съ сообщниками своими у Лекки въ домъ. Тутъ оны объявили имъ о намѣреніи своемъ опираться въ спань къ Маллію, и каждому изъ нихъ предписалъ, что дѣлать въ отсутствіе его: Ленгулу, оставашся въ Римъ главою заговора, ибо, будучи Преторомъ, оны не могъ сплутиться изъ города; Цезегу напасть на противниковъ и умершвиць ихъ; Кассію зажечь городъ; Авиронію же следовашъ за собою въ Эпурію. Сверхъ того еще извѣщены были соумышленники о мѣстахъ и домахъ, гдѣ скрывалось запасное оружіе; заготовлены были письма въ разные муниципальные города, и наконецъ, чего наиболее желалъ Капилина, определено было, чтобы К. Корнелій, Всадникъ, и Д. Варгуншей, Сенаторъ, съ вооруженною свитою, на другой день рано по утру шли въ домъ къ Цицерону подъ видомъ поклона и тамъ его умершвили. Курій, находившійся въ тайномъ семъ собраніи, чрезъ Фульвію успѣлъ еще до свѣта извѣстить Цицерона

обо всемъ. Корнелій, какъ было условлено, явился съ свитою своею у воротъ Консула, но допущень къ нему не былъ.

Не смотря на всѣ неудачи, лютый Капилина не опсавалъ оны намѣренія своего. 8го Ноября Сенашъ собрался въ храмъ Юлипера Спашора, и Цицеронъ хотѣлъ уже открытъ засѣданіе, какъ увидѣлъ предъ собою — кого же? — Капилину, имѣвшаго дерзость занять мѣсто свое на лавкѣ. Тутъ-то, объявляя ужасомъ и гнѣвомъ воспаленный, проговорилъ оны сію славную рѣчь (Quousque tandem etc.), которая навсегда останется образцемъ жаркаго, пламеннаго краснорѣчія. Капилина, выслушавъ ее до конца, съ припворнымъ смиреніемъ всшалъ, обратился къ Пашриціямъ и просилъ ихъ, чтобы они не вѣрили клеветѣ; чтобы вспомнили, что оны пошомокъ Сергіевъ, кошорымъ во многомъ была обязана Республика, и что сохраненіе оной невредимому согласію съ выгодами его, Пашриція, нежели съ видами безыменнаго пришельца. Къ сему присокупилъ оны еще личныя ругательства противъ Цицерона и

хотѣлъ продолжать; но Сенатъ потерялъ шерпѣніе: всѣ всмали съ своихъ мѣспъ; всѣ удалились отъ Капилины, какъ отъ язвы, и въ сводахъ храма раздались громкія восклицанія: измѣнникъ! предашеть! ошцеубійца! Дышущій яроспію, обнаженный злодѣй выбѣжалъ тогда изъ собранія и, созвавъ наскоро сообщниковъ въ свой домъ, поручилъ имъ, ничего не опасаясь, продолжать начатое, увѣряя ихъ, что самъ не замедлишь вскорѣ явиться у Римскихъ спѣвъ. Въ глухую полночь онъ оставилъ городъ съ многими приверженцами и ошправился въ сшанъ Маллія въ Эштуруію.

Между тѣмъ какъ сіе происходило, Преторъ Марцій получилъ письмо отъ Маллія, въ которомъ буншовщикъ сей спарался предшавить посшупокъ свой вынужденнымъ припѣсненіями займодавцевъ и жестоко-стію Преторовъ. „Тебя (сказано было въ заключеніи) и Сенатъ умоляемъ, да скали-тешь надъ бѣдными согражданами; да возвращаше намъ зашщиту законовъ, похищенную у насъ нешповспвомъ Преторовъ; и заклинаемъ не доводишь насъ до крайности—

искашь, погибая, ошмщенія за пролишую нашу кровь.“ На сіе Марцелль отвѣчалъ: если кто имѣеть какое нибудь шребованіе отъ Сената, тошъ бы положилъ оружіе и шель въ Римъ въ видѣ просишеля: ибо народъ Римскій; неоднократно испышавшій милосердіе и правосудіе Сената, долженъ пребывать въ непоколебимомъ увѣреніи, что въ справедливыхъ шребованіяхъ его ошказа опасашься не должно.

Съ своей спороны Капилина шакже писалъ ко многимъ значущимъ особамъ въ Правительствѣ. Онъ увѣдомлялъ ихъ, что, не допущень будучи врагами своими къ оправданію, онъ ушупаешъ року и, жершву своимъ спокойшвіемъ общему, удаляешся въ Марселию, не поштому, чтошбы чувшвовалъ себя виноватымъ, но дабы сопрошвленіемъ не нарушилъ общей шиштинъ. Таковы были его объясненія съ нѣкоторыми изъ Пашриціевъ; но Капуль получилъ отъ него письмо совсѣмъ прошшваго содержания. Въ немъ Капилина горько жаловался на ошверженіе его отъ Консульства, говоря, что шакая обида нешпернима для чело-

вѣка его породы. „Не подумай (продолжалъ онъ), чтобы разспройка моя по долгамъ была побудишельною причиною моихъ поспупковъ; лишь, я видѣшь не могу людей низкаго происхожденія, занимающихъ высшя степеня въ Республикѣ, тогда какъ меня оскорбительныя подозрѣнія опдаляютъ отъ должныхъ мнѣ почестей. Такая несправедливостъ оправдаешь весь мѣры, мною предприемлемыя, дабы доказать, что я еще въ силахъ защишишь мою честь и поддержашъ славу имени моего.“ — Написавъ письмо сіе съ дороги, Капилина проѣхалъ сперва чрезъ Арциумъ и оставался на нѣсколько дней у Непоса Фламинія для воинскаго образованія возмущеннаго въ томъ краю народа, и попомъ прибылъ въ спань къ Маллію, украшенный всеми знаками и принадлежностями верховнаго Начальника надъ войсками Республики.

Какъ скоро извѣстіе о семъ дошло въ Римъ, то Сенатъ объявилъ врагами отечества Капилину и Маллія; прочимъ же приверженцамъ ихъ обѣщаль прощенье, если только они положашъ оружіе и возвращашъ

ся въ дома, до назначеннаго срока. Сверхъ того еще Сенатъ предписалъ Консуламъ дѣлать наборы для легионовъ; Антонию велѣлъ идти съ войскомъ противъ мятежниковъ, а Цицерону осшавашся въ Римъ, для охраненія города отъ покущній внутреннихъ враговъ. до антонію и цицерону Ленпуль, оставшійся начальникомъ заговора въ городѣ, продолжалъ, какъ самъ собою, такъ и чрезъ соумышленниковъ своихъ, увеличивашъ партію Капилины, подговаривая на свою сторону людей всякаго разбора и всякаго сосшоянія. Въ то самое время случились въ Римъ Послы Аллобровъ. Къ нимъ Ленпуль подослалъ нѣкоего Умбрена съ шѣмъ, чтобы, если можно, склонить ихъ войши въ заговоръ для возмущенія земляковъ своихъ. Казалось неомнительнымъ, что народъ, обремененный долгами и подашми, легко преклонится къ видамъ, обѣщающимъ освобожденіе отъ тягостныхъ Римскихъ узъ. Умбрену, нѣкогда бывшему въ Галліи и знающему многихъ изъ тамошнихъ жителей, не трудно было свесши знакомство съ Послами Аллобро-

тевь. Повстрѣчавшись съ ними на площади, онъ сперва началъ разспрашивать у нихъ о состояніи вообще провинціи; потомъ, услышавъ отъ нихъ жалобы на Римскихъ начальниковъ и припворясь соболъзующимъ о несчастномъ ихъ положеніи, спросилъ: какой конецъ они предвидяшь бѣдамъ своимъ? — „Предѣлъ жизни!“ отвѣчали Аллоброги: „грабительство Препоровъ и послабленіе Сената не позволяютъ намъ ожидать другаго конца нашимъ напастямъ.“ — „Если бы вы были, возразилъ Умбрень, люди швердаго духа, то я бы открылъ вамъ несомнѣнный способъ выйти изъ сего положенія.“ — Отъ сихъ словъ лучъ надежды блеснулъ въ унылыхъ сердцахъ Аллобрововъ, и они спали неотступно просить Умбрена, дабы онъ сжалился надъ ними и былъ уврень, что они на все готовы, не щадя и живота своего, лишь бы только избавить опеченство свое отъ несноснаго угнетенія. Услышавъ такія рѣчи, Умбрень, который того только и ждалъ, отвелъ Пословъ въ домъ Бруша, на площади споявшій и удобный для тайныхъ переговоровъ, ибо хозяинъ она-

го находилась въ опсуществіи, а жена его Семпронія участвовала въ заговорѣ. Тушь ожидавшіе ихъ Ленпуль и Габиній открыли имъ подробно весь умыслъ Капитлины; назвали по имени главныхъ сообщниковъ его, а дабы придашь еще болѣе важности предпріятію, упомянули и о многихъ шажковыхъ, кошорые вовсе не знали о существованіи заговора.

Возвращаясь на постоянные дворы свои, долго послы колебались, приняшь ли сдѣланное имъ предложеніе, или откажутся отъ него. Съ одной спороны манила ихъ надежда освободиться отъ долговъ и налоговъ, и плоды побѣдъ обольщали воображеніе воинственныхъ Галловъ: съ другой спороны ихъ усшрашало превосходство силъ Республики; и разсудокъ противопологалъ воображенію, вмѣсто обманчивыхъ надеждъ, несомнѣнныя награды и безопасность. Геній Рима преодолялъ все искушенія Аллобрововъ: они объявили о всемъ происходившемъ Фабію Сангъ, защитнику ихъ провинціи; а Цицеронъ, увѣдомленный Сангою, приказалъ чрезъ него же посламъ припвориться, буд-

то они усердно приступаютъ къ заговору. Это былъ вѣрнѣйшій способъ открыть всѣхъ злоумышленниковъ и проникнуть въ сокровеннѣйшіе ихъ замыслы.

Въ самое сіе время примѣчены были начинающіяся движенія мятежниковъ въ общахъ Галліяхъ, въ Пицентъ, въ Бруштіи и Апуліи. Но возмущеніи, не долго передъ симъ Капилиною разосланные, послушались безъ расчета: ночныя ихъ скопища, переносъ съ мѣста на мѣсто оружія, шревога, смѣненіе вскорѣ открыли глаза начальствующимъ въ провинціяхъ, и Метелль Целеръ былъ первый, который, проникнувъ намѣреніе злоумышленниковъ, заключилъ многихъ изъ нихъ въ оковы; примѣръ, коему послѣдовалъ и Мурена, Легатъ въ ближней Галліи. Такимъ образомъ въ Римѣ обстоятельства не столько были страшны, сколько казались такими; напрошивъ шого внушри города они были и грозны и опасны. Леншуль и всѣ съ нимъ начинщики заговора, узнавъ, что вооруженная ихъ сила гошова; что Капилина не замедлишь приступишь къ спѣхамъ Рима; что паршія

ихъ усилена, и разсуждая припомъ, что въ ихъ положеніи успѣхъ зависить отъ скорости исполненія, и что однимъ словомъ надобно менѣе говорить, а болѣе дѣлать, положили единогласно безъ оплаташельства привести предпріятіе къ окончанію. Сбравшись въ послѣдній разъ вмѣстѣ, они сдѣлали слѣдующее постановленіе: исполненію заговора бышь 17 Декабря, во время Сатурновыхъ праздниковъ (Saturnalia); — Капилинь направилъ путь свой изъ Этруріи шакъ, чшобы ему подойти къ городу на второй день праздника; — наканунѣ шого дня, Трибуну Беспіи собрашь народъ и описавъ Цицерона въ видѣ возмущителя общаго спокойствія, выдумывающаго умшленно небывалые заговоры съ шакимъ намѣреніемъ, чшобы, посѣявъ раздоръ между сословіями, удобнѣе покорить Республику Сенату; — расположивъ шакимъ образомъ народъ прошивъ Консула, чшобы на другой день пошпру Леншулу и Цешегъ, съ книжадами подъ шогою, ишши въ домъ къ Цицерону и, подъ видомъ шайнаго переговора, отвести его въ опдаленный покой и, тамъ

умершвивъ его, шепъ же часъ начашъ истребленіе Сенааторовъ и значущихъ людей противной партіи, не щадя никого, кромѣ дѣлей Помпеевыхъ, дабы они могли, какъ аманашы, служить способомъ къ преклоненію отца ихъ на свою сторону; — и наконецъ, что если не удастся въ то ушро умершвивъ Цицерона, то ошложивъ убійство до ночи, во время смяшенія опъ пожаровъ. Сверхъ сихъ главныхъ поспановленій, сдѣланы были еще слѣдующія распоряженія: у Цезега въ домѣ бытъ запаса оружія, пеньки и сѣры горячей; — выбрать сто человекъ, которые бы въ одно время зажгли во стѣ разныхъ мѣсцъ, и такимъ образомъ вдругъ произвели бы пожаръ во всѣхъ двѣнадцати частяхъ Рима; и въ то время другимъ шайкамъ зашкнувъ водяныя шрубы и, стоя при нихъ, убивашъ, безъ пощады и безъ разбора, всѣхъ шѣхъ, кошыре, для погашенія огня, будущъ прибѣгашъ за водою.

Между шѣмъ, какъ шуча сія спускалась надъ Римомъ, Аллоброгскіе послы, по приказанію Цицерона, неоднократно видѣлись

и переговаривали съ заговорщиками. Они потребовали отъ Леншула, Цепіона, Спаллиля и Кассія письменнаго съ ихъ стороны обязашельства, на которое бы могли сослаться предъ согражданами своими, представляя при семъ, что безъ такого вѣрнаго документа они никакъ не могутъ надѣяться склонить земляковъ своихъ на столь отважное предпріятіе. Всѣ согласились на шребованіе ихъ безъ всякаго подозрѣнія; кромѣ одного Кассія, который обшчалъ самъ въ скорости бытъ въ ихъ землѣ и подлинно выѣхалъ немедленно изъ Рима. Съ своей стороны послы также собрались въ путь, получивъ отъ Леншула проводникомъ нѣкогого Вулшурція, Крошонскаго уроженца, которому предписано было провести ихъ къ Капилинѣ для подшверженія имъ договора, въ Римъ съ Аллоброгами заключеннаго. Данное сему Вулшурцію вѣрующее письмо содержало въ себѣ слѣдующее:

„Узнаешь, кто я, чрезъ подателя сего. Помышляй о крайности, въ которой ты находишься, и помни, что швердосшь духа въ положеніи швоемъ необходима. Разсуди

также, что, при своих обстоятельствахъ, нѣтъ такого низкаго сословія людей (разумѣется рабовъ), котораго вспоможеніемъ можно было бы гнушаться.“

Цицеронъ, свѣдавъ оныхъ самихъ пословъ, что они должны выѣхать въ полночь, призвалъ къ себѣ Преторовъ Валерія и Помпшина, и приказалъ имъ, взявъ съ собою отрядъ воиновъ, итти заблаговременно къ мосту Мильвію (нынѣ Ponte molle, на дороге оныхъ Рима въ Сіанну), засѣсть въ оврагъ, и тамъ ждать прѣзда пословъ. Онъ открылъ Преторамъ всю важность сего предпріятія, оставляя ихъ испытанному благоразумію образъ исполненія онаго.

Какъ скоро въ глухую полночь Вултурцій съ послами подѣхалъ къ мосту, Преторы съ отрядомъ своимъ выскочили изъ оврага и напали на нихъ. Галлы, знавшіе напередъ о приговоренной имъ встрѣчѣ на мосту, сдались безъ сопротивленія. Вултурцій хотѣлъ было сперва обороняться и поощрять къ тому же соучастниковъ своихъ; но видя, что Аллоброги его оставили, послѣдовалъ и самъ примѣру ихъ, и сдался

Помпшину, съ которымъ былъ прежде знакомъ, прося его и умоляя, со всеми знаками малодушія и прусоспи, о пощаду жизни.

Нарочный немедленно увѣдомилъ Консула, что захвачены послы. Такое извѣстіе съ одной стороны привело Цицерона въ восторгъ; съ другой ввергло его въ крайнее недоразумѣніе, что предпринимать противъ такого числа преступниковъ, людей знатнаго рода, имѣющихъ большія связи и сильное вліяніе. Оставивъ ихъ въ живыхъ, было бы не докончить спасительнаго дѣла освобожденія отечества оныхъ враговъ его; предать заслуженной казни, все равно, что самому итти на гибель неминуемую, вооружа противъ себя всю знать Римской Республики. Недолго однакоже колебался Цицеронъ, и любовь къ отечеству превозмогла въ душѣ его надъ желаніемъ собственной безопасности.

Письма, у Вултурція и пословъ захваченныя и Цицерону доставленныя, были все безъ надписи. Нѣкоторые знатныя особы, по первому слуху о происшествіи въ домъ Консула собравшіяся, совѣщавали ему спер-

ва прочишашь самому письма, дабы не подвергашь себя нарекаію, если въ нихъ не откроешя ничего доспойнаго вниманія Республики, и служащаго къ обвиненію соумышленниковъ Капилины; но Цицеронъ совѣща сего не принялъ, полагая, весьма основательно, что въ насюящемъ положеніи дѣль лучше ему подвергнушь себя нарекаію въ лишней предосторожности, нежели ослабимъ главное доказательство — цѣлоспъ печашей. И такъ положено было предспавимъ письма Сенашу почно въ помъ видѣ, въ какомъ они ошобраны были ошъ Аллоброговъ и Вулшурціа.

(Окончаніе впредь.)

II.

Х У Д О Ж Е С Т В А .

Письмо къ Издателью.

Г. Генераль-Адьютантъ Сиплагинъ желашь доставимъ почшеннымъ любилешамъ отечественной славы удовольствіе видѣть въ картинахъ разительнѣйшія сцены изъ кровопролитныхъ боевъ, ознаменованныхъ незабвенные 1812, 1813 и 1814 годы. Въ семь намѣреніи онъ поручилъ одному изъ лучшихъ здѣшнихъ портретныхъ Живописцевъ написать, подъ руководствомъ его, восемь картинъ. Описание первой изъ оныхъ при семъ препровождаю для напечатанія въ Журналъ вашемъ. Описание другихъ картинъ помѣщаемы будущъ въ Военноиъ Журналѣ. Подписка принимашся въ домѣ Главнаго Гвардейскаго Штаба у Г. Казначея Грибовскаго. Цѣна за каждую картину порознь 20 рублей, за всѣ восемь вмѣстѣ 150 руб. Имѣю честь и пр. *В. Глинка.*

Видѣ сраженія при селѣ Бородинѣ (26 Августа 1812 года) на лѣвомъ крыль Россійско-Императорской Арміи у деревни Семеновки.

24 Августа около половины дня войска Россійскія, расположенныя на укрѣпленныхъ высотахъ при с. Бородинѣ, услышали громъ ошчасу болѣе приближавшагося сраженія. Между 2 и 3 часомъ по полудни на дальнемъ горизонтѣ засинѣлись многочисленныя

колонны Французскія. Предъ ними опспу-
паль авангардъ нашъ, уклоняясь къ позиціи.
Силы непріятельскія преимущественно на-
правлены были на *лѣвое крыло* наше. Вско-
рѣ все поле, противу сего крыла, покры-
лось колоннами. Жестокой бой начался, и
Князь Баграціонъ (Главнокомандующій 2 ар-
міи) выдержалъ его съ необычайнымъ муже-
ствомъ и кончилъ съ честію. Французы
осшавили поле, усяяное ихъ шрупамн.

На другой день (25 Августа) происхо-
дили взаимныя *обозрѣнія* и впереди линій,
на рѣчкѣ Колочѣ, слышна была перестрѣл-
ка за воду — Съ вечера ясно видно спшало,
что непріятель собралъ великія силы на
своемъ правомъ, для нападенія на наше лѣ-
вое крыло. Первые лучи солнца заспали
уже оба войска въ сраженіи. Наполеонъ оп-
крылъ его внезапнымъ залпомъ изъ нѣсколь-
кихъ сошъ орудій. Около 7 часовъ утра
всѣ непріятельскія силы выказались. Не-
обозримый рядъ *боевыхъ колоннъ* опкрылся
предъ глазами нашего войска. — Особый
корпусъ, подъ начальствомъ *Понятовскаго*,
спарался, между шѣмъ, обойши армію на-

шу слѣва по старой Смоленской дорогѣ. —
Въ сіе самое время непріятель предпри-
маешъ жестокое нападеніе. Губительное
дѣйствіе 130 пушекъ и необычайная дер-
зость нападающихъ дѣлають нападеніе сіе
ужаснымъ. Однако сводные гренадерскіе ба-
шаріоны грудью опспошли ввѣренныя имъ
башарей. Начальникъ сихъ войскъ Генераль
Графъ Воронцовъ раненъ. Въ сіе же время
Генераль-Лейтенантъ Тучковъ опражаетъ
опъ высоту Московской дороги непріятеля
и получаетъ смертельную рану. Непрѣ-
пель захватываетъ наконецъ башарей, но
Генераль-Лейтенантъ Коновницынъ мгно-
венно ихъ опбиваетъ. Генераль-Маіоръ Туч-
ковъ 4 убилъ. Конница подъ начальствомъ
Князя Голицына врубаешся въ непріятель-
скую.

Около полудни непріятель, казалось,
пріушихъ; но вскорѣ съ 400 пушками и но-
выми силами опъ возобновляетъ нападеніе
съ сугубымъ спремленіемъ. Съ нашей спо-
роны запасные полки (резервъ) и 300 ору-
дій высупають впередъ. Опкрылась же-
стокая съ обихъ споронъ пальба и вскорѣ

все лѣвое крыло наше двинулось въ штыки! Ръшительной бой начался.... Все смѣшалось и залилось кровью!....

Потеря непріятельская чрезвычайно велика во множествѣ убитыхъ и раненыхъ; наша также немаловажна и особенно ошущительна въ потерѣ одного человека: — здѣсь смертельно раненъ Князь Баграціонъ!

*) Густой дымъ и паръ кровавый зашлдил сіяніе полдневнаго солнца. Тусклое мерцаніе (подобное сумеркамъ вечернимъ) слабо освѣщаетъ пространное поле, на которомъ ничего болѣе не видно, кромѣ грозно наступающихъ, безчисленныхъ колоннъ непріятельской пѣхоты и стрѣлцовъ убѣгающихъ разбитыхъ эскадроновъ его конницы. Груды шлѣвъ человеческихъ и пруповъ конскихъ, множество дѣйствующихъ и подбитыхъ пушекъ, размешанное оружіе, кровь, дымъ, и повсемѣстное разрушеніе. Вошь каковымъ казалось въ самомъ дѣлѣ и каковымъ предсавлено въ каршинѣ поле Боро-

*) Съ сей строки начинается описаніе въ самой каршинѣ изображеннаго.

динское, сіе поле ужасовъ и жагва смерти! — Генераль Васильчиковъ 1 (въ Гусарскомъ Ахшырскомъ мундирѣ), прискакавъ на высоту холма у д. Семеновской, и сохраняя свойственный ему сановитость и мужественной видъ, лѣвою рукою съ прудомъ удерживаешь рѣшиваго коня, а правую указываешь на бѣгущія и наступающія непріятельскія войска. По его приказанію батарея тяжелыхъ орудій посылаетъ смерть и опущеніе въ средину колоннъ Французскихъ. — Кругомъ всѣ ужасы сраженія и смерти. Деревня Семеновская пылаетъ, дома разрушающа, горяція бревна капаяща.... Все сіе мѣсто, усыянное мертвыми, ядрами, картежю и терельями бомбъ, показываетъ, сколь сильна пальба со стороны непріятельской! — Люди, падающіе съ лошадей, лошади, издыхающія подъ людьми, и множество умершихъ и умирающихъ ошѣ жесточайшихъ ранъ, изображаютъ всю жестокость губительнаго въ семь мѣствъ боя. Блѣдное зарево лопавшихъ бомбъ и гренадъ бросаетъ пусклай синеватый отблескъ на одну половину каршины, кошорая съ другой стороны

озаряется пожаромъ. Слава видна конная артиллерія, скачущая по трупамъ въ сраженіе, и полки Л. Гв. *Измайловскій* и *Литовскій* (что нынѣ Московскій), подъ командою Генераловъ Храповицкаго и Удома. Полки сіи пріобрѣли безсмертную славу въ сей рѣшительный день. Генераль Кварширмейсперъ Толь ведетъ храброе войско сіе въ жесточайшій огонь; а находившійся при К. Багратионѣ, Флигель-Адьютантъ (нынѣ Ген. Адьют.) Сиягинъ указываетъ мѣсто, гдѣ оному остановиться. — Съ правой стороны на *первомъ планѣ*, герой сего боя и первое лице въ каршинѣ — *Князь Багратионъ*. — Смертельно раненный Князь предспавленъ (у подошвы высоты) поддерживаемъ Полковникомъ Бергманомъ (чп. нынѣ командуешь полкомъ Е. В. Короля Пруссаго) — и однимъ гренадеромъ. — Одну руку положилъ онъ на плечо склонившагося къ нему Адьютанша, а другою жметъ руку доспойнаго Генерала Сеншъ-Пріестпа, (Начальника Шшаба 2 армін'), которому, вмѣстѣ съ послѣднимъ прощаніемъ, передаетъ и послѣдній приказъ. — Изнеможенный онъ

усталости и раны, Князь Багратионъ, кажется, вслушивается въ перекапы грома и размышляетъ еще о судьбѣ сраженія, сокрышаго ошъ глазъ его высотой холма. Всѣ окружающіе солдаты и офицеры (почно шъ, которые въ самомъ дѣлѣ въ шу минушу при немъ находились и которыхъ лица съ вѣрносцію поршретовъ изображены въ каршинѣ) изъявляютъ сердечное соболъзнованіе о Полководцѣ, доспойномъ слезъ Россіи и уваженія свѣша. — Вошъ содержаніе и слабое изображение і каршины, искусно парисованной и очень удачно ошпечапанной *Липпографією*.

Ө... Г...

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Р о м а н с ь . *)

„Доброй воинъ, что съ тобой?
Кровь изъ ранъ струится!...
Гдѣ и съ кѣмъ кровавы бой?
Кшо на Русь спремится? —

Счастію кто грозить сихъ спранъ
И Царю-Надеждѣ?
Разскажи.... Но кровь изъ ранъ
Дай унять намъ прежде.“ —

— Ахъ! счастливымъ шишиной,
Други! вамъ безвѣстно,
Что давно горитъ войной
Край нашъ повсемѣстно! —

Люмый врагъ вломился къ намъ
Съ грозными полками:
Громъ предъ нимъ и по спонамъ
Кровь шечешъ рѣками! —

Всюду ужась, смершь и страхъ!
Свѣжія могилы!
Запылаа въ моихъ глазахъ
Родины край милый!

Пусны хижины споящъ,
Брошены черпоги,

*) Раненый воинъ, послѣ Бородинскаго сраженія, разсказываетъ мирнымъ поселянамъ о нашешивъ неприятели, и возбуждаетъ въ нихъ бодрость сражшсь за спасеніе отечества.

Громы вѣхъ равно разящъ,
Небеса вѣмъ спроги!

Ахъ, я зрѣлъ и опчій домъ,
Въ пепельъ обращенный;
Врагъ вездѣ бросалъ свой громъ —
Въ градъ и въ храмъ священный!

Тамъ — о спранный сердцу часъ!
Мнѣ легко зъ то было? —
На груди моей погасъ
Взоръ супруги милой! —

Той, кѣмъ былъ мнѣ красенъ свѣтъ,
Нѣтъ на свѣтѣ болѣ:
Мешъ врагамъ! былъ мой обшъ, —
И лешъ я въ поле.

Гдѣ саманъ *Москвы* струи
И струи *Кологи*,
Въ битвахъ шамъ прошли при дни
И безъ сна при ночи.

Жадно кровь пилъ земля;
Мы не усшунали;
И широкія поля
Трупами усшуали.

И шеперь кровавый паръ
Надъ полями дремлетъ,
И шеперь еще пожаръ
Тѣ поля объемлетъ....

Но звучитъ; я слышу, докъ:
Вошь гремящъ бойницы!
Ахъ! шю врагъ къ стѣнамъ пощелъ
Древнія спозицы!

Полешимъ! — „Пожди хощъ часъ
Ошдохни доколь“...
— Нѣтъ! я слышу трубный гласъ,
Гласъ, зовущій въ поле!...

Можно ль боль мнѣ помнишь ранъ
И ошашься съ вами,
Если всѣмъ грозитъ *тиранъ*
Рабствомъ и цѣпями?..

Вонъ пожаръ — и дымъ сползномъ!
Даль зажглася битвой:
Сладко пасть въ рукахъ съ мечемъ
И въ устахъ съ молишвой!

Дѣши мирной тишины!
Намъ ли до покоя?
Всѣхъ за честь родной страны,
Кличешь голосъ боя!

Будь ты вождь, Вогъ бравей, имъ:
Нашъ обѣтъ: опмщенье! —
Такъ сказалъ — и всѣ за нимъ
Дружно на сраженья!

Бедоръ Глинка.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ РУСКАЯ БИБЛОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И :

1 8 1 8.

42. † *Отечественныя записки Павла Свинкина.* С. П. б. 18. 8. въ шп. Н. Греча, въ 12, 265 стр. *. Съ каршинкою представляющею вану, изваянную Сулановымъ изъ дикаго камня.

*) Продается въ книжныхъ лавкахъ братьевъ Сениныхъ у Казанскаго мосту въ домѣ Кусовникова и въ Госпитальномъ дворѣ подъ № 53, по 3 р. экз.

(Въ сей книжкѣ Г. Свинкинъ сообщаетъ публикѣ наблюденія свои въ отечествѣ: описанія разныхъ заведеній и доспомянутыхъ мѣстъ въ Россіи и биографическія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ почтенныхъ соотечественникахъ, кошорые отличеными шаашинами и благородствомъ характера возвысились изъ низкаго званія, предназначеннаго имъ судьбою. Подвигъ благородный, достойный вниманія и хвалы всѣхъ истинныхъ любителей отечества! — Г. Свинкинъ, болѣе многихъ другихъ, имѣетъ право и возможность судить о заведеніяхъ отечественныхъ и о заслугахъ Рускихъ въ Наукахъ и Искусствахъ: онъ не спашеть ослѣпляясь пустымъ пристрастіемъ къ одному имени, ибо видѣлъ многія страны Европы и Америки, и въ состояніи судить объ отечествѣ своемъ по сравненію съ другими землями, и отдавать ему преимущество не по спашси, и отдавать ему преимущество не по спашси, а по душевному убѣжденію. Приглашаемъ и просимъ его продолжать свои общепользныя упражненія, въ изысканіи отечественныхъ шаашиновъ и сообщеніи объ оныхъ свѣдѣнія благодарнымъ соощичамъ! Пусть шаашъ завистники и хулители: подобная музыка сопровождаетъ всегда и вездѣ труды, посвященные общей пользѣ и удовольствію людей благомыслящихъ.)

43. † *Замѣтанія и чувствованія или путешествіе, какихъ мало или какихъ очень много, изъ Харькова до Санктпетербурга.* (Писанное наскоро карандашомъ, а иногда перомъ на стнціяхъ) *Василіемъ Масловителемъ, Докторомъ Изщныхъ Наукъ.* С. П. б. 1818 въ шп. Н. Греча, въ м. 8, 78 стр. *)

(Г. Сочинитель сей книжки, зная шаашическое правило: предупреждать нападеніе непріятелиа або нападающій имѣетъ гораздо болѣе выгоды нежели защищающійся, вооружающа въ Предисловіи своемъ противъ строгихъ Кришниковъ, (и именно про-

*) Продается въ книжныхъ лавкахъ Заикиныхъ и Сениныхъ по 2 р. 50 коп.

тивъ Издателя Сына Отечества) объявляя имъ, что они напрасно будутъ предостерегать отъ покупки оной Чашашелей, пошому что „во первыхъ „они не уснѣють въ своемъ желаніи; Сочинитель „божится, что на эту книжку болѣе найдется „Чашашелей нежели на какія нибудь торжественныя судія рѣчи, часто въ началѣ Журнала напечатанныя и коихъ листы нѣкъмъ почти не различываемы! А во вторыхъ: разкришикуя оную „такимъ образомъ, они ясно покажутъ всѣмъ, что „не отгадали его (Сочинителя) цѣль, и шѣмъ для „нихъ сподѣе будешь, что они, большіе мастера „Россійской Словесности, не поняли его, маленькаго подмастерья!“ — Въ первомъ пунктѣ мы никакъ не станемъ спорить съ Г. Сочинителемъ; ибо всѣмъ извѣстно, что не достоинствомъ книги опредѣляется число ея Читателей: Приключенія Англійскаго Милорда Георга и Бранденбургской Маркграфини Фридерики Луизы имѣли конечно въ десятеро болѣе Читателей нежели Россіада или Косцова переводъ Илиады. — Въ разсужденіи же втораго пункта, мы должны признаться въ своей недогадливости: прочитавъ книжку сію разъ десять, не могли мы понять, какую цѣль имѣлъ въ виду Авшоръ, и думаемъ только, что онъ (какъ говаривалъ покойникъ Макаровъ) писалъ пошому что хотѣлось писать, и печаталъ пошому, что хотѣлось печатать.)

Ф И З И К А.

О КРАСНЫХЪ ИЛИ, ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫХЪ КРОВАВЫХЪ ДОЖДЯХЪ (*pluviae sanguineae*, Blutregen). *)

Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ древнихъ Писателей упоминается о кровавыхъ дождяхъ. Діонъ Кассій повѣствуетъ, что въ Римѣ передъ смертию Нерона, низпадалъ кровавой дождь, пошому будшо бы. что сей ширанны много пролилъ неповинной крови а). Плутархъ пишетъ, что низпадали кровавые дожди въ Греціи послѣ кровопролитныхъ сраженій б). Изъ сего видно, что Древніе въ самомъ дѣлѣ полагаи, будшо бы небо иногда дождитъ кровью для какого либо предназначенія, или она, по мнѣнію ихъ, во время кровопролитныхъ сраженій уносилась въ воздухъ, а пошомъ въ видѣ дождя онашь упадаетъ на землю. Но, судя по своимъ обыкновенной крови, что она неспособна принимать парообразной видъ и что вскорѣ на воздухъ сгущается и засыхаетъ. нельзя допустить того, чтобы она могла быть занесена въ высшія части атмосферы. Слѣдовательно надлежитъ полагать причину происхожденія шакъ называемыхъ кровавыхъ дождей не въ настоящей крови, но въ другомъ какомъ либо красномъ веществѣ особеннаго рода.

Въ 1608 году низпадалъ въ окрестностяхъ Парижа шакъ называемый кровавый дождь, который нанесъ земледѣльцамъ, работавшимъ тогда въ поляхъ, ошоль великой ужасъ, что они принуждены

*) Изъ книги: о чудесныхъ дождяхъ, соч. Г. Мухиньскій, о коей напечатано въ 18 кн. С. О. 1818. а, б) Musschenbr. Essai de Phys. Tom. II. p. 790.

были бѣжать въ свои жилища, дабы избавиться угрожавшей имъ мнимою опасності. Нѣйрескъ разсмашивая шѣ мѣста, гдѣ оной дождь низпадалъ, намель будно бы на нихъ мааишихъ красныхъ на-сѣкомыхъ: изъ чего онъ и заключилъ, что оныя, вѣроятно, летали въ большомъ количествѣ во время обыкновеннаго дождя и, соединившись съ нимъ, сдѣлали его краснымъ а). После того времени обыкновенно приписывали происхождение кровавыхъ дождей сей причинѣ. Потому нѣкоторые Физики объясняли оныя явленія красными распышеннаго царства порошками (Blüthenstaub) и краснымъ землистымъ веществомъ, возмѣтаемыми бурными вѣтрами и заносимыми въ атмосферу; изъ сего явствуетъ, что Естественныя шашели прежнихъ временъ не изслѣдывали низпадавшихъ изъ атмосферы веществъ Химическими средствами, а разсуждали объ оныхъ происшествіяхъ по однимъ только умозаключеніямъ.

Но событія новѣйшія доказали намъ, что красное вещество, дѣлающее обыкновенные дожди подобными кровавымъ, можетъ низпадать изъ воздуха и ошѣ шакихъ причинъ, ошѣ какихъ низпадаюшѣ изъ онаго каменныя шѣла (aerolythi): ибо въ ономъ веществѣ найдены были посредствомъ Химическаго разложенія почти шакія же составныя часты, каковыя сысканы въ нѣкоторыхъ метеорическихъ камняхъ, низпавшихъ изъ воздуха, какъ ниже будешъ видно. Посему и шѣ самыя кровавыя дожди, о коихъ упоминаюшѣ древніе и коихъ необстоятельная описаніа предали намъ нѣкоторые ученые мужи близкихъ къ намъ столѣтій, можетъ бышѣ, происходили ошѣ чрезвычайныхъ какихъ либо дѣйствій Природы, заслуживающихъ особенное внимание Физиковъ.

Для того мы помѣщаемъ въ сей сшашѣ въ Хронологическомъ порядкѣ какъ древнія, шакъ и новѣйшія извѣстія о низпаданіи кровавыхъ дождей;

a) Gassendi Opera. Tom. V. de vita Peiresci. Lib. 2. p. 270. Lugd. 1658.

и при семъ за лучшее считаемъ ошмѣнить сіе названіе, а именовать ихъ *красными дождями*. Здѣсь шакже приводимъ нѣсколько и шакихъ случаевъ, при коихъ низпадало красное вещество изъ воздуха въ видѣ метеоровъ.

Въ 860 году низпадалъ красной дождь въ Баткѣ а).

Въ царствованіе Михаила III, шо есть, почти въ срединѣ 9 столѣтія, низпаалъ изъ воздуха красной порошокъ въ большомъ количествѣ напоподобіе дождя б).

Въ 1110 году низпаалъ одинъ огненной метеоръ съ шрескомъ въ озеро Ванъ, что въ Арменіи, коего вода сдѣлаалась ошѣ онаго похожею на кровь. Изъ сего видно, что большая масса краснаго порошку упала при ономъ случаѣ на землю совокупно въ шарообразномъ видѣ и соединилась съ водою. Что оная масса низвергалась съ шрескомъ, шо сіе по-даешъ поводъ заключишѣ о сходствѣ ея низпаданія съ метеорическими камнями с).

Въ 1415 году низпадалъ въ Богеміи красной дождь на 6 миль въ длину и ширину d).

Въ 1534 году низпадалъ красной дождь въ Швабіи e).

Въ 1545 году низпадалъ красной дождь въ Вестфалии f).

Въ 1548 году, 6 Ноября между 1 и 2 часами по полуночи, видѣли огненный шаръ въ Мансфельдѣ, летѣвшій рпш запада къ востоку, и пошомъ вдругъ слышанъ былъ чрезвычайный съ шипѣніемъ шрескъ, подобной сидному грому, коипорой продолжался около четверши часа. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ казался огонь низпадавшимъ съ неба; на слѣдующее утро находили въ разныхъ мѣстахъ красноватую жидкость. При семъ случаѣ появленіе огненнаго шара подаешъ поводъ заключать, что оное веще-

a, b, c, d) Gilb. Ann. der Phys. St. III, S. 254, 256. 1817.

e, f) Musschenbr. Essai de Phys. Tom. II. p. 791.

ство имѣть нѣчто общее въ своемъ происхожденіи съ воздушными или метеорическими камнями а).

Въ 1568 году низпадалъ красной дождь въ Лувентъ b).

Въ 1646 году, 6 Октября, въ 7 часовъ утра, началъ низпадать въ Брисселѣ красной дождь, который продолжался до 2 часовъ по полудни; вода, спекавшая съ домовыхъ крыши, казалась похожою на кровь; оной смоль много накопилось, что рѣки ошъ того сдѣлались наподобіе кровавыхъ. Во время низпаданія онаго дождя атмосфера была очень шендая и шихая. Поушру оной дождь низпадалъ краснымъ, а въ поддень желшымъ; вода онаго оказывала вяжущій и шерпкой вкусъ, на подобіе минеральной воды, находящейся въ городѣ Спа; въ ней еще содержалось нѣкоторое вещество; ибо она, смоявши около 20 дней въ закупшомъ сосудѣ, осаждала на дно клейкое вещество, которое имѣло цвѣтъ омшашни бѣловатой, а частію красной. Когда оная вода была выпариваема, то испускала особеннаго рода запахъ; въ сосудѣ же осшавалось вещество, похожее цвѣшомъ, вкусомъ и запахомъ на шурфъ с).

Въ 1669 году низпалъ въ Ферѣ красной дождь, коего вещество было густо, клейко и испускало смрадной запахъ d).

Въ 1689 году низпалъ изъ воздуха въ Венеціи и въ другихъ соседственныхъ мѣстахъ красной порошокъ, которой оказывалъ кислотовой вкусъ; когда покрышыне онымъ огородные овощи, не бывъ хорошо освобождены ошъ онаго, употреблялись въ пищу, то ошъ сего происходили тошнота, поносъ и другая желудочныя болѣзни e).

Въ 1755 году, 15 Ноября низпадалъ красной дождь при Ульмѣ, въ Швеціи и въ другихъ мѣ-

стахъ; при ономъ случаѣ небо совершенно было красно. О низпавшемъ въ оное время дождѣ при Ульмѣ, замѣчено слѣдующее: красная вода оказывала вкусъ кислотовой; происшедшая въ оной осадка пріягивалась магнитомъ а).

Бергманъ упоминаетъ, что низпадала въ 1764 году красная жидкосшь въ Клевѣ. Ушрехтѣ и въ другихъ окрестныхъ мѣстахъ; она не производила съ сѣрною кислотою шипѣнія; со щелочами не оказывала никакой мушности и чрезъ прощживаніе сквозь пропускную бумагу не измѣнялась въ цвѣтѣ b).

Въ 1803 году, ночью Марша ошъ 5 на 6 число низпадалъ красной порошокъ частію съ дождемъ, а ошчасп безъ онаго, во многихъ мѣстахъ Италіи, какъ то: при Удинѣ, Венеціи, въ Тревизо, Неаполь и далѣе. Въ Фриулѣ же при Толмеццо низпадалъ оной въ видѣ краснаго снѣга. Въ Апуліи сперва дулъ сильной вѣтръ съ великимъ шумомъ, пошомъ наши на оныя мѣста съ юговостока шемнокрасныя облака и пошъ часъ началъ низпадать дождь въ видѣ желтовашокрасной жидкосши, а послѣ въ видѣ краснаго порошка и навелъ на жителей оныхъ мѣстъ великой ужасъ. Оной дождь продолжался безпрерывно около 10 часовъ; пошомъ и на другой день показывались признаки онаго: въ шо время низпадалъ онъ шакже въ Сициліи и былъ еще сопровождаемъ молніею, градомъ и южнымъ вѣшромъ с).

Г Ленуссіи писалъ о низпавшемъ въ шоже самое время на Каринтскихъ горахъ красномъ снѣгѣ въ Бердинскую Академію Наукъ слѣдующее: ошъ 25 Февр 1804).

На всѣхъ Каринтскихъ горахъ замѣчено было, что, 5 и 6 Марша 1803 года, низпадалъ красной снѣгъ, которой просирился на высоту

a) Gilb. Ann. der Phys. St. III. S. 256. 1817.

b) Musschenbr Essai de Phys. Tom. II. p. 791.

c) d) Schweigger Beitr. zur Chem. u. Phys. Bel. VI. S. 44, 45. 1812.

e) Gilb. Ann. der Phys. St. III. S. 258. 260.

a) Gilb. Ann. der Phys. St. III. S. 258. 260.

b) Bergman, Phys. Beschreib. der Erdkug, Bd. II, S. 37. 1791.

c) Gilb. Ann. der Phys. St. III. S. 261.

метеорическихъ камняхъ, не содержащихъ никкеля, и особливо оно имѣеть сходство съ низпавшими изъ воздуха камнями при Ошаннертѣ. Г. Фаброни также сдѣлалъ надъ низпавшимъ въ оное же время краснымъ снѣгомъ въ Ареццо, что въ Тосканѣ, Химическое испытаніе, коего описаніе есть слѣдующее:

Осадка, происшедшая изъ распавшаго снѣга, имѣла желтоватой цвѣтъ, не оказывала ни запаха, ни вкуса, на огнѣ не сгорала, приипала къ языку, передъ лавальною шрубкою принимала охряной видъ и дѣлалась желтоокрасною; съ кислотами производила шипѣніе, въ коихъ однакожь совершенно не растворялась. Составныя части онаго вещества суть: глиннистая земля, известъ, желѣзо, марганецъ, кремнистая земля и малое количество шакового вещества, которое превращалось въ уголь и поршило воду. Поему Г. Фаброни почитаетъ сіе послѣднее вещество органическаго происхожденія а).

И такъ изъ описанія вышесказанныхъ красныхъ или такъ называемыхъ кровавыхъ дождей явствуетъ, что вещество ихъ состояло не изъ крови и не изъ красныхъ насѣкомыхъ, но изъ землястаго краснаго вещества, которое по составнымъ частямъ имѣеть сходство съ нѣкошорыми воздушными камнями, и слѣдовательно оно въ происхожденіи своемъ имѣеть, вѣроятно, одну причину съ оными.

И з в ѣ с т и е.

Подписка на получение *Сына Отечества* во 2й половинѣ 1818 года открылась въ прежнихъ мѣстахъ и на прежнемъ основаніи Цѣна за полугодное изданіе въ С. Петербургѣ 15 р., съ пересылкою 17 р. 50 коп. За доставленіе въ домъ прилагается по 3 р. въ полгода.

(31 М а л.)

а) Gilb. Ann. der Phys. St. III. S. 261. 1817.

С Ы Н Ъ О Т Е Ч Е С Т В А. 1818. № XXIII.

I

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ.

Взглядъ на заговоръ Катилины.

(Окончаніе.)

На утро, 3го Декабря, Цицеронъ призвалъ къ себѣ перваго Габинія, наиболѣе участвовавшаго въ переговорахъ съ Галлами, за нимъ Спацилія, потомъ Цезега, и напоследокъ Леншула. Приведя ихъ за собою ко храму Единодушія, онъ Леншула, какъ Претора, ввелъ за руку въ Сенатъ; прочихъ же за крѣпкою стражею оставилъ въ преддверіи храма. Засѣданіе открылось допросомъ Вулшурція: Перехваченныя письма были ему представлены. Такъ какъ они всѣ были безъ надписей, то Вулшурцій долго запырался, но наконецъ, когда общали ему прощеніе, если признается, то открылъ: что самъ онъ недавно съ злоумы-

шленниками спознался чрезъ Ценарія и Габилія; — что уже по отъѣздѣ Капилина, Автроній послалъ къ нему отрядъ новонабранныхъ войскъ; — что захваченное у него письмо было писано Ленпуломъ, кошорый сверхъ того еще поручилъ ему сказать изустно Капилину, чтобы онъ скорѣе вооружалъ рабовъ и подступалъ къ Риму, дабы въ готовности быть или принять къ себѣ соумышленниковъ, или безъ потери времени соединиться съ ними въ городъ. Тоже самое подтвердили и послы, прибавя, что Ленпулъ, Стапилій и Цесегъ, отдавая имъ письма къ землякамъ ихъ, кляшвенно предъ ними обязались сохранить вѣрно условія свои; и что сверхъ того Кассій просилъ ихъ убѣдительно, дабы, прѣхавъ домой, они выслали немедленно Аллоброгскую конницу въ Испалю, по той причинѣ, что они болѣе всего нуждаются въ лошадяхъ.

По сихъ и многихъ другихъ показаніяхъ, прислушавъ къ настоящему допросу преступниковъ. Первый позванъ былъ Цесегъ. На вопросъ о найденномъ въ домъ его запасѣ оружія, онъ отвѣчалъ, что во все

жизнь свою былъ охотникомъ до онаго и всегда щеголялъ красивыми кинжалами. Это бы могло послужить къ оправданію; но какъ опперешься отъ письма своего, на кошоромъ и печать была цѣла? Письмо его было прочтено въ слухъ; въ немъ Цесегъ призывалъ Сенать и народъ Аллоброгскій къ точному исполненію обещаннаго, ругаясь и за свою сторону въ вѣрности взаимныхъ обязанностей. Противъ такого доказательства ничего не оставалось сказать въ оправданіе, и Цесегъ замолкъ. Потомъ вошелъ Стапилій. Письмо его при немъ же распечатали, прочли, и онъ во всемъ признался безотговорочно. За симъ приведенъ былъ къ допросу Ленпулъ. „Знаешь ли это письмо?“ спросилъ его Цицеронъ: „здесь на печати изображеніе лица предка швоего; въ его время не было лучшаго гражданина въ Римѣ, усерднѣйшаго поборника за Сенать противъ покушеній Гракховъ; и ты могъ сморъшь на ликъ его, не содрогаясь отъ ужаснѣйшаго предпріятія?“ — Письмо сіе было одинаковаго содержанія съ Цесеговымъ; однако же Ленпулъ опперся отъ него. На оч-

ной спавкѣ съ Вулпурціемъ и послами, онъ съ досадою спросилъ ихъ, за чѣмъ они къ нему въ домъ ходили. — Ты самъ посылаешь за нами, ошвѣчали они; и шущъ объявили, сколько разъ были у него; кшо именно приходилъ за ними, и однимъ словомъ все, что шолько могло послужить къ обличенію пресшунника. Леншуль, которому легче было опречься ошъ показанія Вулпурціева и пословъ, нежели ошъ собшвеннаго письма своего и печати, прошивъ чаянія всѣхъ признался во всемъ. Габиній явился послѣдній: онъ долѣе и наглѣе всѣхъ прочихъ защищался; однакоже, уличенный неоспоримыми доводами, повинился какъ и всѣ прочіе. Такимъ образомъ Сенатъ, получивъ вѣрнѣйшія доказательствва о заговорѣ въ признаніи самихъ зачинщиковъ, повелѣлъ сперва, чшобы Леншуль сложилъ съ себя санъ Преспорскій, и потомъ, чшобы всѣ обличенные пресшунники ошданы были, каждый особливо, въ чей нибудь домъ на поручительствво хозяина и подъ спражу онаго. Въ слѣдствіе сего ошведены были: Леншуль къ Леншулу Спиншеру, бывшему шогда Эдилемъ; Цешегъ

къ Корниѣцію; Спашилій къ Юлію Цезарю, Габиній къ Крассу, и Цепарій, не задолго предъ симъ на дорогѣ пойманный, къ Теренцію.

Собраніе Сената кончилось въ сумерки. Народъ, наполнявшій всю площадь, толпился около храма, въ неперѣвнн узнать о происходившемъ въ ономъ. Цицеронъ удовлетворилъ желанію его. Вышедъ изъ Сената, онъ занялъ рощу и подробно описалъ народу всѣ обстоятельствва заговора, допроса и признанія виновныхъ. Чернь, дошоль доброхошествовавшая Капилинъ, вдругъ, по свойшвенной ей любви къ переменѣ, и особливо ошъ ужаса къ пожарамъ, съ яростію возсшала прошивъ злоумышленниковъ, и съ восторгомъ начала превозносить до небесъ Цицерона, какъ спасителя своего ошъ порабощенія.

Никогда и никто не видалъ шакихъ почешей, каковыми осыпанъ былъ шогда Цицеронъ. Ошъ площади до самаго дома народъ шоржешвенно несъ его на плечахъ, при громкихъ восклицаніяхъ радости и вощищенія. Кашуль, спаршій Сенаторъ (grip-

аерс Senatus), сопровождаемый всеми сословиями, пришел к нему на поклон и объявил, что Сенат дает ему в подарок *Опид* *Опегества*; подарок, который до него никто в Республику не украдался, и которым в последствии гордились лучшие из Императоров. Цензор Геллий поднес ему венец гражданский (согона civica), объявляя, что Республика дает ему знак сей, как спасителю граждан. Коппа и Катон вписали в сенатское того дня определение: что предписанное всенародное молебствие от имени Цицерона важнее всех прежде бывших за победы и распространение предельной Империи; ибо настоящее молебствие есть благодарение богам за спасение Консулом *само* Республики. Капуа ему воздвигла монумент, позлащенную стелу, с надписью: *Хранителю нашей жизни, наших дел, свободы и мужества*. — После сего должно ли удивляться, что Цицерон был чувствителен к похвалам? и можно ли пенять ему, что он часто сам себя превозносил, прошивополагая подвиги свои злобой клеветы врагов и гонимых? —

На другой день, по избличении прешупников, первое попечение Сената состояло в том, чтобы прилично наградить, по данному обещанию, Вулпурция и послов. Цицерон провел день сей в размышлениях о важности предстоящего решения, но не в бездействии: ибо узнав, что Ленпуловы опущенники с несколькими из его кланов бродя по улицам и подговаривая сволочь ворваться в дома, где заключались Ленпул и Цепег, дабы освободить их, — он удвоил везде спрашу и принимал все меры к опровержению внезапных нападений. В сем опасном положении дель надобно было решиться не терять времени, и 8го Декабря, рано поутру, Сенат созван был в пошье же храм Единодушия.

Консулы не давали голосов в Сенат; их должность была предлагать дель на разсуждение и собирать голоса прочих Сенаторов; Цицерон предложил решить судьбу обличенных в измене прошив опечесва. Силан, как назначенный Консул, первый подад следующий голос: пре-

дать смертной казни виновныхъ, какъ шѣхъ, копорые уже обличены и находящяся подь спражею, шакъ и шѣхъ, кои по сему же пресшупленію могутъ бытъ пойманы и обличены. Нѣкоторыя присшали къ споронѣ Силана; другіе, желая смягчить участь обвиненныхъ, присшудали ихъ на вѣчное заключеніе. Мнѣніе сіе было перваго Тиберія Нерона, склѣнившаго многихъ на свою спорону, даже и самаго Силана; но главный и краснорѣчивѣйшій зашщникъ онаго былъ Юлій Цезарь. Сей удивительный человекъ, копорой былъ бы величайшимъ Орапоромъ, если бы не предпочелъ, по несчастію, бытъ величайшимъ Полководцемъ, говорилъ рѣчь, въ копорой испошилъ всю силу Краснорѣчія и Діалектики; онъ желалъ доказать, что пресшупленіе виновныхъ шакъ ужасно, что не лзя и придумашъ для него наказанія довольно жестокаго; и пошому должно держашъся существующихъ законовъ (возбраняющихъ казнить смертно Римскаго гражданина), дабы нарушеніемъ оныхъ не подашъ опаснаго примѣра въ Республикѣ; — что смершь, будучи конецъ спраданіямъ,

не ешь наказаніе, ибо за предѣлами жизни нѣтъ ни мукъ, ни наслажденія; — и наконецъ, что въ слѣдствіе сего смершная казнь для пресшупниковъ ничтожна, и можешъ бытъ вредна для остающихся. Въ заключеніе всего онъ подалъ слѣдующій голось: что бы, осудивъ пресшупниковъ на вѣчное зашщеніе, разослалъ ихъ по разнымъ муниципальнымъ городамъ и шамъ содершашъ подь крѣпкою спражею; имѣніе ихъ описашъ въ казну, и ушвердишь закономъ, что всякой попъ, кто осмѣлится предложитъ о ихъ возвращеніи, почшешся измѣнникомъ и нарушителемъ общешвеннаго спокойствія.

На Цезарево мнѣніе возразилъ Катонъ: „Я часто (говорилъ онъ между прочимъ) возсшавалъ здѣсь прошивъ роскоши; но шеперь не спрашивается, добродѣтельно ли мы живемъ, или разврашно; а дѣло идетъ о шомъ, осшавашъся ли намъ въ живыхъ или ошдашь себя на жертву люштьишимъ врагамъ Республики? — Давно значеніе словъ у насъ измѣнилось, и до шого, что мы шеперь называемъ дерзкія покушенія швердоштію, а расшоченіе чудишъ имущешвъ ше-

дростію. Но пусть такъ! Пусть слыветъ щедрымъ тошъ, кто разсыпаетъ заемныя деньги, а милосердымъ, кто щадитъ воровъ и грабителей: лишь бы только щедроша ихъ не была на счетъ крови нашей, и помилованіемъ немногихъ злодѣевъ не вовлечъ намъ въ погибель всѣхъ добрыхъ людей. — Цезарь не въришь мученіямъ, ожидающимъ злодѣевъ въ преисподней, и осуждаешь преступниковъ на лишеніе имущества и заповненіе по городамъ. Но довольно ли сего для нашей безопасности? Развѣ онъ думаетъ, что кромѣ Рима нигдѣ нѣтъ бездѣльниковъ? И кто поручится намъ, что они не найдуть способа уйти изъ подъ спражи? Онъ ли одинъ того не опасается? Въ такомъ случаѣ мы должны еще болѣе бояться, и я заключаю, что, щадя Ленгула и сообщниковъ его, мы щадимъ самого Капилину; а поражая здѣсь злодѣевъ, мы низлагаемъ ихъ повсюду. Когда Римъ процвѣтала добродѣтелями; тогда Манлій Торкватъ не поколебался осудить на смерть роднаго сына своего за одно только непослушаніе: а вы медлите казнить ошцеубійцу, предавая

ошечешва! — — Моѣ мнѣніе: съ преступниками, какъ съ обличенными въ измѣнѣ прошивъ ошечешва, поступишь по обычаю предковъ нашихъ — предашь ихъ смершной казни.“

Сія рѣчь Каптонова сомнѣвающимся подкрѣпила, робьющимъ дала бодростъ, и шакое произвела дѣйствіе, что всѣ единогласно опредѣляли измѣнникамъ смерть. — А Цицеронъ, все еще опасаясь, чтобы возмущеніе или какой-нибудь непредвидѣнный случай не испорчь злодѣевъ изъ рукъ его, приказалъ Триумвирамъ (шакъ называлишя шюремщики), чтобы они все немедленно пригошвили къ казни преступниковъ, и въ ту же ночь, распавивъ вооруженныхъ по дорогѣ, ошвелъ Ленгула самъ, прочихъ же всѣхъ чрезъ Преторовъ, въ Туллиеву шемницу, гдѣ они ошъ рукъ палачей приняли наказаніе, достойное ихъ ужаснаго преступления.

Между шѣмъ, какъ сіе происходило въ шѣхъ Рима, Капилина имѣлъ уже при себѣ два легіона, и ожидалъ только извѣстїя ошъ успѣхъ заговора, чтобы самому

съ войскомъ подошли къ городу. Въмѣсто сего, узнавъ, что Ленипуль и соумышленники его казнены, и видя, что неудача остановила смеченіе къ нему въ спанъ недовольныхъ Правительствомъ, онъ опспунилъ съ войскомъ далѣе въ Тоскану, и въ намѣреніи пробраться чрезъ Альпы въ Галлію, дошелъ до Писноиіи, гдѣ принужденнымъ нашелся остановиться; ибо съ одной стороны Метелль Целерь, угадывая намѣреніе его, успѣлъ занявъ ущелія, кошорыхъ, идучи въ Галлію, не лзя было миновать, а съ другой стороны, къ полудню, Антоній съ главнымъ войскомъ занялъ всѣ проходы, дабы опрѣзать пушъ непріятелю, въ случаѣ покушенія онаго обратиться на Римъ. Въ шакомъ положеніи оставалось Капилинъ одно средство: открывъ себѣ пушъ мечемъ, и онъ рѣшился напасть на Антонія, онъ кошорато ожидалъ себѣ пощады, въ случаѣ неудачи, а можешь быть, и содѣйствія, какъ онъ человекъ, всегда пошворспивовавшаго его намѣреніямъ. Антоній опгадывалъ мысли его; но видя, что уже поздно помогашъ паршиіи, совсѣмъ взнемогающей, онъ сказался

большимъ и поручилъ начальство надъ войскомъ второму по себѣ, Пешрею. Битва была жаркая и опчаянная. Ни одинъ изъ мяшежниковъ не попросилъ пощады, и ни одинъ изъ нихъ не доспался въ плѣнь: всѣ грудью полегли на шомъ самомъ мѣспѣ, гдѣ началось сраженіе. Одинъ только Капилина найденъ былъ далеко впереди, поверженнымъ на грудѣ непріятельскихъ швѣль: онъ еще дышалъ, но и при концѣ жизни дышалъ яростию и мщеніемъ *).

Такимъ образомъ кончился Капилининъ заговоръ, въ кошоромъ, какъ мы видѣли, Цицеронъ показалъ все шю, что швердый, великодушный, мужеспивенный человекъ можешь сдѣлать для спасенія опечества своего: показалъ, говорю я, но не избавилъ опечества опъ гибели; ибо зло въ немъ

*) *Ferociam animi, quam habuerat vivus, in vultu retinens.*

Мнѣ кажешся, что Таосъ имѣлъ въ виду Салюстиевы слова о Капилинѣ, когда онъ описывалъ смерть Арганша.

Moriva Argante; e tal moria, qual visse:

Minacciava morendo, e non languia.

Superbi, formidabili, e feroci

Gli ultimi moti fur, l'ultime voci,

Ger. XIX, 26.

елишкоть уже вкоренилось, и частіи добродѣтели не въ силахъ были, при общемъ развратѣ, сдѣлать спасительный перевѣсъ. Еще Капилина былъ живъ; еще пылала война междоусобная на поляхъ Эпхрури; а уже враги опечесива спарались очернить Цицерона предъ народомъ, описывая его убійцею и нарушителемъ законовъ. Трибунъ народный Непосъ, братъ Мешелла Целера, тайно подспрекаемый Цезаремъ, былъ первый изъ возставшихъ на Цицерона. Онъ впередъ объявлялъ, что не допуститъ его говорить къ народу (въ послѣдній день Консульства его), полагая, что Римлянамъ непристойно слушать того, который, нарушивъ всѣ законы, предавъ смерти гражданъ, не допустивъ ихъ оправдаться предъ собраніемъ народнымъ. Тщешно Цицеронъ искалъ опровергнуть ошь себя такую обиду; употребляя на то Клодію и Муцію, женъ Целера и Помпея *. Спаранія обихъ сихъ женщинъ не подѣйствовали надъ упрямымъ

*) Помпеева жена Муція была родная сестра Непоса.

Непосомъ, который въ день смѣны Консуловъ поставилъ кресла свои на рострѣ, и въ силу Трибунской власти запретилъ Цицерону говорить другое что, кромѣ обыкновенной въ такомъ случаѣ присяги. Тогда Цицеронъ, видя себя принужденнымъ уступить силѣ, громко воскликнулъ: *клянусь, что я слава Римъ и Имперію!* и клятва сія произвела столь сильное дѣйствіе, что народъ, какъ будто вдругъ опомнившись, пошелъ за нимъ въ слѣдъ до самаго его дома, повторяя безпрестанно: *клятва его справедлива!*

II.

К Р И Т И К А.

РАЗСМОТРЕНІЕ РЪЧИ Г. ПРЕЗИДЕНТА АКАДЕМІИ
НАУКЪ И ПОПЕЧИТЕЛЯ САНКТПЕТЕРБУРГСКАГО
УЧЕБНАГО ОКРУГА, ПРОИЗНЕСЕННОЙ ИМЪ ВЪ
ПУБЛИЧНОМЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ Глав-
наго Педагогическаго Института 22 Марта
1818 года.

Столь много хвваляемая Слушателями
и столь нешерпиво ожидаемая рѣчь Гос-
подина Президента Академіи Наукъ, произ-
несенная имъ въ торжественномъ собраніи
Главнаго Педагогическаго Института, яви-
лась ко удовольствованію любопытства Чи-
ташелей и сославляеть нынѣ предметъ об-
щаго разсужденія. Сіе новое произведеніе
ученаго Россіянина, на поль малоизвѣст-
номъ и для самыхъ просвѣщеннѣйшихъ ино-
странцевъ, служишь новымъ доказатель-
ствомъ и его глубокихъ свѣднй въ высшей
Литературѣ и его пламеннаго желанія
познакомить своихъ соотечественниковъ
съ памятниками и слѣдами древняго обра-
зованія на Воспокъ. Явленіе столь рѣдкое

на поприщѣ нашей Словесности возбудило
наше вниманіе, а красота, въ ономъ созер-
цаемая, произвели охоту сообщить наши
замѣчанія ученому свѣту.

Но предварительно просимъ Читашелей
замѣшши, что мы посплавляемъ *независи-*
мость за правило во всѣхъ сужденіяхъ на-
шихъ. Правда или молчаніе — ишь среди-
ны между сими крайностями для Писателя
доброевѣснаго. Яркой свѣтъ вреденъ сла-
бому зрнью, правда оскорбляеть малоум-
ныхъ: Авпоръ разсмашриваемой нами рѣчи
не имѣеть нужды въ щадливости. Вѣкъ жи
и лести кажешся оканчиваешся. Дай Богъ,
чтобы онъ никогда не возвратился. Нынѣ
и Владыки міра говоряшь и любяшь правду;
о Царяхъ судяшь съ благоговѣніемъ, но по
числотѣ сердца. Пусть одни наемники про-
должашъ искусство лести! Кругъ людей, ис-
шинно образованныхъ по уму и независи-
мыхъ духомъ отъ обыкновенныхъ прельще-
ній и страховъ слабаго сердца, ошвергнешъ
ихъ съ презрѣніемъ, а общее мнѣніе бро-
сишь лицемѣровъ въ кашу юродивыхъ, при-

шворнымъ бѣснованіемъ выманивающихъ деньги или улыбку у проходящихъ.

Предметомъ шоржественнаго собранія въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ было открытіе двухъ кафедръ Восточныхъ языковъ и одной кафедры Всемирной Истории. Рѣчь Г. Президента, обнимая оба сіи предмета, раздѣляется существенно на двѣ части. Въ первой показывается оное вліяніе древнихъ обитателей Востока на судьбу другихъ народовъ, вліяніе, которое они имѣли своимъ умственнымъ образованіемъ, своими религіями болѣе или менѣе высренними, болѣе или менѣе благодѣтельными, своими нравами, по шихими и добрыми, по буйными и жестокими, но всегда упошченными, своимъ Законодательствомъ разсчелливымъ и дальновиднымъ, всегда на религіи основаннымъ, своимъ пороками, на плодотной землѣ подъ знойнымъ небомъ скоро и удобно созрѣвающими. Такимъ образомъ Авшоръ справедливо выражаетъ, что „Востокъ есть первая колыбель, первое поприще лучшаго бытія, первой свидѣтель паденія рода человѣческаго.“ Къ сему паденію отно-

еимъ мы и пошъ гибельный переворотъ судьбы Азіатскихъ народовъ, которымъ они ушрашили частную и публичную свободу, ушрашили такъ давно, что сего ихъ бѣдствія не помнишь Исторія, такъ невозвратно, что ошъ чрезъсшественнаго шолько преобразования міра ожидаютъ улучшения судьбы своей. Но вмѣсто всешльного существа Кришны, коего они ожидаютъ, можетъ бышь, жшпеламъ Албіона представлено возшановишь падшихъ Азіатшвъ, дашь имъ почувствшовать и сладосшь гражданской свободы и благодѣяніе крошкаго образа правленія и плоды просвѣщенія, возросіе ошъ Азіатскихъ сѣмень подъ шумачнымъ небомъ Британіи.

Судьба народовъ, первыхъ просвѣшителей міра, шоль же достопамятна для Истшрика, сколько его Словесносшь любопытна для ученаго изыскашеля древностей. „Узнать языкъ народа, говоритъ Авшоръ, знатишь узнать весь ходъ его образованія.“ Положеніе сѣмное, но для кришики не пришупное по причинѣ силы доводовъ, приведенныхъ въ подшверженіе онаго. „Но зна-

ніе языка, продолжаєшь онь, *остається безъ цѣли и безъ важности, если мы ограничимся сравнительною пометкапурою, или собраніемъ пустыхъ звуковъ. Тѣ только языки заслуживаютъ вниманіе Филолога, которые имѣютъ свою собственную Словесность.*“ Здѣсь Авшоръ, кратко обозначивъ вліяніе Арабскаго и Персидскаго языковъ на усовершенствованіе учености Азіяшоръ, переходить къ частному разсмотрѣнію Словесности Евреевъ, Арабовъ, Персіянъ и Индѣйскаго Санскрипта. Быстрымъ взоромъ обнявъ онь сіе пространное, но мало воздѣланное поле образованія каждой Словесности, означилъ и лучшія произведенія и яркія опшѣнки, одну ошь другой несомнѣнно опшчающія. Многимъ Живописцамъ удається производить прекрасныя картины, немногіе способны начертывать прекрасныя абрисы. Для усовершенія Чпшателей въ истинѣ нашего опшыва, конечно ненужнаго для Г. Президента Академіи, мы представимъ здѣсь его краткое, но полное и прекрасное описаніе Словесности и Исторіи Арабовъ. „Словесность Арабовъ имѣєть свой опшчитель-

ный характеръ. Ихъ Поэзія пылаєть какъ сшесть; она чудесна какъ ихъ Исторія. Посреди Имперіи Персовъ и Имперіи Римлянъ лежить Аравія, коею ни Александръ, ни Римляне не могли овладѣть. Жители ея были независимы и храбры; они любили Поэзію какъ свободу. Сама природа защищала ихъ ошь внѣшнихъ властителей. Въ VII столѣтіи явился Магомешъ, Полководецъ, Законодатель и Поэтъ, и большая половина древняго міра повиновалась Исламу, когда онь оставилъ съ жизнію завѣтъ обращать народы посредствомъ Корана и меча. Сто лѣтъ послѣ смерти Магомета владѣніе Арабовъ простиралось ошь Гангеса до Пиренейскихъ горъ. Конспаншнополь шрепешалъ и шронъ Персіи распался на части. Гарунъ-Ал-Ращидъ и сынъ его Ал-Мамунъ покровительствовали Наукамъ. Подъ ихъ скипетромъ процвѣтали Воспокъ, Африка, Испанія. Тысяча одна ночь сдѣлала Гаруна славнѣе, чѣмъ его походъ на Царьградъ. Творенія Грековъ, особенно Философовъ и Врачей, были переведены на Арабской языкъ. Въ Багдадѣ, въ Бассорѣ и во многихъ

другихъ городахъ Калифы основали высшія училища. Арабы первые познакомили Европу съ Аристотелемъ. Въмѣстѣ съ Науками процвѣтали Художества и мануфактуры. Архитектура Арабовъ, которую мы ошибкою называемъ Готическою, носить печать ихъ гения. Въ великолѣпныхъ чертогахъ Багдада, подъ тѣнью лимонныхъ деревъ на берегахъ Тага и Гвадалквивира, раздавался звукъ оружія вмѣстѣ съ звукомъ люшень и гитарь. Арабы не уступали ни одному народу въ любви къ турнирамъ, къ рыцарству, къ Поэзій. Слѣды пребыванія ихъ въ Испаніи произвели Аріоста и рыцарскую Литературу. Весь ихъ историческій ходъ чудесенъ, но мы узнаемъ тѣ же черты характера въ Арабѣ и посреди знойныхъ степей въ сопровожденіи вѣрнаго верблюда и въ пыльных ристалищахъ Царей Гренадскихъ. Съ Магомешомъ исчезла Поэзія Арабовъ; слабые ея отголоски были едва слышны, когда Арабы славно владычествовали надъ двумя шреями просвѣщеннаго міра. Съ независимостію, съ бѣдностію, съ жизнію Пашіарховъ лишились они оригиналь-

ности въ произведеніяхъ ума. Магомешъ, сынъ степи, заключаешь кругъ Поэшовъ.“

Описаніе источниковъ образованія, хранимыхъ для насъ на Востоцкѣ, заслужаешь Чашателя воскликнуть съ Авторомъ: „можно ли не желать спрассно распространенія сихъ прекрасныхъ познаній? кто не захочешь познакомиться съ симъ богатымъ рудникомъ, викнушь въ Философію, въ Законодательство, въ Науки народовъ столь еще мало извѣстныхъ, пройди сквозь сей безмолвный рядъ вѣковъ; внеси свѣтлѣнькъ въ мрачное жилище давно исплѣвшихъ племенъ и поколѣній, однимъ словомъ привязашъ свой личожный вѣкъ къ симъ неподвижнымъ памянникамъ опцвѣвшаго просвѣщенія и забытой, но чудесной славы?“

Здѣсь мы должны рѣшишь возраженія, дѣлаемыя многими на счетъ изученія Востоцной Словесности; два, изъ оныхъ суть главнѣйшія. Познаніе Востоцныхъ языковъ и изысканіе Азіятскихъ древностей есть цѣль и можно сказать роскошь просвѣщенія; слѣдовательно она составляетъ удѣлъ образованнѣйшихъ только народовъ Европы.

Россія, нуждающаяся въ общеплезныхъ и для самаго дѣлопроизводства необходимыхъ свѣдѣнiяхъ, не можешь принять участiя въ воздѣлыванiи сего плодоноснаго поля, и должна заимствовать возрастающiе на ономъ плоды опыта дѣлашелей чужеземныхъ. Сiе благовидное возраженiе содержишь въ себѣ доводы, уничтожающiе его силу. Россія начинаешь кругъ своего образованiя, другiе просвѣщеннѣйшiе народы оканчивающъ оный. Имъ труднѣе переѣмнишь свой вкусъ, укоренившiяся правила и навыки въ Словесности; имъ надобно вступишь во младенчество, неприличное ихъ мужескому возрасту. Россія, ищущая досель направленiя въ своемъ образованiи, можешь по произволу принять оное и почерпашъ свѣдѣнiя въ чистыхъ первобытныхъ источникахъ. Тогда Словесность наша получитъ новыя самостоятельныя и прочныя свойства; сбросивъ разноцвѣтную, смѣшную хламиду иностранныхъ вкусовъ, она явится намъ въ образѣ прелестной Славянской Богини, одѣтой въ одноцвѣтную, но прекрасную ризу, и ея спрройному стану и благородному виду со-

вершенно приличную. Но о семъ предметѣ просимъ Читателей выслушать въ сужденiе самаго Автора.

Недостатокъ въ другихъ нужнѣйшихъ свѣдѣнiяхъ не можешь оправдать недостатка въ познанiи Словесности, какъ надежной руководительницы ума во всѣхъ прочихъ познанiяхъ человѣческихъ. Съ другой стороны, разсмащивая мѣстное положенiе Россiи, ея соседство и родство, хотя дальное, съ Азiйскими народами, мы находимъ, что изученiе Восточныхъ языковъ не только излишнимъ почтено быти не можешь, но должно составлять необходимую отрасль занятiй нѣкотораго числа юношей; воспитываемыхъ въ высшихъ Училищахъ.

Изъ людей, согласныхъ въ сей испинѣ, нѣкоторые почишающъ удобнѣйшимъ для обученiя юношества Восточнымъ языкамъ учебныя заведенiя, въ другихъ областяхъ Имперiи существующiя. Конечно такъ, и Правительство не упустило случая воспользоваться сими мѣстными удобностями, но въ отвѣтъ на сiе возраженiе мы присоветуемъ еще одно многосказательное, но къ

созаально справедливое, выраженіе: *тѣмъ ближе къ экватору, тѣмъ больше солнце грѣетъ*. Всякая служба требуетъ вниманія свыше, особливо ученая, коюрой единственна награда есть гласность успѣховъ и признательность просвѣщенныхъ соотечественниковъ.

Но представляя необходимымъ изученіе Восточныхъ языковъ для Россіи по ея настоящему положенію, Авторъ удаляетъ мрачныя мысли о тайномъ соглашеніи и несправедливыхъ приязаніяхъ на политическую независимость Азіатскихъ сосѣдей Россійской Имперіи, сосѣдей, учинившихся мирными съ тѣхъ поръ, какъ Европейское Воинское Искусство уличило во лжи ихъ завоѣщихъ гадателей. Духъ времени сильно дѣйствуетъ на Россію; Геній Мира поражаетъ споголаве чудовище, опустошившее Европу въ прошедшемъ столѣтіи, славномъ дѣяніемъ къ завоеваніямъ.

(Продолженіе впрѣдъ)

III.

СОВРЕМЕННАЯ РУСКАЯ БИБЛОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И :

1 8 1 8.

44. † *Грамматика Малороссійскаго нарѣчія или Грамматическое показаніе существеннѣйшихъ отличій, отдальнѣйшѣ Малороссійское нарѣчіе отъ гистаго Россійскаго языка, сопровождаемое разными по сему предмету замѣчаніями и сочиненіями. Сочин. Ал. Павловскій. С. П. б. 1818* въ шп. В. Плавильщикова, въ 8, 114 стр. *)

Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ;
Отечества и дымъ намъ сладокъ и припенъ

Вотъ новосѣ! подумалъ я, узнавъ о напечатаніи Малороссійской Грамматики и спѣшилъ купить оную. — Не знаю, отъ чего ли, что на всѣ предметы, напоминающіе намъ о родинѣ, смогримъ мы особенными глазами, или отъ того, что книга сія подлинно занимательна, я прочелъ ее безосновочно и съ удовольствіемъ. Кажется однакоже, что она дѣйствительно заслуживаетъ вниманіе любителей отечественной Словесности: чѣмъ болѣе будемъ мы знать нарѣчій языка Славянскаго, тѣмъ удобнѣе усовершенствовашъ языкъ Руской—Малороссійское же нарѣчіе есть одно изъ ближайшихъ отраслей перваго **); въ нарѣчій семь нахо-

*) Продается въ кн. лавкахъ Плавильщикова по 2 р. 50 коп.

**) Я говорю даже думать, что если бы возможно было очистишь Малороссійское нарѣчіе отъ словъ Ташарскихъ, Лашинскихъ, Пѣмецкихъ и небольшаго числа такихъ, коиъ происхожденіе отгадать весьма шрудно, наприм. *стресай* (погоди, поа

дится много словъ, помогающихъ объясненію Этимологии словъ Русскихъ, много шаклѣ, кошорыя выражаютъ мысль яснѣе нежели нынѣ нами употребляемая **, есть даже шаклѣ, кошорыя, будучи введены въ языкъ Россійскій, но выразишельность своей могли бы служили къ обогащенію нашего ***. Но обратимся къ Малороссійской Грамматикѣ.

Первоначальныя опыты никогда не могутъ быть совершенны. Грамматика Малороссійскаго нарѣчія, изданная Г. Ал. Павловскимъ, имѣетъ также недостатки свои. Я замѣчу нѣкошорыя. Въ статьѣ о прилагательныхъ именахъ Сочинитель говоритъ, что превосходная степень дѣлается прибавляя къ положительной степени слогъ *пре*, а иногда и слогъ *най*, что бываетъ совершенно на оборотъ. Въ сей же статьѣ упоминаетъ онъ, что превосходная степень дѣлается также прибавляя къ положительной слова *изъ горта* или *изъ гортывого*, *изъ бисового сына*; сомнѣваюсь, есть ли хотя одинъ языкъ, въ кошоромъ бы превосходство одной вещи предъ другою означалось прибавленіемъ слова

стой) *мерцій* (скорѣе) *силъкошь* (нѣтъ нужды) и проч., то мы увидѣли бы одно изъ числѣйшихъ нарѣчій языка Славянскаго, и можетъ быть то самое, которое было господствующимъ языкомъ предковъ нашихъ во времена Ваадимира.

* Напримѣръ *роска*, ш. е. розга, ясно показываетъ что сіе есть сокращеніе слова *ростка* ш. е. ошростокъ, лѣторосль.

** Наприм. *пугать*, *ветера*, *недогарокъ*, *ятки* кои гораздо ближе къ понятіямъ съ ними соединяемымъ нежели поже значущіе: филинъ, ужинъ, огарокъ, лабазы.

*** Наприм. *досвѣтокъ* (время предъ разсвѣтомъ) *женихатя* (спрошитъ куры, амуришься) *лайка* (шпанская муха, собираемая въ большомъ количествѣ Малороссіанами въ Маѣ мѣсяцѣ) *цокотать* (стучать зубами или чѣмъ нибудь звенящимъ, какъ наприм. стекломъ о стекло) и проч.

гортъ или *гортывъ сынъ*; выраженія же *зб горта дужкый*, *зб сусого сына гарна сушь* по же что на Рускомъ языкѣ: *гортъ знаетъ какъ силенъ, гудо какъ хороша*.

На страницѣ 13 въ статьѣ о мѣстоименіи Сочинитель пишетъ такъ:

И. я, ты

Р. — —

Д. мнѣ, тебѣ.

Линѣчка, стоящая подъ какимъ либо словомъ, показываешь, что и на ея мѣстѣ должно стоять то же самое предыдущее слово; но всякой, знающій сколько нибудь Малороссійское нарѣчіе, скажетъ, что мѣстоименія *я* и *ты* имѣютъ въ родительномъ падежѣ *мене*, *тебе*.

На страницѣ 14 между мѣстоименіями *мій*, *моя*, *моѣ*, стоить слово *ла* кошорое есть не мѣстоименіе, но прѣше лице настоящаго времени единственнаго числа глагола *лаю* ш. е. имѣю.

На страницѣ 15 пишетъ онъ глаголъ *спивать* въ давнопрошедшемъ времени: *спивувавъ* а на стр. 19 въ томъ же времени глаголъ *ворощитъ*: *ворушовавъ*, но я ссылаюсь на единоземцевъ моихъ, что давнопрошедшаго времени глаголы сѣ не имѣютъ, хотя и могутъ принять форму онаго.

На страницѣ 21 сказано, что Малороссіане не имѣютъ ни прошедшаго, ни настоящаго времени причасій, а замѣняютъ оныя упомянутыми временами глаголовъ, прибавляя къ онымъ мѣстоименія *той*, *то*, ш. е. *тотъ*, *который*. Но Сочинитель конечно забылъ что Малороссіане имѣютъ слова: *писаний*, *украденый*, *стоягий*, *лежагий*.

Нѣкошорыя слова пишутъ неправильно, напримѣръ:

ветера

пайлатка

нудитъ

хвостыкъ

Бисъ-дерево

вмѣсто

ветеря

панилатка

нудать

хвастыкъ

Божѣ дерево или *Боже дерево*

Другія переводились ошибочно, напримѣръ:

<i>вадко</i>	пошно	} о ш с м ъ в	вредно чешерьш круга со- вершаемаго луною невкусный
<i>кватура</i>	продолжение непогоды		
<i>несластный</i>	сваренный безъ мяса, сала и масла.		
<i>шцудки</i>	галушки съ макомъ и медомъ.		
<i>меделянб</i>	борзая собака		депешки (коржики) съ макомъ и ме- домъ меделянская собака или вообще большая, но только не борзая, ибо всѣ борзья на- зываются <i>хортали</i> .

Касаательно произношенія Сочинишель можешъ оправдывашься шѣмъ, что и самое Малороссійское нарѣчье имѣеть, такъ сказашъ, свои нарѣчья, но ему слѣдовало бы руководствовашься лучшимъ, ш. е. шѣмъ, кошорыхъ говорашъ жишеля Подшавской Губернии.

Къ недоспащкамъ разсматриваемой книги можно также опнешь и шо а) что Сочинишель говоришь иногда неопредѣлительно, наприм на спр. 2 сказано: *и* по большей части произносится какъ *ы*; здѣсь можно бы упомянушь по крайней мѣрѣ главные случаи: сказашъ, что буква *и* выговариваеться какъ *ы* (или, лучше сказашъ, нѣсколько мягче) въ концѣ глаголовъ наприм *ходыти* и въ шворительныхъ падежахъ именъ наприм. *рукамы*, и б) часто безъ нужды зашрудняетъ Читашеля правописаниемъ своимъ, упошребляя наприм. вмѣсто *ѣ* произносимаго какъ *г*, буквы *ке*, равно и вмѣсто *ѣ* произносимаго какъ *и*, букву *ї*. Кажеться, гораздо лучше писашъ настоящимъ образомъ, пошавля надъ оными двѣ шочки.

Наконецъ можно бы было также замѣнись, что содержанье книги не совѣмъ удовлетворяеть названію, но въ наше время это не ново: благодаря модѣ и усердію книгопродавецвъ *) можно найши

*) И другихъ.

книги, въ кошорыхъ вовсе не говоришь о шомъ, что пошавлено въ загавномъ листѣ.

Впрочемъ справедливосшь шребуешъ сказашъ, что книга сія, какъ первая въ своемъ родѣ, заслуживаетъ всякое уваженіе. Общія замѣчанія, помѣщенныя въ концѣ книги, показывають, что Сочинишель омотрѣлъ на предметы, его окружавшіе, со вниманіемъ и съ надлежащей шочкой.

Князь Цертелевъ.

45. † *Дѣтскій театрб*. Въ двухъ частяхъ. Москва 1818, въ Унив. шип. въ 8; въ 1 ч. 206, во 2 ч. 226 стр.

(Въ семь собраній заключаються девять пьесъ:

Невидилка, зрѣлище (?) въ одномъ дѣйствіи; *Школа ума и сердца*, Драма въ одномъ дѣйствіи; *Геркулесовъ выборб*, зрѣлище въ одномъ дѣйствіи; *Добрыя дѣти*, Драма въ двухъ дѣйствіяхъ; *Благородное дитя*, Драма въ двухъ дѣйствіяхъ; *Друзья нынѣшняго вѣка*, Комедія въ одномъ дѣйствіи; *Солдатская школа*, Драма въ трехъ дѣйствіяхъ; *Квакеры*, Драма въ одномъ дѣйствіи; *Разлюлка*, Комедія въ одномъ дѣйствіи. Изъ всѣхъ сихъ пьесъ одна только Драма *Добрыя дѣти* можеть быть помѣщена въ собраніи называемомъ: *Дѣтской Театрб*, шо есть въ числѣ пьесъ, кошорыхъ чтеніе и игра могушь способствовашъ очищенію вкуса, изощренію ума и удобренію сердца молодыхъ людей. Прочія наполнены самыми неуросшимельными прошивъ сего погрѣшностями. Зрѣлище *Невидилка* есть аллегорическое изображение страшной, ожидающихъ молодого человѣка въ свѣтѣ; оно заключаеть въ себѣ предостереженія ошъ пакихъ вещей, о кошорыхъ молодому человѣку и говоришь не должно; шже самое можно сказашъ о другомъ зрѣлищѣ: *Геркулесовъ выборб*, гдѣ *Минерва* — *Венера* маняшь каждая на свою шпорону легкомысленнаго юношу. Длинные, упоминательные монологи, темныя аллегоріи и слоги надушой довершають изящество сихъ дѣтскихъ зрѣлищъ. *Школа ума и сердца* и *Друзья нынѣшняго вѣка* холодныя сухія пьесы, наполнены общими шстами, невѣрояшностями, противорѣчьями и ш. п. Въ Драмѣ

Квакеры все дѣйствіе основано на томъ, что одинъ Англійскій Офицеръ ворвался во время войны въ селеніе Квакеровъ, и между шѣмъ, какъ создашь его грабли *идіе* одной дѣвушкѣ, самъ онъ хотѣлъ лишити ее чести: Комедія *Размолвка* начинается слѣдующимъ *невиннымъ* монологомъ: „Тебѣ, шушка весьма справедливо разсуждаешь; я съ тебѣю согласна: причина размолвки нашей съ Клеаншомъ конечно маловажна; и я сама себя обвиняю въ моей скорости, но человекѣтъ безстрашный разсуждаешь очень покойно; разсудокъ управляетъ его размышленіями, и онъ никакъ не можетъ войти въ состояніе сердца, волнующаго безпрестанными (?) чувствіями любви, ревности, досады, страха и шѣмъ радостныхъ восхищеній, которыхъ одна минута награждаетъ цѣлый годъ мученія“ Драма *Солдатскія школа* передѣлана на Рускіе нравы изъ Французской пьесы *Дезертеръ* съ удивительнымъ искусствомъ: въ ней рядовой *Кагульскаго* мушкетерскаго полку женился на двоюродной своей сестрѣ. — Но вънецъ всего собранія есть Драма *Благородное дитя*, каррикатура на прекрасную Энгелеву пьесу: *der Edelknabe (Пажѣ)*. Самое названіе показывается уже, какъ Переводчикъ ея сидѣвъ въ Нѣмецкомъ языкѣ; имена дѣйствующихъ лицъ довершаютъ его славу. Вошь они:

Король.

Гжа фонъ Эдельдучѣ.

Фонъ Эдельдучѣ, сынъ ея, Пажѣ.

Цартенсердѣ, Полковникъ.

Цартенсердѣ, сынъ его.

Можно ли было искуснѣе слышь два языка! Но этого недовольно: Переводчикъ въ послѣдствіи восхищаетъ насъ познаніями своими и въ языкѣ Французскомъ: вся послѣдняя сцена перваго дѣйствія, между *Барономъ Дурвилелъ* и *Графомъ Пфферфегазенлобъ*, написана *по Французски*, кромѣ одного мѣста, гдѣ *Нѣмецкій* Грачъ говоритъ: „Il faut toujours traverser les projets de ces créatures-là; et comme dit fort bien mon grand père: держашъ въ черномъ шѣтъ“ — Вообще пьеса сія похожа на

Энгелеву шакъ, какъ кривляные гаера на игру великаго Актера, и если слово *Дѣтскій* означашъ *ребягескій, незрѣлый*, то собранію сему нельзя было дать приличнѣйшаго названія.)

IV.

С М Ъ С Ъ.

I.

Московской вродяга.

По моему обыкновенію, дурному или хорошему, какъ угодно, бродилъ я въ Москвѣ изъ мѣста въ мѣсто, чтобы собрать мнѣнія, о великой новости, обратившей къ себѣ въ послѣдніе мѣсяцы, важныя и легкія умы, въ обихѣ столицѣхъ и во всей Россіи; но когда я приводилъ въ порядокъ сдѣланныя мною замѣчанія, счастливыя случаи давали мнѣ способъ видѣть въ цѣломъ шѣ разсѣяныя черны, которыя служили предметомъ моихъ наблюденій и оставилъ только легкой шрудъ, сообщити разговоръ гостей, бывшихъ на дняхъ у одной Московской Дамы.

Сія Дамы, именемъ Евфразія, пригласила къ себѣ въ гости ученыхъ, свѣдѣскихъ, невѣждъ, педагоговъ, вѣтренниковъ, умниковъ, почтительней добродѣтели, зависшиковъ достоинства, друзей и враговъ палача, Богъ знаетъ сколько другихъ противоположныхъ умовъ, однимъ словомъ странную смѣсь людей. Я имѣлъ честь или безчестіе (ибо не знаю, въ какомъ отношеніи заслужилъ выборъ хозяйки) бышь шуда же приглашеннымъ. Надлежало видѣть общее удивленіе, когда въ пріемной сошашъ лицомъ къ лицу, люди стоящіе одинъ къ другому, какъ Антиподы, на двухъ концахъ умственнаго міра; когда лукавыи ушнинецъ свѣта,

обялся съ просподушнымъ мудрецемъ, чуждымъ науку привѣтствію; когда съ мужемъ славнымъ шаланомъ и добродѣтелью, съль рядомъ и заговорилъ дружелюбно явный врагъ ума, достоинства и славы; надлежало видѣть тяжелаго усилія, неволькія ужимки, принужденное обращеніе, притворную игру многихъ лицъ, взоромъ голосомъ, чтобы сославишь себѣ понятие о тѣхъ рѣзкихъ чертахъ, которыя въ семь чудесномъ смѣшеніи людей и страстей, представлялись взору спокойнаго наблюдателя. къ сему прибавлялось общее любопытство, возбужденное улыбкою хозяйки, которая на всѣхъ смонрѣла и молчала. Частный разговоръ между гостями, былъ опривилкой и помной; говорили какъ будто не хотя; казалось, что у всѣхъ лежала на сердцѣ непроницаемая шаина. Скоро Евразія прервала молчаніе сими словами: вижу, любезные гости, вы сего дня не говорили. Позвольте вамъ задать матерію для общаго разсужденія, и вѣрно да въ жаркаго спору Начинаю вопросомъ: вѣрше ли вы Государи мои, шавнственнымъ видѣнїямъ? — Вѣрщїе улыбуались; невѣрщїе нахмурились; всѣ догадывались, что рѣчь идетъ о Мисшикѣ; съ одной стороны ошвѣчали: да, съ другой: нѣтъ. Хозяйка дома шакъ продолжала: „бы ошбасчесь. Я хочу разскажь видѣнїе другаго рода. Выслушайте и судите. Эшими днями сидѣла я облокопясь на книгу; смонроу и себѣ же вѣрно: въ шемной ошдаленности идушь мимо глазъ моихъ вѣки, царства, народы одни за другими; вдругъ шуманъ рашчщащепся ошъ яркаго свѣшу и въ банзи вижу собшщенными глазами, какъ, по дѣйствію шаинаго вдохновенія, возстають изъ гроба наши предки, являються въ живыхъ, дѣйствуютъ въ лицахъ; слышу ихъ рѣчи; вижу ихъ подвиги, обычаи, нравы, пороки, добродѣтели—однимъ словомъ всѣ происшествія и всѣхъ вишзшей древней земли Руской ошъ Рюрика до Іоанна Грознаго, съ кошорымъ великое зрѣвище прерывается, или говоря просто, (ибо вы извяснили себѣ мое видѣнїе) умолакаеть краснорѣчивый Историкъ Россіи!...“

Еще до конца сей рѣчи глухой ропощъ предвѣщаа бурю; шолько вѣжливощъ удерживааа шшину; при имени Историка, все возмушилось. . .

но довольно сказашь что хозяйка дома достигла своей цѣли. Оживились умы; заговорили страши, пробужденныя вопросомъ о достоинствѣ новаго шворенія Историческаго, началась грозный судъ. Вѣрнощъ шребуешъ замѣчанія, что не всѣ участвовааи въ рѣшїяхъ. Нѣкоторые болѣе вѣжливые, нежели ученые, зѣвааи подъ бѣлымъ плашкомъ, прикрывая имъ невольное помленіе скуки; какая шо безграмашная гостья и одинъ именишый вѣшшовщикъ вздремааи надъ Россійской Исторіею, передъ ними лежавшей: иные, даже съ именемъ ученыхъ, молчали или ошъ гордости или ошъ досади или ошъ другихъ причинъ, мнѣ неизвѣстныхъ. Ошшашокъ умовъ гражало съ великимъ упорствомъ. Всѣ говорили въ одно время. Но что же? Не разбирааи цѣлой книги а шеребили ее по частямъ. Одинъ жаловааа на печашъ, на строки неровныя, на длинный реешрь опечашокъ; другой досадовалъ на множество вышсокъ и замѣчаній, кошорыми Авшпор ошягошамъ его вниманіе, шощъ не взыоубилъ посвященія, а эшощъ подробнощей въ Исторіи; кто досадовалъ даже на то, что Историкъ не говорішъ о всѣхъ случаяхъ рѣшшительно или ушвердительно!! Наконецъ Архоншовъ, одинъ изъ самыхъ жаркихъ прошивниковъ, *требовашъ слова*. Въ знакъ согласія все умокло. Онъ всталъ и съ видомъ самонадежнаго Орашора, промзнесъ къ намъ рѣчь, въ кошорой силіася доказать „что славный Писатель „Руской не умѣешь писать на Рускомъ языкѣ“, „что шамовольное перо его смѣшало старый языкъ „съ новымъ, книжной съ разговорнымъ, высокою „съ простымъ, что наконецъ книга, безъ искусства, „порядка и ясности написанная, недостойна имени „Исторіи.“ Мы удивились великому его ошкрытїю, но спѣшиаи выслушашъ другаго Орашора. Невельской, всплеснувъ руками ошъ эншузазма и ревности, представилъ намъ новую книгу „какъ „превосходѣвшее швореніе ума человѣческаго, един-

„спавенное дѣ мѣръ; Автора, какъ соперника и по-
„бдѣшеля Тацитовъ, Юмовъ, Вольперовъ, которыиъ
„присыдиди въсь дреннихъ, новыхъ и даже пред-
„будущихъ Историковъ.“ Мы засмѣались.

Вось чудныя крайности въ мнѣніяхъ! восклик-
нуль мужъ Евразіи. Онъ приводящъ на памать
древній Римъ, гдѣ еь одно время дасказъ Капитолій
и грозила скала Тарпейская сынамъ побѣды и
славы.

А мнѣ пріятно думать, сказала Евразія, что
шакое судѣ не рѣшишь достоинства Авторовъ; но
одно слышала ошзывъ лубкииъ? Чшо говоришь оше
мнѣніе?

Общее!... возразилъ съ улыбкою братъ ея, слы-
дуцій Ювеналомъ. Гдѣ искашь сего общаго мнѣніа?
Изъ кого состоишь наша публика? Изъ великой
толпы дѣшнцевъ, равно бѣгущихъ ошь умной рѣчи
и ошь умной книги, для нихъ ошягошнщельной; изъ
сельскихъ дворянъ заслоняющихся книгою ошь ску-
ди и свѣтскихъ баръ, по слуху анакомыхъ съ Рос-
сійскою Словесностію; наконецъ изъ шакоего огра-
ниченнаго числа судей, просвѣщенныхъ безъ обмана,
и ученыхъ безъ педантизма, что исключенія ка-
жущся неважными. И шакъ, спрашиваю еще разъ,
естьли у насъ читающая публика, въ шочномъ и
обширнѣйшемъ смыслѣ? Держишь ли она въсь
мнѣніа? Могущъ ли они установишь въ рѣчахъ
ея швердо и правильно? Прибавлю другое замѣча-
ніе. Умъ великаго Писателя идушь впередъ на пу-
ди вѣка и просвѣщенія; но разумъ народа не все-
гда слѣдуешь за нимъ равнымъ шагомъ. Разстояние
между Авторомъ и его Читателями, гораздо чув-
ствительнѣе у насъ, гдѣ немногіе Литераторы
сшояшь на ряду съ лучшими въ Европѣ, а народъ
вообще ошщель ошь другихъ народовъ во многихъ
ошшошельныхъ учености, искусства, вкуса.

А я, подхватилъ Аркадій, вмѣсто разсужденій
положу на вѣсы нѣсколько анекдотовъ. Въ лучшихъ
домахъ, у первыхъ людей въ городѣ видѣлъ я Рос-
сийскую Исторію, лежащую на столѣ; одинъ скром-
ный человекъ объявилъ мнѣ за чайну что нашъ
Историкъ защищаешь пользу Деспотизма. Я шре-

бовадь свидѣшельства. Чшо же вышло? Несчастный
принялъ *единовластіе* въ смыслѣ *самовластіа*, не
понявъ слова и не обдумавъ мысла Автора. Одна
Руская дама заклинала меня именемъ любви и
дружбы, дашь ей понятіе о слогахъ и шаланшѣ Ав-
тора, котораго имя гремишь въ Государствѣ; но
чрезъ нѣсколько дней, будучи гораздо догадливъ,
выискала легкой способъ читашь Россійскую Ис-
торію. Угадаешь ли сей способъ? Левекъ служишь
ей переводчикомъ и шолковашелемъ Карамзина;
одна только бѣда: чего не говоришь Французской
Авторъ, шого не существуетъ для нее и въ Рус-
комъ.

Клеаншъ вступилъ за просвѣщеніе и за пуб-
лику. Онъ возразилъ, что мы не шакіе варвары, ка-
кими угодно насъ выставляютъ нѣкоторымъ лю-
дямъ; что можно бышь строгимъ, но справедли-
вымъ; что мы читаемъ, судимъ, рѣшимъ здра-
вѣе нежели прежде; что быспрый ходъ книги
означаешь успѣхи просвѣщенія и общей любви къ
членію; что наконецъ истинный шаланшъ не-
примѣльнымъ образомъ побѣждаешь мнѣніе, сое-
диняешь голоса, возвращаешь свои права, нако-
нечъ торжествуетъ. Мы большою частію со-
гласились съ Клеаншомъ.

По нѣкоторомъ молчаніи, Евразія предложила
ученымъ, истиннымъ и справедливымъ Кришикамъ,
замѣтишь для нее красшы и пороки новаго шво-
ренія; но они ошложили свои замѣчанія до другаго
времени и хотѣли ихъ ошобщишь не въ разговорѣ,
а на письмѣ.

Между шѣмъ обѣдъ былъ готовъ. Шедши за
столъ, нѣкто говорилъ мнѣ въ пологоаса: знаешь
ли что? Если бѣ у насъ существовала оспрацизмъ,
шо я написалъ бы шощащъ на рѣковинѣ имя нова-
го Историка, какъ Аенійской поселянинъ имя Ари-
стида. — По одному ли съ нимъ побужденію?
спросилъ я съ любопытствомъ и удивленіемъ. —
По шому же самѣму. Мнѣ накучало слышашъ ошь
Исторіи и ея Авторъ; шолько рѣчей, шолько и раз-
говоровъ. Увѣряю васъ, что многіе мысляшь шакъ

кимъ образомъ какъ я. — А мнѣ кажется, повторить я, не спозако говорить, сколько вещь заслуживаетъ. Передъ вечеромъ, когда я прощался съ хозяйкою дома, она сказала мнѣ: вожь спашья для Московскаго бродяги! Напишите ее, какъ преданіе любопытное для нашихъ дѣтей.

— 8.

При семъ случаѣ пріятно намъ увѣдомить отечественную публику, что на сихъ дняхъ начнется печатаніе *второго, исправленнаго и дополненнаго изданія Исторіи Россійскаго Государства*. Издатели онаго, Книгопродвцы *Лининъ*, ненамѣрены щадить никакихъ издержекъ для напечатанія сего шворенія достойнымъ онаго образомъ. Оно украшено будетъ поршретомъ Автора, рисованнымъ *Г. Варникомиъ* и гравированнымъ *Г. Уткинымъ*. Цѣна за 8 шомовъ съ родословными шаблонами, картою и поршретомъ на бѣлой бумагѣ 65 р., а на веленовой 110 р. Особы, желающія имѣть экземпляры на веленовой бумагѣ благоволятъ подписываться до 1 Июля. Первый томъ съ картою и поршретомъ выйдеть чрезъ два мѣсяца послѣ 1 Июля, а послѣдующіе будутъ выходить каждый по прошествіи полутора мѣсяца. Имена подписавшихся будутъ припечатываемы въ концѣ шомовъ. Подписка принимается у Издателя Книгопродавцевъ братьевъ Слениныхъ, въ книжномъ магазинѣ ихъ у Казанскаго моста въ домѣ Кусовникова подлѣ Филармоническаго зала, и въ лавкѣ Гостиннаго двора подлѣ Но 53. — Иногородные благоволятъ адресоваться къ нимъ же, прилагая за пересылку по 5 р. на экземпляръ.

2.

ИЗВѢСТІЕ.

Пятая книжка Журнала *Благонаимѣреннаго* вышла и подписавшимся раздается. Содержаніе оной: *Литература, Науки, Художества и Политика* — I. *Стихотворенія*: 1. Монашьярь. *Элегія*. 2. Ми-

лонъ. *Идиллія*. 5. Къ пріятелю въ столицу изъ деревни. *Посланіе*. 4. Слабость. 5. *Басни*: Сорока Путешественница, Марышка оборотень. 6. Прошодушная. *Сказка*. 7. *Эпиграфы*. II. Крашкое описаніе знаменитыхъ дѣлъ Государыни Императрицы Екатерины Вшорой (*Оконтаніе*.) III. Флоріанова Собака (*истинное происшествіе*). IV. Жизнь Вѣдяка (изъ соч. *Пиго ле Брюя*). V. Письмо Русскаго Офицера изъ Парижа. VI. Избранныя мысли. VII. Судъ Графини Жавлись о Энциклопедіи. — *Смѣсь*. 1 и 2. Ответы на вопросы, предложенные въ 1 и 5 книжкѣ *Благонаимѣреннаго*. 3. Новые вопросы. 4. Анекдоты и разныя извѣстія. 5. Новосты. 6. Извѣстія о новыхъ Рускихъ книгахъ. 7. Благошворенія. 8. Извѣстіе о бѣдномъ семействѣ, — Подписка на сей Журналъ принимается у Издателя Колежскаго Совѣтника *Александра Ефимовича Измайлова*, живущаго у Роддесльва въ 5й улицѣ, въ домѣ Сенатскаго Секретаря *Щукина* подлѣ Но 124, также въ Газетной С. П. бургскаго Почтамта Экспедици и у всѣхъ здѣшнихъ Книгопродавцевъ. Цѣна за весь годъ или 12 книжекъ здѣсь въ С. П. бургѣ на любской бумагѣ 30 р. а на простой 25 р. Подписка принимается и особо на первую и на послѣднюю нынѣшняго года половину: на любской бумагѣ по 15 р.; на простой же по 12 р. 50 к. За пересылку прилагается на полгода 2 р. 50 к. а на годъ 5 р. Желающіе получаютъ послѣднюю половину сего Журнала, ш. е. съ Іюля мѣсяца, благоволятъ подписываться заблаговременно. — У Издателя же *Благонаимѣреннаго* можно получать прежнія и новыя его *Басни* и *Сказки* (изд. 1816 и 1817). Цѣна за обѣ книги съ винетами 10 р. а безъ винета 7 р. За пересылку сихъ послѣднихъ книгъ иногороднымъ прилагать денегъ не нужно.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

Въ 22 книжкѣ вашего Журнала помѣстили вы описаніе одной изъ гравированныхъ при Гвардейскомъ Штабѣ каршинъ. Прошу васъ присвокупить къ тому, что картины сіи въ скоромъ времени и съ особеннымъ тщаніемъ оппечатаемы будуть *литографически*. Одну изъ сихъ можно получить нынѣ же при подпискѣ. Деньги, которыя выручены будуть продажею сихъ каршинъ, предназначены въ пользу общепользнаго заведенія — Вибалошеки, учрежденной при Гвардейскомъ Штабѣ. *)

Федоръ Глинка.

V.

БЛАГОТВОРЕНІЯ.

ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ. **)

Въ небольшемъ мѣстечкѣ, лежащемъ на рѣкѣ Иорданѣ, протекающей въ Палестинѣ, жилъ ку-

*) Подписка на сіи картины, которыя могутъ достойнымъ образомъ украситъ кабинетъ всякаго воина, участвовавшаго дѣлами въ великихъ подвигахъ отечественной и заграничной войны, и всякаго гражданина, участвовавшаго въ нихъ душою, принимается въ Главномъ Гвардейскомъ Штабѣ у Казначея онаго Г. Грибовскаго. Цѣна каждой картины 20 р. а всѣхъ осьми 150 р.

**) Издатель получилъ сію сташью при слѣдующей запискѣ: „Прошу помѣстить въ вашемъ Журналѣ прилагаемое при семъ описаніе истиннаго происшествія, достойнаго вниманія людей соспрададельныхъ. Оно написано просто, но повѣсть несчастія сама по себѣ краснорѣчива для сердца чувствительнаго. Имѣю честь и пр. В. Олинб.“

пецъ, родомъ Грузинецъ, по имени *Ходжи Константино Джуджи*, торговавшій кофеемъ, чѣмъ и разными пряными кореньями. Онъ не былъ богатъ, но шакже не зналъ и нужды. Жена, шрое сыновей, изъ коихъ старшій, имѣвшій ошъ роду двадцать дѣтъ, былъ женихъ, и осмалѣвшая дочь соспавляла все его семейство. Въ спокойствіи сердца онъ благодарилъ Бога за судьбу свою; но счастье человѣческое непостоянно. Въ 1816 году, передъ самымъ Свѣтлымъ Праздникомъ, онъ отправился въ Иерусалимъ на поклоненіе гробу Господню, оставя дома жену и дѣтей своихъ. Туча несчастія уже собиралась надъ его головою; но невѣдѣніе онаго и совершенное молчаніе предчувствій оставляли его спокойнымъ. Проведя нѣсколько дней Страшной недѣли въ Иерусалимѣ, въ теплыхъ и усердныхъ молшвахъ при гробѣ Господнемъ, онъ отправился въ обратный путь и поспѣшалъ къ своему семейству съ радостнымъ сердцемъ. Не доходя нѣсколько верствъ до того мѣстечка, гдѣ оставались жена его, невѣстка и дѣти, онъ увидѣлъ носящіяся надъ онымъ густыя и багровыя облака дыма. Здѣсь, въ первый еще разъ, мрачное предчувствіе привело въ содроганіе его сердце. Когда же прибылъ онъ въ самое мѣстечко; дома; полуспребленные пламенемъ, кучи пепла, груды шруповъ, дымящаяся кровь по улицамъ, ужасное зрѣлище смерти и опустошенія, поразили измѣненные его взоры; стоны и вопли пронзили слухъ его. Многочисленная орда Аравійскихъ разбойниковъ напала, въ его отсутствіе, на сіе мѣстечко. Зодѣи зажгли дома, изрубили сопрошивавшихся имъ жителей, а шѣхъ, кои не успѣли или не могли спастись бѣгствомъ, мушкетъ и женщинъ, дѣтей и старцевъ, взяли въ плѣнъ и увезли съ собою для продажи въ Константинополь, ошатченные заграбленными вещами. Представимъ себѣ шеперь ужасное положеніе сего несчастнаго ошца семейства! Въ числѣ плѣнныхъ находились жена его, два младшихъ сына и дочь по осьмому году. Старшему сыну его разбойники отрубили голову, а невѣстка пропала безъ вѣсти. Съ раздавленнымъ, шакъ ска-

зашь, сердцемъ, положась во всемъ на святую волю Провидѣнія, спрдадецъ нашъ осправился въ Констаншинополь, дабы развѣдать шамъ объ участи жены и дѣшей своихъ. Арабы продали ихъ одному Турецкому купцу, жившему въ Мадегербѣ, небольшою Аравійскомъ городѣ отстоящемъ на 140 верстъ отъ рѣки Иордана Тяжкая неволя была ихъ удѣломъ. Не медля ни минушы, онъ сцѣпшишь въ Мадегербу, являешся къ купцу, у коего помѣдось въ рабствѣ семейство его и, обливаясь слезами, повергаешся ему въ ноги. Жестокосердый Магомешанинъ не внемлетъ его моленіямъ, не прогашся его рыданіями, ни бѣдственнымъ положеніемъ и, непреклонный въ упорствѣ, отказываешъ ему въ возвращеніи жены и дѣшей. Конечно челоувкъ сей не имѣлъ сердца челоувческаго; изъ богатство и судьба благоприятная сдѣлали его нечувствительнымъ къ несчастіямъ ближняго. Но Провидѣніе никогда не оставяешъ невинно спраждущихъ. Жена жестокосердаго сего Музульмана, спрнушая участію спрдальца Христіанина, убѣждаешъ наконецъ своего мужа, принявъ выкупъ, возвращишь ему жену и дѣщей его. Кто опишетъ радость, исполнившую его сердце? Столько шо спрдаливо, что въ несчастіяхъ великихъ самое миаѣйшее облегченіе почишаемъ мы счастіемъ; и шѣ обстоятельство, которыя въ другое время сдѣлали бы насъ людьми злопачуными, принимаемъ шогда за особенную милость Божию! — Но радость его не была продолжительна. Гдѣ взять *четыре тысячи пять сотъ* рублей, (цѣна положенная за выкупъ) идѣ взять сію сумму, лишась всего имущества? Додго размышляя онъ о средствахъ, и наконецъ рѣшился итти въ Россію, собрать деньги отъ добродушныхъ ея жишелей на выкупъ семьи своей. Честь и слава народу Рускому! Иноземцы прибѣгають къ нему въ несчастіяхъ, какъ къ вѣрному благодѣтелю. „Рускіе мнѣ помогутъ!“ думалъ онъ — и, просясь съ женою и дѣтьми, осправился обратно въ Констаншинополь. Тамъ получилъ онъ отъ нашего Посланника *Барона Странова* дашпоршь, для свободнаго проѣзда въ Рос-

сію. Помоаясь усердно Господу Богу, пушсиася онъ пѣшкомъ въ пушь, подкрѣпляемый вѣрою и надеждою. Въ продолженіе своего пушешествія, по областямъ Имперіи Россійской, успѣлъ уже онъ собрать *тысячу* рублей, отъ людей соспрадательныхъ. Деньги сіи препроводилъ онъ въ Мадегербу, какъ бы въ задапокъ назначенной суммы за выкупъ. Но не досташешъ еще *трехъ тысячъ пяти сотъ* рублей; а жена его и бѣдныя дѣти шоматся между шѣмъ въ тяжкой неволѣ! Я къ вамъ обращаюсь, почтенные мси соотечественники! Помогите сему несчастному!) Удѣлите ему хотя малѣйшую часть отъ избышка вашего; и Святое Провидѣніе вознаградишь васъ за сіе спорицею! Отъ васъ ожидаешъ онъ себѣ помощи: не обратите въ дымъ надежды его. Онъ истинно сожаѣніа достоинъ. Моливы его за васъ дойдуть до Престола Всевышняго и будутъ услышаны Тѣмъ, Который говоритъ: *Блажени милостиви, яко ти поливоавци будуть.*

ОШИБКА въ 22 книжкѣ.

спр.	спр.	напет.	титай.
110	1 снизу	3 руб.	5 руб.

(8 Іюня.)

*) Теперь онъ находится здѣсь въ С. Петербургѣ. Тѣ особы, коимъ угодно будетъ оказать ему свое благодѣніе, могутъ ошыскать его на Стѣной въ домѣ Госпожи Генераль-Маюрши Сухаревой. Иногородные же благоволятъ адресоватъ пакеты въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, на имя служащаго въ ономъ Г. Надворнаго Совѣтника Дмитрія Ивановича Языкова.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА. 1818. № XXIV.

I.

ПРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ.

Познаніе чловѣка.

(Изъ 2й части сочиненія *Вейса*.)

Въ семь неизмѣримомъ пространствѣ вселенныя, что знаемъ мы, слабые смертные? — Нѣкошорую часть насъ самихъ, существа, насъ окружающія и отношенія, насъ связующія: — умствования наши, основывающіяся на семь средоточіи, имѣють нѣкошорое вѣроупіе: обо всемъ прочемъ можемъ мы только дѣлать предположенія, часто болѣе къ нашему заблужденію, нежели къ просвѣщенію служащія; ибо тысячи путей ведутъ къ обману и одинъ только къ испинію.

Наука, пушеводящая къ познанію чловѣка, еспѣ училище униженія, Познавъ чловѣка, шрудно его почишашъ; но дабы изоб-

разить его въ прямомъ видѣ, ненадобно судить о немъ по числу мудрыхъ и Героевъ. — Сократъ, Траянъ, Ликургъ суть обыкновенные люди, коихъ природа иногда въ печеніе многихъ вѣковъ не производитъ. — Также недолжно судить о немъ по одному Государству или одной эпохѣ; но объявъ спольшія и народы, все число осьми до девяти сотъ миліоновъ людей, родъ человеческій составляющихъ, разсмотрѣвъ попомъ отличительныя способности и характеры большей части: тогда можно узнать свойственнѣйшіе ему признаки.

Какъ разумъ и правосудіе особливо отличаютъ челоѵка отъ животнога, по надлежитъ цѣнить его по его мнѣніямъ, порокамъ и добродѣтелямъ; и сомнѣтельнымъ покажешся, не должны ли причины, заставляющія его щеславиться, болѣе смиришь его гордосшь... — Великій Боже! какое невѣжество и жестокосердіе намъ открываешся! Какія варварскія учрежденія, безумныя правила, несправедливыя законы!... Разумъ ужасается, правосудіе содрогается:

почти спыдниться надобно *быть челоѵкомъ*; но прошедшее содѣлываетъ насъ снисходительнѣе къ настоящему: преснупенія и заблужденія нашихъ предковъ заставляють насъ охотнѣе прощать нашимъ современникамъ.

Ежели естъ зло на свѣтѣ, то также и добро сущесвуешъ; ненадобно слишкомъ держаться одной стороны для ослабленія другой. Челоѵка изображаютъ въ различныхъ видахъ, описывая его по чудовищемъ, по ангеломъ; и вѣроятно, какъ въ семь, такъ и въ другихъ случаяхъ, истина находится между обими крайностями.

Изображеніе челоѵка.

„Болѣе слабъ нежели золь; болѣе золь
„нежели добръ; менѣе просвѣщенъ нежели
„добръ; менѣе глупъ нежели щеславенъ:
„всегда разсуждаешъ, рѣдко разсудителенъ;
„судить по мнѣніямъ другихъ, но почи-
„шаешъ только свои превосходными; заблу-
„ждаешся по произволу предразсудковъ; по-
„лагаеш найти истину, перемѣняешъ только

„свои заблужденія: безпрерывно съ собою въ
 „неолаіи; исполненъ страха и желанія,
 „уириомъ Герой, вечеромъ ирусь, се одна
 „шаконъ, завпра инаковъ и по прошествіи
 „нѣск лѣкихъ лѣтъ совсѣмъ на себя не по-
 „ходитъ: посшоянно спремипса къ досши-
 „женію благополучія, и непрестанно пере-
 „мѣняешь свои намѣренія: не столько ищип-
 „ся бытъ благополучнымъ, сколько казанъ-
 „ся шаконимъ, и болѣе полагаешся на пре-
 „дубъжденія другихъ, нежели на собствен-
 „ныя свои чувствования: — снѣдаемъ шай-
 „нымъ безпокойствіемъ, гордостію скрыва-
 „емымъ, но поступками обнаруживаемымъ,
 „сѣшуешь на скорошечность жизни, но не-
 „престанно изыскиваешь средства къ со-
 „кращенію ея и къ забвенію пятгосши оной;
 „робокъ по природѣ, но спремипса на смерть
 „по шщеславію, мщенію или сребролюбію;
 „хвалишся своимъ великодушіемъ, но, сви-
 „рѣиье люшыхъ звѣрей, умерщвляешь себѣ
 „подобныхъ, безъ всякой неависпи или
 „личной злобы и полагаешь главнѣйшую
 „славу въ искусствѣ ихъ испребленія; оп-
 „носишь все къ себѣ, мало занимаешся дру-

„гими, но непремѣнно хочешь ихъ занять
 „собою; въ юношесствѣ насмѣхаешся надъ
 „дѣтскими лѣтами; въ зрѣломъ возрастѣ
 „надъ юностию, а въ старости надъ совер-
 „шеннымъ возрастомъ; всегда занятъ бездѣ-
 „лицами и не заботишся о существеннѣй-
 „шихъ предметахъ; рѣдко бываешь доволенъ
 „нашоящимъ, перяешся въ неизмѣримости
 „будущаго, и не можешь пожертвовать нѣ-
 „сколькими минушамъ надеждѣ о вѣчности;
 „наконецъ движимъ главнѣйшею побудитель-
 „ною причиною, шо естъ *дигною пользою*,
 „кошорая хотя и происходиптъ ошъ общаго
 „средшочія, но направляетъ съ большею
 „или меньшею силою ко всѣмъ шочкамъ
 „круга, судя по различію *тѣлесныхъ* и *ду-*
 „*шевныхъ* нуждъ, до безконечности измѣня-
 „ющихся по ихъ еспешству, опношеніямъ и
 „обстоятельствамъ, и коихъ благородныя
 „или низкія дѣйствія зависяшь ошъ спе-
 „пени благодушія, познаній и мужества.“

Таково естъ изображеніе сердца чело-
 вѣческаго; но какъ ясно описать шо, что
 само по себѣ темно? — Кажется, что его
 раздѣляютъ два между собою противополож-

ныя существа, которыя, взаимно прошиву-
борствуя, по побѣждаютъ, по покоряются.

Сии главнѣйшія черты весьма различе-
ствуютъ въ частномъ чловѣкѣ, и какъ съ
каждымъ надлежитъ поступать сообразно
характеру его, по особенно пощись
проникнушь свойства тѣхъ, которыхъ
нужно тебѣ узнать. Скрывай вниманіе твое,
дабы тѣмъ болѣе преуспѣшь. Старайся узна-
вать поступки ихъ, разговоры, будь увѣ-
ренъ, что и въ самыхъ бездѣлицахъ *притина*
кроется подъ дѣйствіемъ; что малѣйшее тѣ-
лодвиженіе и ничего незначащее слово всег-
да происходятъ отъ какого либо побужде-
нія, маловажнаго самимъ собою, но не менѣе
способствующаго къ просвѣщенію твоему
о существеннѣйшихъ предметахъ.

Извлекай болѣе всего предположенія свои
изъ сихъ малозначущихъ обстоятельствъ;
важныя можно скрывать подъ завѣсою при-
творства. — Если ты имѣешь проница-
тельный умъ, то единый взглядъ, звукъ го-
лоса или и самое молчаніе могутъ иногда
лучше наставить тебѣ, нежели пригошав-
ленныя рѣчи и поступки.

Въ пространнѣйшемъ смыслѣ не надоб-
но пренебрегать наблюденіями о вещахъ,
вниманія незаслуживающихъ. По лицу или
по выговору народа можно дѣлать предпо-
ложенія о его владычествующемъ характерѣ,
равно какъ по степени усовершенствованія
языка можно почти судить о его просвѣ-
щеніи. Величественныя и ясныя мысли очи-
щаютъ и возвышаютъ слогъ, но надлежитъ
различать принужденность и надушность
(fauteur) отъ правильности и силы. — Нѣтъ
языка, который не имѣлъ бы свойственной
ему плавности и пріятности: она есть нѣ-
который родъ музыки, изображающей спра-
сти; знающій различныя нарѣчія пустьъ
сравнишь гармонию свою съ характерами,
оплечающими народы; онъ найдетъ весьма
примѣныя между ими отношенія.

Въ отношеніи къ частному чловѣку,
лицу случая проникнушь въ глубину сердца
его; представляй ему всякія дѣянія и идеи;
примѣчай, какимъ образомъ будешь судить
о нихъ и какое они произведутъ впечатлѣ-
ніе. Превозноси благополучіе или дарованія
другаго, и очи внемлющаго тебѣ покажутъ

зависливи ли онъ. Начни говорить о пишлахъ и могущесствѣ, и его скупосшь, высокомеріе или честолюбіе невольнымъ образомъ обнаружатся. Обращи свое вниманіе на тѣхъ, коихъ онъ выхваляетъ или порицаетъ: правила его будутъ сходствовать съ первыми, и прошедшіе оныхъ поступки могутъ впредь содѣлаться для него предзнаменованіемъ. — Приводи въ примѣръ дѣнія благошворительности, безкорыстія, и ты узнаешь, великодушный ли онъ человекъ. По мыслямъ, привлекающимъ человека, и по дѣніямъ, приводящимъ его въ удивленіе, можно съ великою точностію судить о собственныхъ его поступкахъ.

Прибѣгай иногда къ непредвидимымъ дѣніямъ, наружный видъ несправедливости имѣющимъ: исчисли предварительно какое дѣйствіе должны они произвести и сравни съ тѣмъ, кои они на самомъ дѣлѣ произведутъ. Но не заключай по двумъ или тремъ испытаніямъ: всякой человекъ различествуетъ въ образѣ сужденія, еще же болѣе въ чувствованіяхъ своихъ, и не столько руководимъ разсудкомъ, сколько своенрави-

емъ. Извлекай заключенія изъ многихъ дѣній и разговоровъ. Если ты въ помѣ утѣешь, то и хитрѣйшій не избежишь съней твоихъ: невозможно, чтобы онъ себя часто не обнаруживалъ; преграждая его намѣренія, восходя до побудительной причины его мыслей и поступковъ, проникнешь въ сокровенные изгибы его сердца.

„Когда хочешь узнать человека, говорить *Поле*, то старайся проникнуть господствующую его спроси: по внушенію „оной вершопраха становился спешеннымъ, „лаушь или лець содѣлывается откровеннымъ, глупый согласуется самъ съ собою. „Словомъ, всякаго удобно можно узнать: „найдя единожды конецъ мошка, оспальное „легко распушать можно.“ — Но сіе правило, изящное въ разсужденіи шакого человека, коего все спроси подчинены одной господствующей, недоспапочно въ отношеніи къ большей части людей, никакого характера не имѣющихъ, и коихъ владычествующая спроси преграждается столь многими другими, почти равную силу имѣю-

щими, что трудно оную проникнуть въ семь мрачномъ хаосѣ.

Дабы съ точностію оцѣнить *достоинства* другихъ, надлежитъ мысленно сдѣлать отвлеченіе всего, къ душевнымъ способностямъ не принадлежащаго; то есть: пылестной стройности, чиновъ, власти, и самого себя спросишь: что были бы они при одной подпорѣ *личнаго достоинства*? — Пагубный предразсудокъ заставляешь насъ полагать превосходство разума неразлучнымъ съ пышными титулами.

(Окончаніе впрѣдъ.)

П. К Р И Т И К А.

Разсмотрѣніе рѣчи Г. Президента Академіи Наукъ и Попечителя Санктпетербургскаго Учебнаго округа, произнесенной имъ въ публичномъ торжественномъ собраніи Главнаго Педагогическаго Института 22 Марта 1818 года.

(Окончаніе.)

Вѣрны будучи вышеозначенному нами правилу, мы не ослѣпляемся ни легкостію хода мыслей Автора, ни искуснымъ выборомъ словъ, ни оспрошою выраженій и разительностью противуположностей, ни гармоническою беспрошою слога, но починаемъ долгомъ замѣтить Читайтелямъ нѣкоторыя положенія, найденныя нами неудобовразумительными. „*Не всѣ люди въ сложности составляютъ челоуѣчество.*“ Мы разумѣемъ сіе выраженіе въ шомъ смыслѣ, что не всѣ люди живутъ по челоуѣчески — сходно съ ихъ благородною природою и высокимъ ея назначеніемъ; всѣ однакожь суть существа намъ подобныя; злодѣй, ошсшуп-

никъ разума, живешь не по человѣчески, не мы видимъ въ немъ шолько паденіе нашей природы: онъ принадлежишь къ человѣчеству. Если Авторъ разумешь подь словомъ челоуѣчество шолько шѣхъ людей, которые, дѣйствуя на міръ нравшвенной, оставаяюшь слѣды своего существованія въ памяти соошечественниковъ, въ преданіяхъ пошомшвенныхъ, въ повѣштованіяхъ Историческихъ, шо все выраженія сего неможно согласишь съ заключеніемъ его рѣчи, гдѣ именно слово *челоуѣчество* принимаешся въ изьясненномъ нами смыслѣ. Мы догадываемся однакожь, что темноша сія происходишь онъ спаранія въ корошкихъ словахъ выразишь сколько можно больше мыслей. Въ общемъ разсужденіи о языкѣ мы встрѣпили еще одно выраженіе, оспанавадцвающее вниманіе. „*Въ нынѣшнемъ состояніи общихъ познаній слова суть не что иное, какъ знаки мыслей.*“ Слова всегда шакимъ образомъ были опредѣляемы и цѣль ихъ непремѣнна во всякомъ сосшояніи общихъ познаній; въ прошивномъ случаѣ онъ не принадлежать въ обшасль языка, но къ пуснымъ звукамъ оп-

носятея. Сіи спроки доказываюшь шолько шо, что геній Авшора, спрасшно любяцаго предметъ, имѣ описываемый, увлечень былъ порывами воображенія, успраямиющими вниманіе опъ подробностей.

Вшорую часиль своей рѣчи Авторъ пошвяцаешъ Исторію. Сей предметъ, заслуживающій по своей важности первое мѣсто въ народномъ воспишаніи, долго размашривали съ ложной шочки зрѣнія, по крайней мѣрѣ въ нашемъ ошечествѣ. Авшоръ чувшвовалъ сію ошибку, и спарался искоренишь шолько вредный успѣхамъ общаго образования закоснѣвшій предразсудокъ *). Въ семъ новомъ произведеніи видимъ новый опытъ его усердія къ расшространенію истинныхъ Историческихъ свѣдѣній въ нашемъ ошечествѣ. Его крашкоое обозрѣніе важнѣйшихъ проишесшвій древняго и новаго міра исполнено огня Философіи и шой же быспра-

* В 1813 году Г. Президентъ издалъ о преподаваніи Исторіи крашкоое сочиненіе, которое, какъ мы подожительно знаемъ, возмѣло ошущишельное вліяніе на усовершенштованіе сей важной ошрасли ученія. По крайней мѣрѣ шамъ произвело оно добрыя послѣдствія, гдѣ имѣюшь добрую волю къ усовершенштованію.

ны, съ каковою протекать оны обширныя области Восточной Словесности. Въ изображеніи ошдвальныхъ предметовъ оны пребыль вѣренъ своему характеру: немногими словами описывалъ каждый. Читайшель едва повѣришь, что въ семь крашкомъ сочиненіи представлень въ яркихъ чертахъ всѣ важнѣйшія перемѣны челоувѣческаго рода отъ времени безвѣстныхъ до новаго образованія Европы и послѣднихъ событій, облекшихъ Россію неувыдаемою славою.

Важнѣйшіе пункты въ рѣчи Г. Президента; обращающіе вниманіе Читателя, сущь: сравненіе древнихъ образцовъ правленія съ новыми, паденіе Рима и пробужденіе Европы.

„Формы Правительствъ древнихъ народовъ, говоритъ Авторъ, прилисны только цмь. Города, разсѣянные на берегахъ моря, могли процвѣтать каждой особенно подъ республиканскимъ образомъ правленія; но республиканское правленіе занимаетъ въ Исторіи то самое мѣсто, которое занимають въ жизни прекрасныя мечты юности.“ Недавно начали постигать различіе между нравами и

обстоятельствами мѣста и времени древнихъ и новѣйшихъ народовъ. „Но сколько пролашшихъ мореплавателей прежде Колумба!“ Люди соединяють въ себя спранныя качества по ихъ прошиволожности: по предающся мечтаніямъ, не вѣря никакому опыту, даже ихъ собственному, по отвергають самыя швердыя и очевидныя начала, почитая оныя пустыми умозрѣніями. Древній, прекрасный міръ, подобно обольстившелю, привлекаль иногда слабые умы на свою сторону. Сладосшно воспоминашь о забавахъ юности, но оны невозвратны; займемся ими еще разъ, оны неуладивельны; повторимъ ихъ, оны скучны. „Человѣчество возмужало!“ говоритъ Авторъ. Порывы воспановишь древнюю свободу истинно гражданскую въ нашемъ новомъ, но состарѣвающимся мірѣ всегда были безуспѣшны, часпо пагубны: *все бываетъ хорошо въ свое время.* Греки малочисленные и дикіе составили города, учредили Демократическія республики; они были счастливы подъ симъ образомъ правленія. Свобода и съ нею равенство, пакъ сходное съ образомъ мыслей че-

ловька, незнавшего доподлѣ никакого личнаго подчиненія, — независимость оупъ внѣшнихъ властителей и война, какъ единственное средство поддержать самосостоятельность народа малочисленнаго, вошъ двѣ снпихи, которыми попеременно дышали Греки и Римляне. Публичныя ихъ площади только сими предметами всеобщаго вниманія были оглашаемы. Всѣ прочія потребности человека умолкали предъ сими господствующими, и, можно сказать, Государственными спрасями. Мыслишь о другомъ казалось тогда слабостью, исканшь другаго почиалось пресупленіемъ. Греки и Римляне проводили время въ народныхъ собраніяхъ; они вели жизнь публичную, не знали семейственной. Домъ для нихъ былъ мѣстомъ начлега и ошдохновенія. Ревнипель неуклонной свободы являлся своему семейству въ видѣ суроваго властелина. Супружеская любовь его не обуздывала; родительская пѣжность умолкала, когда оупъ не видѣлъ въ своемъ порожденіи будущаго гражданина. Ему одному все должно было повинованшья безпрекословно, служилъ ра-

болъпно. Тихія семейственныя удовольствія не привлекали его сердца; однѣ шумныя всенародныя забавы въ сосноянн были смягчають суровую душу. Какъ различны нравы и потребности нынѣшнихъ обитателей Европы! Рѣдко мы помышляемъ оупъ общественныхъ дѣлахъ; домашнія суемы и семейственныя заботы увлекають все наше вниманіе; довольство и покой наши главные спраси. Только время досута посвящаемъ иногда на разсужденіе о печенн дѣлѣ общественныхъ и по оупъ скуки, или по причинѣ непосредственнаго вліянія оныхъ дѣлѣ на частное наше благосостояніе. Въ такомъ положенн вещей даже Государственная служба сдѣлалась у Европейскихъ народовъ заняіемъ убыточнымъ для частнаго человека; ибо она ошвращаетъ его вниманіе и силы оупъ цѣлей выгодныхъ и общественно для него благопріятныхъ. Довольствуясь малымъ, древніе ошправляли всѣ почти общественныя должности безвозмездно; они пренебрегали избытокъ, любили бѣдность, какъ основаніе равенства. Новѣйшіе обитатели Европы любяють довольство, не-

ослабно стремятся къ богатству. — Когда степень общаго уваженія опредѣляется мѣрою достатка, то за оказанныя услуги обществу честь не можешь служить единственнымъ вознагражденіемъ. Нынѣ опличныя способности и дѣянія, если не поддерживаются богатствомъ, остаются не такъ извѣстными, часно упоаюшь въ морѣ ежедневныхъ сказаній. Самая знаиость рода, увѣковѣченная Исторіею, омрачается бѣдностью.

Неушомимое соревнованіе жителей новейшихъ Государствъ въ достиженіи благъ жизни, дѣлаешъ ихъ неспособными ко всеобщему участию въ дѣлахъ общественныхъ. Составивше поголовное собраніе гражданъ въ какой либо Европейской столицѣ, предложише имъ на разсужденіе важныя спашы гражданскаго управленія. Сіи суешливыи мужи совѣща забудушь ваши вопросы, займушся разсужденіемъ о своихъ домашнихъ нуждахъ, о прибыточныхъ занятіяхъ и ремеслахъ, о своихъ семейственныхъ удовольствіяхъ; имъ скучно будетъ краснорѣчіе народныхъ вѣщателей; они разойдушся, по-

желавъ имъ счастливаго окончанія. Удержите ихъ противу воли; они укоряють васъ насиліемъ; они правы, ибо спышашъ къ своимъ занятіямъ, для нихъ понятнымъ и выгоднымъ. У древнихъ право участвовашъ въ народныхъ собраніяхъ было самое дешное; строго наказывали гражданъ-самозванцевъ. Такъ различны наши времена отъ древнихъ! Такъ справедливо замѣшилъ Авторъ, *что древній міръ съ своею Поэзіею съ своими законами для насъ отцвѣлъ навсегда!*

При всемъ помъ новѣйшіе народы имѣють нужду въ свободномъ употребленіи силъ; они также чувствительны къ безпорядкамъ, неизбѣжнымъ въ огромныхъ политическихъ обществахъ. Кто желаетъ прибытка, тотъ желаетъ безопасности въ достиженіи онаго; кто стяжалъ богатство и изобиліе, тотъ желаетъ неопъемлемо и безбоязненно пользоваться оными благами; всѣ вмѣстѣ желаюшь непреклонной справедливости и законовъ сообразныхъ съ ихъ нуждами. Кто же лучше можешь изъяснишь Законодателью общественныя нужды, какъ не тѣ лица, которыхъ Государственныя

чиносостоянія почтили своимъ доврѣемъ? На кого самъ Верховный Влaститель можетъ подождать съ большею благонадежностію, какъ не на стѣхъ почтенныхъ старшинъ, которые заслужили любовь и доврѣенность народную? Кому лучше можетъ онъ ввѣрить чашныя вѣщи управления, какъ не симъ избранникамъ Божиимъ, ибо гласъ народа, ихъ ошличившій онъ прочихъ согражданъ, есть гласъ Божій. Сей срединъ между двумя образами правленія, одинъ другому противными, не знали древніе. „*Политическое образованіе ихъ колебалось между самовластіемъ и безначаліемъ.*“ Новѣйшіе народы, ревностные къ прибытку, покою и наслажденію, нашли среднюю точку между сими крайностями. Распространившееся образованіе и духъ времени неизбежно опредѣлили оную для каждаго, или надобно дать другое направленіе людямъ, обратишь ихъ умы на другіе предметы, оградишь ихъ отъ вліянія сосѣдственныхъ народовъ, сдѣлашь ихъ неприслупными для новыхъ мыслей и соображеній. Но „*духъ время, подобно гроз-*

ному сфинксу, пожираетъ неслостигающихъ смысла его пророчаній.“

Главною причиною паденія Рима полагають Авторъ давно ожиданное преобразованіе моральнаго міра, которое совершилось посредствомъ Христіанской Религіи. Но если бы Римъ не былъ развращенъ, то Религія не произвела бы сего переворота. Пороки и беззависѣнность, укореившіеся во всехъ частяхъ всемірной Имперіи, поздно или рано должны были навлечь небесное мщеніе. Правители народа упопали въ роскоши и сладострастіи, забывъ высокое ихъ призваніе. Народъ, угнетенный бѣдностію и неслыханными мучительствами, отъ сердца желалъ имъ погибели; ибо находилъ для себя сноснѣе повиноваться иноспраннымъ варварамъ, людямъ грубымъ, но неиспорченнымъ *). Ненавидя пороки своихъ угнѣснителей, Римляне съ воспоргомъ при-

*) Проконій Кесарійскій въ своемъ сочиненіи de bello Gothico lib. III. приводитъ слѣдующія слова Феодорика, завоевателя и Короля Италіи: Aliorum forte regum proelia captarum civitatum, aut praedas appetunt aut ruinam: nobis propositum est, Deo juvante, sic vincere, ut subiecti se doleant nostrum dominium tardius acquisivisse.

иди свѣтъ новаго онокровенія, показавшаго міру истинный путь къ добродѣтели, съ чудесною ревностію защищали Вѣру, обличившую злодѣйства ихъ тирановъ. А сіи рабы спрасней хотѣли прошивоборствовать Провидѣнію и показали только опытъ злобы и слабости человѣческой. Во времена лютошши гоненій за Вѣру и ненависти гражданъ къ собственному опечесству люди, достойнѣе управляли дѣлами общественными, удалялись отъ сей обязанности; никто изъ благомыслящихъ не желалъ бытъ звеномъ въ длинной цѣпи тиранства и развраща; одни изверги хотѣли еще нѣсколько времени, по выраженію Авшора, *лптъ слезы народа изъ золотыхъ сосудовъ*. Не должна ли была Религія разорвать цодъ послѣдныя узы, обременявшія человѣчество? Самое имя *Римлянинъ*, прежде спрашное и почтенное, учинилось позорнымъ въ устахъ варваровъ *).

*) Епископъ Люшинрандъ говоритъ: Quos (Romanos) nos Longobardi scilicet, Saxones, Franci, Lotharingi, Bajuarii, Suevi, Burgundiones tanto dedignamur, ut inimicos nostros commoti, nihil aliud contumeliarum nisi Romane dicamus: hoc solo id est Romanorum nomine, quidquid timiditatis, quidquid avaritiae, quidquid luxuriae, imo quidquid mendacii, quidquid vitiorum comprehendantes.

Въ сію-то эпоху произошли опшелъники, люди спроегіе нравами, восхопѣвшіе жить лучше въ безмолвномъ уединеніи, нежели въ шумномъ, но развращенномъ мірѣ. Съ сего времени начались возстанія прошиву мірскихъ соблазновъ, возстанія спасительныя во всякомъ сословіи, гражданского общества. При такомъ разспройствѣ Правительства, при безнравственности жителей, могъ ли усюяться Римъ, достоинъ ли онъ былъ покровительства Хрисіанской Религіи? Она опспулилась отъ сего нераскаяннаго пресшунника: въ собственной крови онъ долженъ былъ омытъ свои злодѣянія.

Римъ возрасшалъ въ язычествѣ, разрушился въ Хрисіанствѣ. После вышеприведенныхъ замѣчаній сіе явленіе не можешь уже казаться спрашнымъ. Оно еще болѣе объясняется дѣйствіемъ Хрисіанской Религіи на Россію. Здѣсь она произвела благодѣтельное преобразование нравовъ безъ шумнаго перевороша, безъ всякаго кровопролитія. Власти земныя удержали свое первенство; народъ сохранилъ къ нимъ прежнее повиновеніе, самъ безпрекословно при-

плать вѣру Князей своихъ. Сіе различіе конечно много зависило отъ начала укорененія Вѣры въ томъ и другомъ Государствѣ. Въ Римѣ она принята была вначалѣ простыми народами, которой во всякомъ состояніи обществу скорѣе покоряется волю свою строгимъ правиламъ правдивности. Но сіе-то и доказываетъ, что нравы Рускихъ, и въ самыхъ особахъ высокаго званія, не были испорчены, хотя познаниемъ и насаждалъ въ обычаяхъ народныхъ нѣкоторыя плевы суевѣрія. При томъ же Россія, заимствовавъ вѣру отъ Грековъ, отвергнула всѣ ихъ лжемудрія и всегда оныхъ чуждалась, а просвѣщители оной, примышлявая къ Св. Писанію свои умствования, попрачали оное, или, лучше сказать, самихъ себя осмѣляли. Отсюда произошли нелѣпыя положенія, безконечныя споры, соблазнавшіе самыхъ послѣдователей Христіанскаго ученія. Исповѣдники одной Вѣры, члены одной Церкви гнали другъ друга какъ смертельныя злодѣи. Достоинно ли было царство изувреть покровительству небес-

наго? Оно пало, а Россія подъ эгидою Христіанской Вѣры возрасла и прославилась.

Причины пробужденія Европы Авшоръ метнино обозначилъ; онъ суть: „*появленіе Германскихъ народовъ, феодальная система и наконецъ крестовые походы*“. Нынѣ только мы усматриваемъ благотѣльные послѣдствія сихъ происшествій, содѣйствовавшихъ къ разрушенію древняго порядка вещей и къ возстановленію новаго. Походы сѣверныхъ народовъ были губительны для обитателей югозападной Европы, но они возродили новыя цвѣтущія Государства. Преобразование Римлянъ и ихъ смѣненіе съ грозными пришельцами происходило въ среднихъ вѣкахъ, соединяющихъ цѣпь между древнимъ и новымъ міромъ. Правленіе Одоакра и Теодорика въ Италіи, владычество Арабовъ въ Испаніи, царствованіе Алфреда въ Британніи, а Карла Великаго во Франціи довольно доказываютъ, что паденіе Рима произвело лучший порядокъ въ югозападной Европѣ.

Подъ тѣнью феодальной системы возростала свобода Европы, говоритъ Авшоръ. Изъ борьбы Вассаловъ съ ихъ Государями

возникло среднее состояніе, которое въ послѣдствіи времени послужило опорой верховной власши противу буйства Князей помѣстныхъ, а сіи, будучи приведены въ законныя предѣлы повиновенія, поставили самовластію преграды къ злоупотребленіямъ. Крестовые походы довершили дѣло Государственнаго устройства. „Подъ стѣнами Иерусалима, предъ гробомъ Спасителя положенъ наконецъ (безъ вѣдома строителей и конечно противу ихъ воли) первый камень будущаго политическаго зданія Европы.“

Говоря о порядкѣ вещей, введенномъ Германскими народами, Авторъ прибавляетъ: „мы, по примѣру Европы, начинаемъ помышлять о свободныхъ лоняціяхъ.“ Конечно такъ, но мы давно о нихъ помышляли: никогда не были они чужды Россійскому народу: Вѣче, Боярскія думы, Трешейскій и Совѣстный судъ, разбираедебство дѣлъ при посредничествѣ Присяжныхъ, равныхъ званіемъ подсудимому, были еще въ древности существенными принадлежностями образа правленія въ нашемъ отечествѣ. Въ важныхъ происшествіяхъ Государства обык-

новенно всѣ сословія принимали участіе и дѣйствовали единодушно. Оспраженіе нашествія враговъ, постановленіе общихъ законовъ, избраніе достойнаго поколѣнія для занятія Россійскаго Престола обыкновенно составляли предметъ совѣщанія и согласнаго рѣшенія всѣхъ Государственныхъ чинов состояній. Иностранныя народы прежде насъ дали непремѣнныя формы Государственному правленію, но не позже ихъ мы о томъ помышляли; они кровью начерпывали свои постановленія, наши ознаменованы отеческою любовію Монарха къ усерднымъ и послушнымъ чадамъ, Его подданнымъ. Исторія Россіи возвѣщишь попомству любовь народа къ верховной власши и мудрости Законодателя, основавшаго Престолъ свой на счастіи народа, вѣреннаго Провидніемъ Его попеченію.

Сіи краткія замѣчанія сочли мы нужнымъ присовокупить къ сочиненію Г. Прозидента: сужденіе о подробностяхъ онаго предоставляемъ прозорливости Читателей. По краткости сочиненія мысли Автора такъ сжаты, такъ быстро одна за дру-

гою слѣдуютъ, что къ яскому уразумѣ-
 нію оныхъ пошребны достаточное познаніе
 Исторіи и особенное вниманіе. Наблюда-
 тель успѣховъ просвѣщенія въ нашемъ отече-
 ствѣ конечно замѣтитъ съ удовольствіемъ
 и то обстоятельство, что сіе разсужденіе,
 исполненное глубокой классической учено-
 сти, произнесено было со скромной кафедры
 народнаго наставника, особю знаменитаго
 рода, украшенно Государственными оп-
 лчачами и почестями. Прилично обучаясь
 у наставниковъ, возвышенныхъ духомъ и
 званіемъ, и независимыхъ отъ обыкновен-
 ныхъ приспращій!

Профессоръ А. Куницынъ.

Царское Село

4. Мая 1818 года.

Ш.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КАРТИНА НОЧИ ПРЯДЬ ПОСЛѢДНИМЪ ВОИМЪ ПОДЪ
 СТѢНАМИ СМОЛЕНСКА И ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЬ
 РУСКАГО ВОИНА.

И. в. н. Евст. ф. в. ч. Ж. д. в. с. к. м.

Товарищъ мой, свидѣтель бывъ и славы!
 Ты помнишь дни войны и спрашнхъ сътъ,
 Когда въ поляхъ дымилася шокъ кровавый,
 И пировалъ кругомъ огонь и мечъ!
 Ты помнишь, другъ! — и какъ забыть тѣ ночи?—
 Когда горѣлъ, безъ молній, неба сводъ....
 Едва смѣживъ успалый воинъ очи,
 Внималъ, сквозь сонъ, какъ съпывалъ народъ;
 И пробужденъ вдругъ вспыхнувшимъ сраженіемъ,
 Вспрѣчалъ въ дыму разсвѣтъ и юный день....
 Въ моихъ стихахъ — картины сей лишь шѣвъ:
 Ты дорисуй ея — воображеніемъ....

Запахалъ на ратномъ полѣ
 Вихвы грозной шумъ,
 И Смоленски древни стѣны,
 Гордыхъ башень рядъ
 Приодѣлсь мракомъ ночи;
 Вилъ полночный часъ!...
 Но къ покою не склонялся
 Храбрыхъ Россовъ спанъ:
 Не дремали мудры вожди,
 Думу думали,
 Какъ въ страну свою родную
 Не пустишь враговъ.
 А враги, враги пируютъ,
 Позабывъ, что Богъ

Съ высошы на нихъ наводишь
 Свой разящій громъ.
 Разлились, какъ шумны волны,
 Ихъ полки въ поляхъ;
 Ярко спалъ мечей сверкаетъ,
 Спашно мѣдъ звучишь,
 И вздымая шомно вшоришь
 Древній Руской край
 Громко ржанье *суждыхъ* коней,
 Чуждыхъ воевъ *клякъ*...
 Тмы враговъ кичась, мечтаюшь
 Сдвинушь съ мѣста грады!...
 Защрепалъ подъ ихъ шопами
 Древнихъ холмовъ рядъ,
 И подъ *силой ихъ* погнулся
Лѣвый брегъ Днѣпра! —
 Развели они несмѣшны
 По горамъ огни.
 Но одни ль огни въ ихъ шанѣ?
 Села ближнія
 Запалались ихъ руками:
 Всюду заревъ блескъ!
 И кругомъ въ ночи краснѣешь
 Море огненно..
 Загорѣлась, запылала
 Земля Руская!
 Поднялся пожаръ высоко —
 До небесныхъ звѣздъ
 И съ пожаромъ воспекаюшь
 Выше звѣздъ молбы:
 Тяжко стонушь, въздыхая
 Люди Рускіе:
 „Пусть сгараюшь наши села,
 Говорая въ слезахъ:
 „Что намъ села? Что намъ грады?
 „Лишь бы край родной
 „Защитишь отъ лютой доли
 „Въ вѣчномъ рабствѣ жить!
 Такъ гласишь народъ; — а горы
 Вшоришь ратныхъ *клякъ*.
 И часы проходяшь ночи:
 Близокъ грозной день!

Показался изъ за башенъ
 Въ дымномъ облакѣ
 Мѣсяцъ, весь налитый кровью,
 И печальный ликъ
 Углубилъ въ помокѣ мушномъ...
 И восшокъ небесъ
 Забылъ; — зашой струею
 Пролилась заря:
 Зарумянились сребристыхъ
 Облаковъ края
 И повѣялъ въ полѣ свѣжій
 Предразсвѣтний вѣспрѣ
 И огни во шанѣ Рускомъ,
 (Что поставленъ былъ
 Вдоль крушой *горы Покровской*).
 Вѣдно шепляшъ...
 Тушь остряшь шума, *гусары*
 Сабли ясныя
 И козакъ свои длинный дрошникъ;
 И *пѣхотный строй*
 Закрѣпляешь, (чтобъ не дрогнулъ)
 Троегранный штыкъ...
 Гулъ далеко вшоришь ржанье
 Ретивыхъ коней;
 Бьюшь копытами о землю,
 Изъ ноздрей ихъ дымъ;
 Громко сарпаюшь и очи
 Ихъ огнемъ горятъ.
 Словно просятъ на башву,
 Осердясь за то,
 Что враги, въ родныхъ пошокахъ,
 Водопой мушашъ!..
 Все вѣщало, что настанешъ
 Скоро день и бой,
 И востѣлъ шущъ *воинъ Руской*
Пѣснь прощальную:

— „Друзья мои шоварищи, сподвижники въ бояхъ!
 Наспанешъ скоро спашный день и бивва загре-
 мить!
 Заспанешъ долъ и шемной боръ отъ стѣчи роковой,
 И ясну зорю ушрленно и солнца ликъ молодой

Запмишь, поднявшись шучами, надъ смершнымъ
 полемъ дыль!..
 Друзья мои, товарищи! сподвижники въ бояхъ!
 Наспанешъ скоро страшный день и бишва загре-
 миль:
 Богъ знаетъ, кто останешся, друзья, изъ насъ въ
 живыхъ!
 Но сладко, сладко въ бишвѣ пасть за родину свою!
 Не славы алчешъ Руской Царь и началъ бои не онъ:
 Враги, враги вломилсь къ намъ съ цынами и ме-
 чемъ!
 Грозиль пѣнилъ свизую Русь и Рускихъ поко-
 риль!
 Ахъ! нѣтъ, шого не лзя ошерпѣть: скорѣи могила
 веѣтъ!
 Какъ шяжко живѣ подѣ чуждыми законами вра-
 говъ!
 Не ясно солнце красное поскокующимъ въ пѣну,
 Не видить звѣздъ и мѣсяца раба слезящій взоръ!
 И самый хлѣбъ постылъ ему и соль ему горька!..
 Нѣтъ, брашцы, нѣтъ, товарищи! не выдайте вра-
 гамъ
 Ошечешва любезнаго на рабство и позоръ! —
Прегистая Владышца, хранящая сеи градъ!
 Подай намъ крѣпость лвиную, да пошоемъ въ
 бою,
 Да будешъ грудь усердная сихъ древнихъ крѣпче
 ошѣтъ!
 Друзья мои, товарищи, сподвижники въ бояхъ!
 Предчувствіе увылое ко мнѣ закралось въ грудь!
 Уже зари вечернія не видѣшь мнѣ въ сей день!
 Въ сей день въ кипящей сѣчѣ я паду на грудяхъ
 шѣлъ;
 Пошускнущъ и засылаюшся пескомъ мои глаза:
 Не зрѣшь ямъ побѣждающихъ шоварищей моихъ!
 Пронзенъ, о землю грануся я — но все лицемъ къ
 врагамъ;
 Ослабнущъ руки крѣпкія, и мой холодной шрупъ
 Пришончущъ кони бурные и рашный прахъ, сгу-
 сшяся,
 Подернешъ ликъ кровавый мой печальной пеленой!..
 Друзья мои, товарищи! Я смерши не боюся!...

Когда жъ уможнешъ грозный бой, найдите вы меня:
 По ранамъ на груди моей легко узнашь мой шрупъ!
 О други! о шоварищи! сподвижники мои!
 Шшыками вы и саблями, близъ свѣзыхъ водъ
 Дѣйра,
 Изройште, други вѣрные! могилу для меня.
 Насыпште, други храбрые! на ней высокой холмъ;
 На немъ *скрижалъ* и *новый крестъ*, и напишете
 шакъ:
 „Здѣсь храбрый Руской воинъ спитъ, шоварищъ
 нашъ въ бояхъ:
 „Во всѣхъ кровавыхъ сѣчахъ онъ въ переднихъ былъ
 рядахъ:
 „Спруизался часто кровь изъ ранъ, но ранъ онъ не
 слыхалъ! —
 „Подѣ шучами каршечъ и пуль нашъ другъ былъ
 смѣлъ и бодръ.
 „*Стрцей Дунайской* раны онъ кровавы омывалъ
 „По *Альпайб*, выше грозныхъ шучъ, съ Суворовымъ
 востодилъ
 „И на границахъ *Шведскихъ скалъ* острилъ дра-
 гой бузашъ,
 „Что вырвалъ изъ могучихъ рукъ *Кавказскаго*
бойца!
 „Онъ зрѣлъ *брега Каспійскихъ водъ* и видѣлъ бур-
 ный *Белтъ*:
 „Въ *далекихъ* былъ краяхъ, и палъ за *близкой*
 сердцу край:
 „За родину, за милую, за Руской край свяшой,
 „Пославя смѣло грудь въ бою за *Вѣру* и *Царя!* —
 „Онъ жилъ и умеръ, храбрый другъ! какъ истый
 Славянинъ.“
 Такъ пѣлъ: „Мнѣ будешъ долго здѣсь и безпробуд-
 но спашъ:
 „Когдажъ ушыхнешъ брань въ пояхъ и шеплаа
 весна
 „Пригрѣетъ землю хладную и мой могильный
 холмъ
 „Одѣнешя цвѣточками и шравкой молодой:
 „Тогда придетъ любезная подруга юныхъ дней
 „И съ нею дѣти милыя увидяшь ошчій гробъ.

„Не плачьте, скажете матеръ имъ, не умеръ вашъ отецъ:
 „Здѣсь шолько прахъ земной его, а духъ на небесахъ!
 „Туда пошелъ онъ въ свѣтлой домъ къ Небесному Царю
 „За то, друзья! что вѣренъ былъ Царю земному здѣсь!
 „Такъ, братья, други храбрые! Миѣ сладко умереть,
 „За родину, за мизую, за Руской край свяшой.“

Федоръ Глинка.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ РУСКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И :

1818.

47. † *Краткая Всеобщая Географія, изложенная Главнаго Педагогическаго Института Адъюнкта-Профессора Географіи и Статистики Константиномъ Арсеньевымъ.* С. П. б. 1818. въ Медицинской пн. въ 8, 325 стр. съ четьрьма чертежами. ★

(Весьма хорошая учебная книга, написанная въ порядѣ, корошко, ясно и правильно. Мы смѣло можемъ совѣтовать родителямъ и наставникамъ руководствоваться ею при преподаваніи Географіи.

★ Продается у Книгопродавецѣ брашевѣ Слединыхъ у Казанскаго мосу въ домѣ Кусовникова, и въ Госпитномъ дворѣ подъ No 53, по 5 р. въ бумажѣ.

Г. Арсеньевъ не повторяетъ рабки сказаннаго прежними Пирамеями о сей Наукѣ: онъ ищетъ путей легчайшихъ и удобнѣйшихъ для начертанія въ умѣ и памяти дѣтвей многоразличныхъ свѣдѣній Географическихъ. Такъ, напримеръ, онъ раздѣляетъ Россію на десять провинцій: Скандинавское или Сѣверное, Валаійское, Алаунское, Пизкое, Карпатское, Степное, Волжское, Окское, Уральское и Сибирское. Сіе раздѣленіе не такъ обичиво, какъ раздѣленіе на Губерніи, и опредѣленіе раздѣленія на три подосы; притомъ же посредствомъ онаго, лучше всего могутъ быть отличены и объяснены климаты и произведенія. Въ концѣ сей книги напечатана краткая Исторія Географіи и присовокуплены четьре чертежа разныхъ системъ міра. Желательно, чтобъ Г. Арсеньевъ потрудился издать къ сей книгѣ особый Атласъ, въ которомъ на ландкартахъ означены были бы именно тѣ раздѣленія и предметы, о которыхъ говорится въ книгѣ — не болѣе и не менѣе. Это весьма облегчило бы изученіе Географіи. (Такимъ образомъ изданы были *первыя* Географическія книги и карты Коммисією Народныхъ Училищъ). Для перваго курса Атласъ могъ бы состоять изъ трехъ шолько картъ: изображенія земнаго шара, Европы и Россіи. — — При семъ случаѣ можемъ извѣстить отечественную публику, что Г. Арсеньевъ занимается сочиненіемъ *Настертанія Статистики Россійскаго Государства*, которое уже печатается и вскорѣ выйдеть въ свѣтъ. ★)

★ Подписка на сіе *Настертаніе Статистики* принимается у шѣхъ же Книгопродавецѣ Сасниныхъ Цѣна 2 часямъ 10 р.

V.
С М Ъ С Б.

I.
К а л е й д о с к о п ь.

„Есть ли у васъ *калейдоскопъ*? Какое ваше *калейдоскопъ*? Вообразите: я пошеряла свой *калейдоскопъ*!“ Вотъ почти весь нынѣшній разговоръ Англійскихъ и Французскихъ дамъ. Но одни ли онѣ занимающія такъ рачительно симъ волшебнымъ орудіемъ? Симишворцы и Философы находятъ въ немъ изображеніе превращенной міра сего; другіе картину чувствованій и спрашей, волнующихъ душу человѣческую и въ минушу нѣсколько разъ измѣняющихся; иные въ многообразныхъ фигурахъ его усматриваютъ подобіе свовидѣній, раждающихся въ воображеніи и мгновенно смѣняемыхъ другими. Снпщевые и набойчатые фабриканты снимаютъ съ *калейдоскоповъ* узоры, которыхъ бы сами во вѣкъ не вымыслили; шарушки загадываютъ по нимъ, обудется или не обудется то и другое. Математики утверждаютъ, что *калейдоскопъ* можетъ измѣняться непрерывно въ теченіе 462,880,899,576 лѣтъ и 360 дней, представляя въ каждую минушу сего необъятнаго времени по десяти разныхъ переиѣтъ. Филологи домаютъ годову надъ именемъ *калейдоскопа*: Англичане удерживаютъ названіе Греческое, Французы называютъ его *transfigurateur*, *multiplieateur*; *lunettes merveilles*, Нѣмцы *Schönigkter*; у насъ въ Россіи (ш. е. въ *Рускоибъ Инвалидъ*) прозвали его *Излочно-Изобразителемъ*. Историки говорятъ, что онъ извѣстенъ былъ уже въ XVII столѣтш, и нынѣ только возобновленъ въ Англій и перешелъ ошуда во Францію, гдѣ къ всеобщему удивленію) забавляетъ уже въ теченіе двухъ мѣсяцевъ почтенную празднотлюбивую публику.

„Что жъ вы скажете о немъ, Господинъ Издатель *Сына Отечества*?“ спрашиваютъ почтенные Читатели и милыя Читательницы.

Имѣю честь доложить вамъ, что *калейдоскопъ* есть зрительная трубка, имѣющая въ длину около четырехъ вершковъ, а въ діаметрѣ вершокъ. Съ одной стороны сей трубки есть небольшое стеклышко (съ крупную горошину); посмотрите въ это стеклышко и увидите разноцвѣтныя фигуры, которыя измѣняются при каждомъ движеніи трубки: вамъ представляются попеременно звѣзды, кресты, пятиугольники, вѣнки и ш. п. самыя яркія цвѣтш, и въ удивительномъ разнообразіи, соединенномъ со строжайшею правильностію. Внутреннее устройство сей замысловатой — игрушки весьма просно: два зеркала, расположенныя подъ извѣстными углами, идутъ вдоль цилиндра и въ десятеро повторяютъ отраженіе разноцвѣтныихъ стеклышекъ, бусъ и ш. п. которыя находятся въ передней сторонѣ трубки, между двумя стеклами и при малѣйшемъ ея поворотѣ производятъ самыя удивительныя отраженія въ зеркалахъ и — глазѣ наблюдателя. Вотъ самое подробное описаніе сего новаго инструмента, о которомъ по одному описанію нельзя имѣть точнаго понятія. Извѣстныя превосходными своими оптическими инструментами Императорскій Физико Механикъ *Роспини* дѣлаешь и продаетъ сіи *калейдоскопы*.*)

2.

Нѣсколько словъ о СМЕРТИ ИВАНА СЕРГѢВИЧА ГЕОРГІЕВСКАГО и о подпискѣ на книгу его.

Г. Георгіевскій, умной, чувствительной, много успѣшій въ наукахъ и много обѣщавшій молодой человекъ выпущенъ былъ изъ Педагогическаго Института въ 1814 году. Излишнее прилежаніе къ ученымъ занятіямъ, особенно къ Математикѣ, побѣждало и наконецъ распрострало тѣлесныя силы его.

*) Цѣна двадцать рублей. Г. Роспини живетъ въ малой Морской въ домѣ Классена подѣ Но 91, выходящемъ и на Невской проспектъ.

Въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ здоровье его при-
мѣшно увядало. —

Какое по темное чувство опдаденной надеж-
ды, неизяснимое влеченіе судьбы, звало его въ по-
луденные края Россіи. Подъ новымъ небомъ, въ
спранахъ болѣе ласкаемыхъ солнцемъ, надѣялся онъ
раздѣлши вмѣстѣ съ природою, возрѣшишь по-
перяныя силы. — Открылась ваканція *Учителя*
въ Уральскѣ и молодой, неопытной Георгіевской
съ восторгомъ принявъ мѣсто сіе. Кто похвалиши-
ся, что проидя очарованную область юности, не
запамяталъ дани мечтамъ? — На первыхъ страни-
цахъ *книги жизни* мы встрѣчаемъ одни только
обесшительныя призраки, восторги и надежды...
Тернія существенности являюся уже тогда, какъ
прекрасныя розы мечаний опцѣтѣшаютъ!... Георгі-
евской прибылъ въ Уральскъ и вмѣсто возможно-
сти привольно наслаждаться досугомъ и красо-
памъ природы, нашель *обязанности*, недозволявшія
ему вовсе уклоняиься отъ заботливой и прудной
своей должности — Были, однако, минушы, ко-
торныя онъ могъ посвящать прогулкамъ и пламен-
нымъ мечтамъ. Въ сіи минушы уединенныхъ вос-
торговъ, понятныхъ только душамъ чувствитель-
нымъ, живое воображеніе мечтателя придавало все-
му жизнь и прелесть — созидая вокругъ него но-
вый, очаровательный міръ. — Подъ тѣнію древнихъ
скаль, при шумѣ горныхъ водопадовъ, изливалъ онъ,
(въ *письмахъ къ другу*.) избытокъ сердца: чув-
ства благородныя, пѣвныя, пламенные и такимъ
образомъ — въ продолженіе нѣкотораго времени —
состворена *Евгенія*, романъ подлежащій критикѣ
только въ пѣлюторныхъ и достойный похвалы во
многихъ отношеніяхъ.

Благородство мыслей, красота выраженій и
свѣжесть чувствъ опличаютъ *Евгенію*, сочиненіе
заслуживающее уваженіе по собственному досто-
инству и особеннаго сердечнаго благоволенія по
состраданію къ несчастной судьбѣ Сочинителя. —
Еще не совсѣмъ кончена была *Евгенія*, какъ откры-
лись въ немъ всѣ признаки неизлечимой чахотки.
Слабою рукою изнемогающаго дописаны послѣднія

страницы. Онъ, казалось, передалъ всю душу свою
въ свое сочиненіе. Чувства юности, чувства пре-
красныя, пылали на бумагѣ и хладѣли въ умирав-
щей груди его... Онъ видѣлъ свою кончину еще из-
далека, медленно прощался съ свѣтомъ и, позный
жаркаго упованія на *лучшую будущность*, шло
склонился въ могилу. Смерть постигла его на 25
году. Непоспѣшими глубокія тайны природы, еще
неисповѣдимые высокія шанштва Провидѣнія. Од-
нихъ надѣяель оно долголѣшіемъ, другимъ велишь
только появиться, блеснуть и увянуть. — Люди
съ дарованіемъ, похищенные преждевременною
смертью, подобны перелетнымъ пернатымъ: оца-
ровавъ насъ унылыми звуками сладкой, но мгно-
венной пѣсни своей, онъ улетають шуда отколѣ
появились — въ мѣста никому неизвѣстныя... Въ
спранахъ опдаденныхъ отъ родины, неушѣнный
близкими, неоплаканый друзьями, скончался мо-
лодой Георгіевскій; но по немъ остались пресшарѣ-
лы *родители* — въ *бѣдности* и *книга* (оппеча-
нокъ прекраснаго дарованія и сердца) *въ рукописи*.
Ушѣшишь первыхъ и напечатать послѣднюю: вошь
искреннее желаніе *вѣрнаго друга* *) и добрыхъ прі-
ятелей покойнаго. Въ семь намѣреніи и въ полномъ
упованіи на великодушіе соотечественниковъ извѣ-
щаемъ симъ, что опъ сего времени открываелься
подписка на книгу покойнаго Георгіевскаго, кошо-
рая, по оппечатаніи, продаваелься будетъ въ *поль-
зу семейства его*. *) — Когда найделься 100 под-

*) Издатель сей книги другъ покойнаго В. О.
П....въ.

*) Подписка на книгу: *Евгенія* или *письма къ
другу* (соч. И. С. Георгіевскаго) печатаемую въ
пользу семейства покойнаго сочинителя — при-
нимаелься въ Библиотекѣ для чшенія Г. Плавильщи-
кова у Сняго мосту въ домѣ Г жи Ивановой, въ
книжной лавкѣ его же въ домѣ Г. Балабина, подъ
№ 28, и у братьевъ Слениныхъ, въ домѣ Кусовни-
кова у Казанскаго мосту, и въ Госшиномъ дворѣ
подъ № 53.

листиковъ (по 5 рублей экз.) по книга (содержащая около 10 печатных листовъ) уже можешь быть напечатана.

500 шолько рублей (какъ не много!) нужно, чтобы дославить весьма приятную книгу публикѣ, успокоишь шѣнь усопшаго и утѣшишь, осчаслививъ бѣдныхъ родителей его. —

Особы, удостоившія подписаться на сіе сочиненіе, удоставоряяшъ двумъ благороднѣйшимъ побужденіямъ: желанію имѣть *хорошую книгу* и сдѣлать *доброе дѣло*; имена ихъ, съ благодарностію, припечатаны будутъ въ концѣ самой книги.

θ.

3.

И з в ѣ с т і е .

Сынъ Отечества будетъ продолжаться во второй половинѣ сего 1818 года, на прежнемъ основаніи. *Отечественная и Иностранная Словесность, Науки, Искусства, Россійская Исторія, Статистика и Географія, Путешествія, Современная Исторія и Политика, Нравственность, Воспитаніе, Благотворенія* — словомъ все, что можешь быть приятно, занимательно и полезно просвѣщеннымъ сынамъ отечества, будетъ по прежнему входить въ составъ его. Въ *Современной Руской Библіографіи* будутъ онѣ извѣщаемы о новѣйшихъ произведеніяхъ отечественной Словесности, съ краткими, но (сколько позволяютъ ограниченныя силы и знанія одного человека) справедливыми замѣчаніями. Вообще Издашель, слѣдуя прежнему плану, будетъ прилагать все возможное стараніе о помѣщеніи въ семь Журналъ статей приятныхъ и полезныхъ и о сохраненіи шого леспнаго вниманія, которымъ отечественная публика награждаетъ его въ теченіе шести почти лѣтъ. Между шѣмъ принимаешь онъ смѣлость сдѣлать въ изданіи сего Журнала *одну* существенную переменъ, надѣясь, что шѣмъ ни мало не уменьшишь его цѣны и за-

нимательности. Онъ присовокупилъ къ Журналу *сему Прибавленія* въ 1813 году, когда промедленіе *одного гаса* въ доставленіи публикѣ извѣстій различныхъ было непростительно, и продолжаетъ издавать онѣ въ теченіе пяти лѣтъ. Нынѣ увѣрился онъ наблюденіемъ и опытомъ, что, по незначительности извѣстій иностранныхъ, особыя прибавленія ошнюдь не могутъ быть важны и приносить существенную Журналу пользу. При томъ же и ограниченность ихъ смѣняется въ выборѣ и расположеніи предметовъ: иногда получишь иностранныхъ извѣстій на 6 страницъ; должно исключить нѣкоторыя, чтобы умѣстить на 4хъ; въ другое время интересныя извѣстія займутъ не болѣе полуторы страницъ; надежишь дополнить остальные двѣ съ половиною *всякою всягиною*. Сіа обстоятельство побуждающъ Издашеля прекратить съ 1 Июля сего года изданіе особыхъ Прибавленій, и вмѣсто оныхъ печатать въ каждой книжкѣ особую статью: *Политическія и Литературныя Новости*, въ которой съ выборомъ и шочностию, предлагаемы будутъ *всѣ внутреннія и иностранныя извѣстія*, полученныя въ теченіе недѣли. Сіа статья будетъ *полнѣ* Прибавленій, ибо Издашель не ограничится четырьмя страницами; она будетъ *занимательнѣе и достовѣрнѣе*, ибо онъ будетъ имѣть время извлечь *все*, что интересно для его Читателей, исключивъ извѣстія сомнительныя, обработать слогу и ш. п. При томъ Читатели *Сына Отечества* не будутъ жаловаться на потерю листковъ Прибавленій, на недоставленіе ихъ и пр., что особенно затрудняетъ иногородныхъ. Между шѣмъ подписавшіеся получатъ прежнее число листовъ: восемь страницъ нынѣшнихъ прибавленій присовокупятся къ книжкамъ, копорыя ошнынѣ будутъ содержать въ себѣ не менѣе трехъ листовъ или 48 страницъ въ осемьшуку. Въ случаѣ полученія какихъ либо чрезвычайныхъ и важныхъ извѣстій будутъ немедленно издаваемы листки: *Къ Читателямъ Сына Отечества*. — Издашель не знаетъ, будетъ ли сіа переменъ приятна *всѣмъ*

его Чашателамъ, но увѣренъ, что они въ послѣд-
швыи всё согласятся въ пользу оной.

Подписка на получение *Сына Отечества* при-
нимаеши въ типографіи Издашеля, въ большой
Морской въ домѣ Аншонова, подъ Но 125, и въ
книжныхъ лавкахъ Гг. Глазунова, Завкина, Плави-
щикова и Слениныхъ. Подписная цѣна за полугодо-
вое изданіе, состоящее въ 26 книжкахъ (въ три
листа каждая) здѣсь въ С. Петербургѣ *пятнад-
цать*, а съ пересылкою во всё города Имперіи
Россійской *семнадцать рублей пятьдесятъ копѣ-
екъ*. Инородные благоволятъ адресоваться въ Га-
зетную Экспедицію С. П. б. Почтамша. За до-
ставленіе сего Журнала въ С. П. бургѣ на домъ
прилагается по *три рубля* въ полгода. Издашеля
покорно просить особъ, желающихъ получать сей
Журналъ, подписываться заранѣе: въ первой поло-
винѣ сего года принужденъ онъ былъ ошказашъ мно-
гимъ прѣбыващеламъ за распродажею всѣхъ экзем-
плярровъ.

(14 Юнѣ.)

С Ы Н Ъ О Т Е Ч Е С Т В А .

1818. № XXV.

I.

П У Т Е Ш Е С Т В І Я .

Отрывки изъ записокъ морскаго Офицера
въ продолженіе кампаній на Средиземномъ
морѣ. — 1806 году.

Плаваніе Адриатическимъ моремъ.

Въ ночь на 2 Февраля вѣпръ усилился
и сдѣлался очень свѣжъ; волненіе было часто
и безпокойно; не смотря на сіе, Фрегатъ
шелъ полнымъ вѣпромъ, весьма быстро, и
какъ Капишанъ имѣлъ причины поспѣшашъ,
по не смотря на дождь и пасмурность, всю
ночь неслись мы между камней и мѣлкихъ
оспрововъ, лежащихъ на пупи нашемъ. —
Ночью миновали мы опасный оспровъ Аго-
сто, и прошли между оспровами Иссо и
Лезино. На разсвѣтъ на правой рукѣ ош-
крылась длинная гряда оспрововъ, состав-
ляющихъ Далмацкій Архипелагъ. Вѣпръ шакъ

усилился, что принуждены были убрать верхние паруса, и фрегатъ, идучи 12ю румбами ошь въпра лежалъ на боку и довольно наклонился. — Ясное небо, грозное море и плывущій фрегатъ представляли картину, достойную кисти Вернема; — но какъ изобразить сии золотые лучи солнца, отражавшіяся и смѣшивавшіяся съ близкою валовъ, шедшихъ въ слѣдъ за кораблемъ глубокими браздами? — Какъ соединить лазурный спокойный видъ небснаго свода, съ ужаснымъ видомъ моря? — Какую должно избрать краску, дабы живописать си клубящіяся, разсѣкаемыя и подавляемыя носомъ фрегата волны, кои, подобно разрушительному наводненію, въ него вливаются; и какъ наконецъ представить сей водоворотъ, крутящійся за его кормою? —

Идучи въ виду берега, наслаждаясь зрѣніемъ безпрестанно перемѣнявшихся видовъ, скоро прошли мы великое пространство и въ полдень 3 Февраля были уже противу *Анконы*. — Имѣя въ предметъ, показашъ непріятелю, что насъ болѣе нежели одинъ фрегатъ, переходя ошь Анконы къ Сенегат-

ли, отшуда къ Истрии, и наконецъ остановившись на главномъ его сообщеніи Венеціи съ Зарою, у острова Санъ-Пьетро, вездѣ поднимали разные флаги — шо свой, шо Англійской и Шведской. —

У входа въ *Фиуме* познакомились мы съ здѣшнею *борою*, въпрямь споль сильнымъ, что едва ли штормъ и ураганъ могутъ быть сильнѣе. — Длинные облака кружились на высокой горѣ Кальдаро; опытный лоцманъ представлялъ, что мы подвергнемъ себя опасности, если пойдемъ далѣе, но Капичанъ, имѣя повелѣніе непременно высадить въ Фиумъ или Триестъ двухъ Чиновниковъ Иностранной Коллегіи, отпращенныхъ Адмираломъ съ важными дѣлами къ Государю Императору, и положась на шо, что въпрѣвъ морѣ былъ тихъ и небо ясно, приказалъ взять у марселей рифы *) и итти въ Фиуме. За островомъ Оссеро, въ проливъ противу Кальдаро, нашелъ споль сильный шквалъ **) что фрегатъ положило на бокъ, привело къ

*) Значитъ уменьшилъ парусъ, подвизавъ его веревочками называемыми сезни.

**) Славный порывъ въпра.

вѣтру и ошановя, шакъ сказаць, придавило его къ водѣ. — Трескъ мачтъ, паденіе столовъ и мебели въ каютѣ-компаніи, летящіе клочки изорванныхъ парусовъ, — ошчаяный голосъ Лейтенанта: *право на борть, людей на верхъ!* перепугаль до смерти нашихъ пассажировъ, и въ самомъ дѣлѣ пока принудили фрегатъ спуститься по вѣтру, мы были въ опасности и могли пошерять мачты; — но новая, гораздо очевиднѣйшая намъ угрожалла. — Плоскій подводный камень, покрытый водою шолько на 4 фуза, лежалъ посреди пролива, — карша была невѣрна, — а лощманъ не зналъ шочнаго его положенія. — Поверхность моря была бѣла какъ снѣгъ, и пошому боя воды вокругъ камня нельзя было видѣть. — Охрипый, удушанный крикъ командующаго Лейтенанта, машросы висящіе на снастяхъ и обрызгающіе ножами ошпанки изорваннаго фокка *); — смущенный видъ Капитана, приведеннаго въ недоумѣніе, куда править фрегатъ; — суеша офицеровъ, глазами и въ

*) Нижній передній парусъ.

зрительные трубы шщепно ищущихъ подводнаго камня и сличающихъ показанное мѣсто его на картѣ съ настоящимъ положеніемъ пролива, котораго несходство заставляло каждаго блѣднѣть; — вопли ошчаяннѣ лощмана, и смиренныя лица пассажировъ, въ продолженіе нѣсколькихъ сомнительныхъ минутъ, предшавляли зрѣлище самаго бѣдственнаго положенія. — Между тѣмъ фрегатъ безъ парусовъ по вѣтру, невѣдомо куда, летѣлъ близъ крушаго берега; — висяція скалы, казалось, грозили раздавить его; подводный камень многимъ казался прямо подъ носомъ; но *Богъ, безъ воли коего и власъ главы нашей не падеть*, безвредныхъ вывелъ насъ въ ошкрытое море. — Тамъ, къ удивленію нашему, вѣтръ былъ шихъ, и мы, обманываясь сею шщиною, нѣсколько разъ подходили къ проливу, и всегда находили шамъ ужасную бурю. Получивъ важныя свѣдѣнія о движенияхъ непріятеля, для сообщенія оныхъ Главнокомандующему, чрезъ 12 дней принуждени мы были возвратиться въ Корфу. —

Фиуме, 6 Марша.

Туманъ и дождь никому не помѣшали съѣхать на берегъ. Мореходцы спѣшаютъ наслаждаться удовольствіями городскихъ жителей, которыхъ въ дурную погоду не придешь на мысль бродить по улицамъ, осматривать зданія и замѣчать положеніе окрестностей. Сыскавъ домъ Россійскаго Консула Фоншона, вмѣстѣ съ нимъ посѣтили мы Австрійскаго Губернатора, которой совѣщивалъ осперегаться Французовъ, проходящихъ теперь въ Далмацію. Проводивъ Спашскаго Совѣтника Поццо ди Борго и Коллежскаго Ассесора Козена, отправившихся съ депешами въ Россію, по приглашенію пассажира Мекензи, (сына славнаго путешественника въ Сѣверо-западную Америку) мы пошли въ лучшую ресторацію обѣдать. Хозяинъ поблѣднѣлъ, встрѣтивъ насъ на дѣспинцѣ и сказалъ: „у меня всѣ покои заняты!“ Но осмолѣвши и увѣрившись, что мы не Французы, за которыхъ онъ насъ принялъ, съ радостію отворилъ при прекрасныя комнаты; — вошедъ шуда, по

пихоньку въ полголоса продолжалъ по Славянски: „какое для меня счастье принявъ въ домъ моему Рускихъ! я никогда ихъ не видалъ, но слышалъ, что они добрые господа, милосщивы и бѣдныхъ шрактирициковъ но обижаятъ. — Если вы въ самомъ дѣлѣ Рускіе, то нельзя ли избавить меня отъ гонимей, — которыхъ конечно вы видѣли внизу?“ — Совѣщъ Губернатора и сіи слова побудили насъ занять самыя отдаленныя комнаты, но два Французскіе Генерала, или опасаясь нашего сосѣдства или, можетъ быть, имѣя надобность ѣхать далѣе, — браня дрожачаго отъ шраха хозяина, приказали людямъ своимъ скорѣй укладываться и запрягать лошадей. Проходя съ двумя шоварицами съѣзжими, Генералы грознымъ спесивымъ взоромъ окинули насъ съ ногъ до головы. —

Фиуме лежитъ на ровномъ мѣстѣ; голый хребетъ горъ въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи смыкается въ видѣ полукружія; съ нихъ то дуетъ *бора*, которая сбиваетъ съ ногъ людей, опрокидываетъ экипажи и срываетъ съ домовъ крыши; почему рейдъ въ

зимніе мѣсяцы совершенно неудобны, и суда обыкновенно укрываются въ Букари и Поршо-Ре, въ 15 верстахъ отсюда находящихся. — Городъ выстроенъ правильно, широкими улицами; дома все одинакой и самой пріятной наружности. — По недокончаннымъ строеніямъ можно судить, что городъ будетъ обширенъ. — Пребываніе Французовъ весьма здѣсь ощутительно; магазины пусты, лавки большею частію заперты; они оставили, какъ говорятъ жители, одни только стѣны, а денегъ — ни копѣйки. На южной сторонѣ, гдѣ впадаетъ рѣчка *), набережная застроена огромными магазинами. Суда, подходя къ оной, нагружаются скоро и удобно. — Устье рѣки составляетъ безопасную гавань для малыхъ судовъ. — Фіуме, какъ вольный портъ, могъ бы скоро сравняться съ лучшими торговыми городами; но близость богатаго Триеста и дурной рейдъ лишаютъ его многихъ выгодъ; однакожъ, какъ все произведенія

*) Называемая Фіуме, отъ которой и городъ получилъ свое названіе. — На Италіанскомъ языкѣ Фіуме значить рѣчка.

Венгрии не имѣютъ другаго выхода въ Средиземное море кромѣ Фіуме, то сношенія съ Мальшою, Сициліею и украдкою съ блокированными гаванями Цпадіи, довольно значительны.

Когда переспалъ дождь, мы переправились на другую сторону рѣки. Тамъ, пройдя по дорогѣ, всѣченной въ каменную гору верши двѣ, остановились у водопада, копорого шумъ слышенъ и въ городѣ. — Рѣчка, спѣсенная двумя опѣвѣнными скалами, нѣсколькими порогами съ высоты сажень на пять или на семь, падаетъ въ оврагъ, по крупнымъ споронамъ коего построены мельницы, шакъ сказать, одна на другой. Ниже пороговъ, понижающихся уступами, стоятъ на якоряхъ мельницы плувучія. Видъ на нихъ съ горы очарователенъ. Вода, падая съ верхнихъ колесъ на нижнія, разбиваясь на каменьяхъ, мѣлкимъ дождемъ кропитъ крыши мельницъ и въ брызгахъ поднимается вверхъ наподобіе небольшого шифона. Скрипъ и стукъ колесъ, громъ воды, крупящейся въ серебряныхъ переливахъ, множеству лодокъ, идущихъ бичевою прошиву ужаснаго коло-

вращенія воды къ пловучимъ мельницамъ, и нѣсколько вьючныхъ муровъ, спускающихся по крутой пропиквѣ отъ верхнихъ, представляли пріятное, величественное и вмѣстѣ грозное зрѣлище. — Отсюда начинается та славная дорога, которая попомощвѣ передастъ имена Императора Франца II и Генерала Вукасовича, построившаго ее. — Она просѣчена сквозь цѣпь доселѣ непроходимыхъ Кроатскихъ горъ, и, какъ меня увѣряли, не уступаясь въ прочноши и искусствѣ древнимъ дорогамъ Римлянъ. Прежде сего перевозили шовары на вьючныхъ лошадяхъ, и шо съ крайнимъ затрудненіемъ и опасностію; шеперь же большія брички, поднимающія 500 пудовъ клажи, проѣзжаютъ прямо изъ Венгріи въ Фиуме удобно и спокойно.

9 Марша, по прибытіи изъ Пешербурга Типулярнаго Совѣтника Ласкари съ депешами къ Адмиралу, въ шошь же часъ ночью спялись съ якоря. Съ курьеромъ на одной шлюпкѣ, Консуль прислалъ шрехъ Россійскихъ солдатъ, принужденно служившихъ въ

Австрійскомъ полку, кошорой недавно пришель въ Фиуме.

Вл. Броневскій.

(Продолженіе будетъ.)

II.

ПРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ.

П О З Н А Н І Е Ч Е Л О В Ъ К А .

(Изъ 2й части сочиненія Вейса.)

(Окончаніе.)

Великое различіе, примѣчаемое между людьми, происходитъ отъ ешенени чувствительности и силы къ охраненію оной. — Есть люди, кошорые въ часъ болѣе думаютъ и въ одинъ день болѣе чувствуютъ, нежели другіе въ продолженіе всей жизни; — но сіи пылкія чувствованія суть драгоценнѣйшій и пагубившій изъ даровъ природы. Ежели человекъ, одаренный симъ свойствомъ, чувствуетъ удовольствія, неизвѣстныя хладнокровнымъ людямъ, шо ощущаетъ также и безпокойства, о коихъ сіи послѣдніе и понятія не имѣють. Когда крайняя чув-

свнпшельность сопряжена съ нѣжнымъ тѣлосложеніемъ и робкимъ духомъ, который вселасно ея обуреваешь; или когда необходимость чувствовашь не имѣетъ важнаго предмета, пищею ей служащаго, по для чедовѣка, одареннаго шаковымъ свойствомъ, содѣлывающа всѣ сіи дары пагубою, шерзашю, снѣдающъ его, производашь меланхолію, признакъ души доброй, источникъ подвиговъ великихъ, но которая со всѣмъ шѣмъ не менѣе походитъ на *безуміе*.

Высокія чувствованія, сильныя страсти, плодовишыя мысли, пылкое воображеніе, уже по самому ихъ совершенству суть соспояніе, съ природою несогласное. — Кажешя, что тѣльное вещество, изъ коего мы сосшавлены, слишкомъ бренно для поль величественныхъ намѣреній и постоянныхъ размышлений: оно волнуешя, раздѣляешя, поршишя, а купно съ нимъ и душа повреждаешя. — Достойно замѣчанія, что между людьми, наставляющими насъ разсуждашъ, съ превосходнѣйшими способностями наиболѣе было разспроенныхъ умовъ, како-

вы напр. Тассъ, Аббадія, Паскааль и многіе другіе.

Аристотель и Плушархъ уже сказали, что самая высшая степень мудрости сопряжена съ нѣкоторымъ безуміемъ, и вообще въ людяхъ, ошачившихся рѣдкими дарованіями, видимъ мы самыя чрезвычайныя спранности. Самымъ просвѣщеннымъ чедовѣкомъ можно бы почестъ того, который къ нѣжнѣйшей чувствншельности присоединялъ бы величайшую способность переноситъ часпья оной волненія. Всякая необыкновенная добродѣтель или превосходный умъ ешъ сверхъестественное спремленіе души, или пожертвованіе самимъ собою для пользы другихъ; для сего необходимы рвеніе, усиліе и мужество; бышъ хладнокровнымъ значитъ имѣшъ привязанность шокмо къ самому себѣ; но наружный видъ сего характера часшо бываетъ обманчивъ, и подъ завѣсою равнодушія иногда скрышо сердце нѣжное и чувствншельное.

Опасно имѣшъ весьма высокое или нѣжкое мнѣніе о людяхъ. Первое влечетъ къ обману и возбуждаешъ неудовольствіе къ

евъщеннѣйшимъ, обнаруживаешь въ публикѣ честность свою, изящнѣйшія мысли, скрывая во глубинѣ сердца своего всю мерзость души своей. Жизнь большей части людей есть непрерывный обманъ. — Я самъ, разсуждающій столь часто о нѣжности, правотѣ и познаніяхъ, осуждающій и насмѣляющій мнѣ подобныхъ... о, если бь Чинтапелъ могъ проникнуть въ сокровенность души моей, узрѣть въ оной всѣ низости, нелѣпости, противорѣчія, и даже самыя мерзости, наполняющія умъ, колеблющія сердце мое, то сколь изумился бы онъ! Но ежели бь послѣ безприсрашнымъ окомъ спалъ разсматривать самого себя, то переспалъ бы тому дивиться.

Непреложная истина есть та, что всякій народъ составленъ изъ множества глупцевъ, почти изъ столькихъ же илуповъ, малаго числа честныхъ людей, и... кое гдѣ находимъ еще истинно добродѣтельнаго и просвѣщеннаго челоука. Сіи послѣдніе да замѣняютъ намъ прочихъ! Узнать можно оныхъ по презрѣнію ихъ къ суешному шщеславію, по состраданію къ несчастнымъ,

но снисходительности къ злымъ и строгости къ самимъ себѣ.

Говорятъ, что унижая челоука значить оскорблять Всевышняго Строителя міра сего. — Но всѣ существа въ природѣ, не суть ли шворенія Его? Не Онъ ли создалъ шигра, жабу, паушину, и неужели то порокъ, что мы ихъ находимъ немилovidными? — Почшимъ неисповѣдимый промысль Творца: онъ достоинъ обожанія. Съ благоговѣніемъ спанемъ удивляться шворенію міра сего: предметъ онаго величественъ, даже и тогда, когда шребуешь нѣкоторыхъ пожершвованій, или попускаешь бышюю *зла*, коего цѣль намъ невѣдома. — Будущее время да послужитъ намъ ушъшеніемъ за прошедшее: оно доставитъ намъ болѣе отрады; но спанемъ цѣнитъ дѣйшвишельныя опношенія, имѣющія прямое вліаніе на нынѣшнее наше бышье.

Наше благополучіе зависить частію отъ справедливаго поняшя, какое мы о семъ имѣемъ.

Пер. А. Струговицкоуѣ.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отрывки изъ Трагедіи Юлій-Цезарь. *)

ДѢЙСТВІЕ I. ЯВЛЕНІЕ I.

Вѣстникъ въ присутствіи Сенаторовъ и народа, извѣщаетъ Цезаря о пораженіи Красса Парянами.

Театръ представляетъ площадь предъ Капитоліею; съ одной стороны портикъ тероговъ Цезаря, съ другой Сенатъ, соединенный съ Капитоліею великолѣпною аркадой. Вдали видны рощи и доли Брута.

Звукъ трубъ возвѣщаетъ скорое появленіе Диктатора. Народъ стекется толпами, окружая Вѣстника. Цицеронъ, Лепидъ, Секстъ, Лигарій, Брутъ выходятъ изъ тероговъ Цезаря. За ними Антоній, поддерживающій Кальпурнію, за которою слѣдуетъ Порція и знаменитѣйшія Римлянки; наконецъ показывается Цезарь, въ лавровомъ вѣнцѣ и пурпуровой тогѣ, предшествуемый множествомъ Ликторовъ, идущихъ въ два ряда. —

ХОРЪ НАРОДА.

Герой спокойствія не знаетъ;
Онъ только новыхъ лавровъ ждесть,
И днями жизни почиваесть
Лишь дни шоржесствъ, и дни побѣдъ.

*) Трагедія Юлій Цезарь помѣщена будетъ въ шрешней части *Съчатъ въ Поэзіи В. Федорова*. См. No 50 Вибіографіи.

Греми, о Цезарь, мщенья громомъ!
Возстань за Римъ, Парянь смири!
Явись имъ въ брани грознымъ Богомъ,
И страхъ въ сердца враговъ прости!

Иди, и съ юношествомъ Римскимъ,
Всѣхъ легіоны покемъ,
Они къ стѣнамъ Капитолійскимъ
Свои шрофеи принесуть!..

Цезарь (даеъ знакъ, и хоръ цюмкаетъ).

Печальный вѣстникъ бѣдъ! повѣдай рокъ ужасный,
Посигшій Крассовъ спань. Какъ палъ сей вождь
несчастный?

ВѢСТНИКЪ.

Увы!.. измѣной палъ! — Паряне каждый бой
Зря Римлянъ шоржесшо, и гибель предъ собой,
Тѣснимые въ горахъ ихъ сильными полками,
Въ спань Красса шаюшь пословъ съ великими да-
рамп

И вѣсью что себя намъ данью обрекли;
Готовы Римъ признашь властителиемъ земли.
Крассъ, славою прещень, ихъ чпше повелѣваеъ
Тридневнымъ пиршествомъ. — Громъ брани умола-
каеъ.

Мы не предвидѣли намъ пагубный обманъ.
Веселья кликами шумѣлъ обширный спань,
И радостны огни въ рядахъ когорш блистали!
Но злопучный Крассъ и Римляне не знали,
Что скоро вѣчна ихъ покроешь смерти шѣнь. —
Ночь въ шоржесствѣ прешла, прошекъ за нею день,
Доколѣ воиновъ, пирами умолаенныхъ,
Заспига снова ночь, въ сонъ крѣпкій погружен-
ныхъ.

Наспалъ глубокой мракъ.. все смюкло въ спань...
вдругъ —
Шумъ страшный, дикій крикъ, кимвавовъ рѣзкій
звукъ;
И съ шопошомъ коней — свиошь шрѣль, нашъ
сонъ прервали.
Обьяшы ужасомъ мы время не перяли,

И бросились къ мечамъ ; но зримъ... весь станъ
вспыдалъ !

Багровый огонь и дымъ все небо застилааь,
Бѣжимъ... но что начашъ? — Того не знаемъ сами.
За нами пламя въ садѣ, Паряныя — передъ нами!
Насъ встрѣили шучей сирѣль, летяшъ къ намъ на
коняхъ,

И вторглись въ толпы, съ кинжалами въ рукахъ.
Наурасно воинствъ смущенный Крассъ сзываетъ,
Крикъ яростныхъ Паряныя сей голосъ заглушаетъ!
Врагами ошѣснены, не въ силахъ перевозмочь,
Всѣ Римляныя — легли въ сію кроваву ночь!
Самъ Крассъ, въ отчаянныя сквозь Паряныя пробиваясь,

Паль подъ ударами, но умирааь сражаясь! —

Цезарь.

О дерзкій! съ Крассомъ бывъ, какъ могъ ты въ
Римъ всушпшъ
И кончишь жизнь не смѣль, хотѣвъ съ позоромъ
жшъ?

Вѣстникъ.

Дикшаторъ! грудь моя — вся ранами покрыва.
Я въ легионахъ былъ Помпея знамениша,
Взросъ Марія въ шашрахахъ, и посѣдѣль въ войнѣ!...
О, легче бь умерешъ въ Паряныихъ дебрахъ мнѣ,
Чѣмъ бышь ошечешву бѣдъ вѣшнякомъ ужас-
ныхъ;
Паль жребій на меня судьбой Боговъ всевластныхъ,
И Крассъ мнѣ повелѣль прискорбныи долгъ свер-
шшъ,
Онъ заклинаешъ Римъ, онъ умоляетъ мшшшъ!...

Голосъ народа.

Мешъ! мешъ Паряныямъ!

Цезарь,

Мешъ! и нѣшъ для нихъ
спасенья.

Доколь пошерпимъ мы злодѣевъ оскорбленья?

Рушенъе мирныхъ кляшвъ, ихъ дерзошъ, нашъ
позоръ,
Нѣшъ! нѣшъ! не окрышъся имъ средь неприступ-
ныхъ горъ.

(указывая на Капитолію.)

Сей Капитоліей — предъ вами я клянуса,
Что не ошмшшшвъ врагамъ, я въ Римъ не возвра-
щуса!...

Дѣйствіе II. Явленіе I.

Цицеронъ убѣждаетъ Сенатъ дать Цезарю
корону.

Театръ представляетъ великолѣпную залу
Сената; съ обыкш сторонъ возвышактса ара-
морные столпы; между или видны изображенія
Босовъ и Героевъ. Впереди статуя Юлія Брута,
а напротивъ лѣвста Цицеронова, статуя Поли-
пелъ. — Полное собраніе Сената. Сениторы и
Консулы сидятъ въ Курульскихъ креслахъ. Ци-
церонъ, Антоній, Лепидъ, Брутъ, Кассій, Секстъ,
Метелло, Ликторы взади театра.

Цицеронъ. *)

Такъ! время намъ воздашъ за подвиги Герою,
Возвысившему Римъ воинственной рукою;
Вѣнчанный лаврами безчисленныхъ побѣдъ,
Любимецъ славы сей; исполниль славою свѣшъ!

*) Сія сцена, также какъ и другія, основана на
Исторіи. Цезарю за нѣсколько времени до кончины
его, предлагали корону. Если же Цицеронъ высла-
вленъ мною со стороны Цезаря, то кромѣ извъ-
стнаго стиха: Poetis quilibet audenti etc., я
имѣаь свои причины. Исторія не упоминаешъ, былъ
ли Цицеронъ въ заговорѣ противъ Цезаря; даже не

Давноль, какъ сирахъ стоняль предъ Римскими
сѣбѣнами,

И покидали насъ, казалось, Боги сами!

Какъ буря грозная, къ намъ Галловъ рать шекла,
И гибели близка Испааля была:

известно, былъ ли онъ врагомъ его, но известна
рѣчь Цицеронова за Маркелла, въ которой онъ срав-
ниваетъ Цезаря съ Богами, называетъ славу его
безсмертною, добродѣтель — божественною, и на-
конецъ говоритъ: *Doleo que, cum Respublica immortali-
s esse debeat, eam in unius mortalis anima consistere.*
— Какой другъ, какой защитникъ Цезаря могъ
сказать болѣе? Нимало не удивительно, если бы чрезъ
два года послѣ того Цицеронъ предлагалъ ему въ
Сенатѣ корону. И шакъ, выславъ Цицерона со сто-
роны Цезаря, я нимало не оступилъ отъ его соб-
ственныхъ словъ, и повѣрилъ лучше дошедшимъ до
насъ швореніямъ его, нежели двусмысленнымъ сло-
вамъ изъ письма его къ Апшику (почитаемаго нѣ-
кошорыми подложнымъ): *Дерево срублено, но кор-
ни его цѣлы.* Они легко могутъ быть выдумкою,
и ничего не доказываютъ; только по догадкамъ
цныя думающъ, что здѣсь Цицеронъ говоритъ о
Цезарѣ.

Если нѣкошорые стихи изъ роли Кассія нѣ-
сколько вольны, то пошому, что я Кассія долженъ
былъ представилъ Кассіемъ, Римляниномъ, врагомъ
Цезаря. Но я прошивопоставилъ ему Цицерона. Эпо и
Трагедіи болѣе прѣдаютъ блеску, и вмѣшитъ дасть
способъ достигнуть моей цѣли: доказать, что ни-
чего нѣтъ пагубнѣе раздоровъ междуособія при
свободномъ правленіи, и ничего нѣтъ лучше, какъ
добродѣтель на шронѣ.

Полезна власть Царей, да будетъ и священна!

Царь добродѣтельный — подобится Богамъ;

Его законъ — ихъ гласъ, его чертогъ — ихъ храмъ.

Гр. Юлій Цезарь Дѣй. 5. Явл. 9)

Впрочемъ я долженъ ошвѣчать за всѣ недо-
сшатки моей пьесы. Планъ Трагедіи, выборъ лицъ
и сирастей, стихи, все принадлежишь мнѣ. — Я
не подражалъ ни Вольшеру, ни Шекспиру; и при-

Но небо, видя Римъ падушій въ разрушенъе,
Родился Цезарю — велѣло намъ въ спасенъе.
Великимъ и дѣла велики суждены!
Но Римаянъ долгъ шеперь...

Б р у т ъ.

Что дѣлашь мы должны?

Ц и ц е р о н ъ.

Долгъ благодарности почтись благодарѣнъя.

Б р у т ъ.

Но нѣтъ для Цезаря прилична воздаянъя.

Ц и ц е р о н ъ.

Что ни дадимъ ему — всего достоинъ онъ,
И если хочешь Римъ.. ему наградою шронъ!

К а с с і й.

Что слышимъ, Цицеронъ! Кому и гдѣ вѣщаешь?
Иль Римляину шы весь Римъ поработаешь?
Отъ Галловъ свободясь — мы въ новый плѣнь па-
демъ,

Когда самимъ себя Власнишелей даемъ!

Ц и ц е р о н ъ.

Благотворитель нашъ бышь равнымъ намъ не мо-
жешь.

Когдажъ не равенъ намъ, пусть на чело возложишь
Вѣнецъ, которой онъ заслугами снискалъ.
Ошецъ Ошечества — вѣнца достоинъ шалъ!

знаюся въ моей слабости: самый посредственный
оригиналь мнѣ кажешся несравненно предпочти-
тельнѣе посредственнаго перевода или подражанія;
а хорошія подражанія и переводы въ стихахъ къ
сожалѣнью сущъ столь рѣдкия явленія въ Литера-
турѣ, что только съ чрезвычайною надеждою на
свой шаланъ, можно приступишь къ переводу
стихами превосходнаго Авшора.

Примѣт. Сосинителя.

Б р у т т ь.

Свобода ль преклонить шею, теперь должна колѣна?

Ц и ц е р о н ь.

Для насъ насънешъ въкъ блаженства, а не пѣна!

К а с с и й.

Кшо хочеть быть рабомъ — поставь себя Владыкы!
Кшо кляшвы не хранишь, не можешь быть великы,
И мы ль, о вольности клянясь предъ олтарями,
Мы ль, говорю, падемъ предъ Цезаря стопами?
Иль нашу судьбу владеть Цецеронъ?
(встаетъ съ кресла.)

Краснорѣчивыи мужъ! гдѣ кляшвы, гдѣ законъ?
(показывая на ступу Поллея.)

Помпея шы забылъ, ч догъ свой забываешь,
И Римлянамъ еще о правотѣ вѣщаешь?

Ц и ц е р о н ь.

То Кассій, но не такъ всѣ граждане гласяшь.
Упреки, клеветы мой духъ не устрашаютъ;
Чтобъ обвинишь меня предъ Римомъ и закономъ,
Тебѣ не достаешь.... родиться Цецерономъ!

(вставъ съ кресла и приближившись къ статуѣ Поллея.)

Помпея память чпу, ему я вѣренъ былъ,
Помпею кляшву далъ, и кляшву сохранилъ.
Герои въ Египтѣ палъ измѣной Пшоломея,
Но кшо, мотя за врага, сразилъ сего злодѣя?
Гнѣвъ праведный небесъ своимъ предупредилъ,
И кшо Помпеевъ прахъ слезами оросилъ?
Въ Герояхъ и враговъ сближаешь добродѣтель.
Но только ль?... Цезарь всѣмъ равно былъ благодѣ-
тель!

Наславъ, что дѣлашь мнѣ, и что мнѣ говоришь?
Иль Цезарю мой догъ зломъ за добро плашишь?
Чѣго закона я рушишь дерзновенный?

К а с с и й.

Того, кѣмъ изгнанъ былъ Тарквиньевъ родъ пре-
зрѣнный,

Закона Брушова.

Ц и ц е р о н ь.

Намъ мудрость есть законъ.

Опъ вѣка проищемъ, и непрѣмненъ онъ.
Гдѣ нѣтъ ея — слаба невиннымъ оборона.
Въ различіи временъ различіе закона!

Но чшо? какой законъ? пусть вспомнилъ Кассій
самъ,

Не съ Ромуломъ ли опъ опъ неба посланъ къ намъ?
Тѣмъ самымъ Ромуломъ, въ комъ нынѣ Бога чтишь
Коль смѣше... къ нему вы гнѣвъ свой обратишь!
Сей дивный Реи сынъ, создатель Рима сей,
Давъ первый здѣсь законъ, былъ первымъ изъ
Царей.

Примѣръ его забышь. Мечшой мы ослѣпленны;
И бѣдствіемъ своимъ, какъ счастьемъ, прельщенны!
Давно ль всѣмъ гибелью раздоръ здѣсь угрожалъ?
Чшо Силла пощадилъ, шо Маріи испреблялъ!
Пушемъ кровавымъ ихъ, вѣтніемъ судьбины,
Намъ въ шрешъ, поехали безбѣдно Кашиины!
Но Юшиперъ къ намъ благъ, не пошерѣлъ онъ
злыхъ,

Карательный перунъ остановилъ на нихъ!
И небеса тогда, къ забвенію печали,
Къ блаженству нашихъ дней — намъ Цезаря по-
слали!

К а с с и й.

Къ блаженству?... сей мечшой напрасно хочешь
льстить.

Какимъ блаженствомъ намъ свободу замѣнишь?
Ошѣтшшувуй мнѣ.

Ц и ц е р о н ь.

Любовь къ обманчивой свободѣ

Противна небесамъ, законамъ и природѣ.

Когда бы Римъ хошѣлъ — шы самъ бы взялъ вѣ-
нецъ!

Намъ перваго Царя явилъ въ себя Творецъ.

Ираду равнымъ бытъ Пигмеямъ — невозможно,
Однимъ законы дашь, другимъ хранишь ихъ должно.

Здѣсь спрашный въ браняхъ вождь, шамъ мирный
селянинъ.

Здѣсь въ хижинѣ паспухъ, шамъ — гордый Вла-
стелинъ!

Одинъ другъ испины, другой злодѣй коварный,
Есть вѣрный гражданинъ, и есть неблагодарный!
Кодъ будущъ равны всѣ, кто спанешъ исполняшъ?
Въ республикахъ — свои есть средства угнешашъ.
Бышь независимымъ народы всѣ хошѣли.

Не давъ Царямъ владѣшь, Царей — въ Вельможахъ
зрѣли!

Всякъ бѣдный спалъ рабомъ, а знашный ушѣнялъ,
Кто былъ сильнѣй другилъ — пошь слабыхъ ис-
прелялъ!

Закономъ страсти чшя, всѣ пали въ развращенье,
Раздоръ ведешъ раздоръ, вездѣ горилъ смяшенеъ,
И дружбу зависшю, и клеветой любовь,

Къ спыду ихъ замнливъ — рѣками лили кровь!..

И родину свою на части расперзали,

И прахъ ошцевъ своихъ — въ слѣдъ вѣпроевъ раз-
мешали!

Но сдѣланное зло въ чреду воздашся зломъ,

И рано ль, поздно ли — небесный грянешъ громъ!

А н т о н и й.

Ошдашь народу влашь должны мы ужасашся.

Ц и ц е р о н ъ.

Кто не рожденъ владѣшь, рожденъ повиновашся!

Иль бурю на себя мы сами обратимъ.

Народъ оплошъ Царю, Царь подданнымъ своимъ!

И колъ въ наградахъ дѣлъ всего леснѣи корона,

Кто жъ больше Цезаря изъ насъ достоинъ прона?

Чшо лучшаго въ Богахъ — соединенно въ немъ.

Да будешъ Римлянъ онъ Царемъ!

А н т о н и й.

Царемъ!

Множество голосовъ.

Царемъ!...

Б р у т ъ.

Какъ? въ Римѣ!...

А н т о н и й.

Цицеронъ, Сенатъ его вѣчаешъ.

Онъ!...

Кассій. (сб яростію)

Цицеронъ! народъ его не избираешъ.

А н т о н и й.

Онъ будешъ намъ главой.

К а с с і й.

Тебѣ лишь одному.

А н т о н и й.

Судьбу Итали мы вѣрили ему!

Я именемъ шебъ Сенаторовъ вѣщаю.

К а с с і й.

О Боги! въ Римѣ я? — и Римлянъ не встрѣчаю!...

Но за меня народъ вамъ будешъ отвѣчать.

Б. Водоровъ.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛОГРАФІА.

Н о в ы я к н и г и :

1 8 1 8.

47 * *Теорія Музыки или Разсужденіе о селъ
Искусствѣ, заключающее въ себѣ Исторію,
цѣль, дѣйствіе Музыки, Генералъ-басъ, пра-
вила сочиненія (композиціи) описаніе инстру-*

ментовъ, разные роды музыки и все, что относится къ ней въ подробности. Сочинено въ Россіи и для Русскихъ Императорскаго Харьковского Университета, Старшимъ Членомъ Правленія Луганскаго литейнаго завода, Обер-Гиттенфервальтеромъ и Членомъ разныхъ Обществъ. Переведено съ Нѣмецкой рукописи Разумниковъ Гонорскимъ, Усенаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ Членомъ-Ассессоромъ и Санктпетербургскаго Общества Соревнователей Просвѣщенія и Благотворенія Членомъ-Корреспондентомъ. Часть первая. (Изданіемъ Сочинителя.) Харьковъ, 1818, въ Унив. шип. въ 8, 304 стр.

(Книга сія есть первая въ семь родѣ на Рускомъ языкѣ и заслуживаетъ вниманіе отечественной публики, особенно любителей Музыкальнаго Искусства. I. Сочинитель, послѣ общаго испуленія, говоритъ въ сей первой части: о Музыкѣ вообще, о цѣли ея, о дѣйстви ея, о дѣйстви ея на разные болѣзни, о средствахъ Музыки (здѣсь начинаешся настоящая теорія Музыки, къ коей первыя главы были только приговозненіемъ); о тонахъ и лѣтсвицахъ; о dur и mol или инвердомъ и легкомъ голосѣ; объ иннервалѣ; о гармоніи и мелодіи; о мелодическомъ напѣвѣ; о ключахъ и ношахъ; о ритмѣ; о гармоническомъ ходѣ, о диссонанціяхъ, о шемпо и акцентѣ. Г. Гессъ показываетъ во всей книгѣ основательныя свои познанія къ Музыкѣ и сврасть къ изображаемому имъ Искусству, спрашсь, безъ которой не можеть существовать ни Поэшь, ни Музыканшь, ни Живописецъ. — Жаль только, что онъ не исполнилъ въ своей книгѣ того, что самъ говоритъ о *придѣненіи мелодическаго хода къ выраженію или характеру пѣсы*: „Сочинители весьма опасаются, чтобы свойство мелодіи не измѣнилось ложно взятымъ ходомъ, напр. чтобы для выраженія глубокой боли не взялъ веселаго, а для веселости печаль-

наго хода; но шѣмъ бѣднымъ, которые думаютъ, что все равно, какъ ни поведи мелодію, лишь бы написашъ всю бумагу и горшани дашь немного поголосишь, можно проспишь, если они, гордясь нѣсколькими Поляскими, которыми ихъ перья (?) съ толкыямъ трудомъ раздражаются (разряжаются?) не обращающъ вниманія на правила мелодическаго хода, и за шо ихъ сочиненія, какъ мухи, проживающъ шоль о по одному лѣтшу; и ошь маалышаго дуновенія кришики исчезаютъ. — Мы не говоримъ, чтобы сія судѣба могла постигнуть сочиненіе Г. Гесса, ибо оно имѣеть весьма похвальную цѣль и заключаетъ въ себѣ многія полезныя правила и замѣчанія; но полагаемъ, что онъ выпустилъ изъ виду правила, которыми надежишь сѣдовашъ при сочиненіи книгъ учебныхъ и дидактическихъ. Главныя свойства сочиненій сего рода суть: строгіи порядокъ, ясность, слогу простой, вразумительный и благородный. Г. Гессъ во вступленіи и первыхъ четырехъ главахъ смѣшалъ разные предмешы между собою и переходишь ошь одного къ другому вдругъ, безъ всякаго приговозненія: во вступленіи предлагаеш онъ весьма подробно Историческія свѣдѣнія о Музыкѣ, опера у Славянъ, пошомъ у древнихъ Грековъ и наконецъ у Грузинцевъ; за симъ говоритъ онъ о воинской Музыкѣ Князя Свяшослава Владиміровича (въ XIII столѣтніи) и вдругъ переходишь къ нынѣшнимъ полковымъ канеліямъ, упоминая, что выборъ Капельмейстера зависить большею частію ошь Шефовъ и Полковниковъ. Въ первой главѣ (о *Музыкѣ вообще, цѣли и дѣйстви оной*) послѣ опредѣвенія Музыки и ошнесенія оной къ Искусствамъ времени, Г. Гессъ говоритъ, что „шоржественная пѣсны при освященіи храма Соломонова, пѣсни Тиртея на полѣ брани, Цицеронова рѣчь къ Сенату безъ сомнѣнія сильнѣе дѣйствуютъ на слушателей, нежели всѣ каршины, штапу и зданія (!) какого нибудь Апеллеса. Правшителя или Микель Анжа — на зрителей.“ *Какого нибудь* Апеллеса! Неужели нельзя возвысиль одного Искусства, не унижая другоу? Музы суть родныя сестры: всѣ онѣ равно, хотя

и различными средстами улаждающъ и украшающъ *существенную* жизнь человѣка! (Видя, что одинъ Художникъ старается превознести себя на шесть другаго, невольно вспоминаемъ объ одномъ шаромъ Берейшорѣ, которыи *верховную вѣду* называлъ началомъ, источникомъ и цѣлюю всего тѣлеснаго, умственнаго и душевнаго образованія людей, и подкрѣплялъ свое мнѣніе многими Историческими доводами.) Какимъ образомъ попалась сюда рѣчь Цицерона? Потому ли, что онъ дѣйствовалъ ею на *слухъ* людей? Слѣдственно онъ могъ бы и тогда произвести желанное дѣйствіе, когда бы смѣшалъ всѣ слова и звуки своей рѣчи, такъ, чтобы они не имѣли никакого смысла, а производили только пріятное впечатлѣніе въ слухъ Сенаторовъ искуснымъ повыше-ніемъ и пониженіемъ тоновъ? — Въ главѣ о *дѣйствіи Музыки*, Авторъ предлагаетъ опять ея Исторію; говоритъ сначала о древнѣйшихъ музыкантахъ Греціи, потомъ о церковной Музыкѣ среднихъ временъ; за сѣмъ съ *Аристотелемъ* разсуждаешь о дѣйствіи и вліяніи Музыки; толкуешь о Музыкѣ Римлянъ, и заключаешь главу сію, исчисленіемъ древнихъ музыкантовъ Греціи. Всего страннѣе и непріятнѣе безпрестанныя ошущленія Автора отъ своего предмета, шуточныя замѣчанія и *прибаутки*, которыми онъ хошѣлъ украсить, а въ самомъ дѣлѣ исперчить свою книгу. Г. Г. и самъ выдѣлъ сей недоспашокъ; на стр. 25 говоритъ онъ: „Многіе читавшіе сію рукопись, замѣчали мнѣ, для чего я, *писавши* о такомъ, важномъ предметѣ, часто *перехожу*, въ веселый и сатирической слогъ? Чшожь мнѣ дѣлать? Вся, кой пишеть, какъ можешь, и я благодарю Про, видѣне, что оно одарило меня завидною долею, вездешни, невредной никому.“ — Никому и ничему — кромѣ его книги. Умѣстали, напримѣръ, еддующая *вылазка* противъ — *Юриспруденциі*: „Народоправители и воины часто оспиваяли ски, пещрь и мечъ, самая Богословія иногда, вмѣсто „Библии, занималась нотами, а иначе церковная „Музыка не достигла бы своего совершенства. „Евашерина, Фридрихъ, Іосифъ, Папа Ганганелли,

„Аббаты Гербертъ и Фоглеръ шрудились надъ Му, зыкою, какъ занятіемъ доставлявшимъ тысяче, крашное имъ удовольствіе. Одна только Юрис, пруденція презираешъ музыкальныи красоны, „какъ мраморная стѣна стрѣлы; ибо пандекты „непохожи на ноты, и судебная Палата весьма „далека отъ концертной залы.“ — Спрашиваемъ: какъ можно было сравнить пріятное Искусство, забавляющее чувства наши, съ важнѣйшею, священ, нѣйшею для человѣка Наукою, послѣ познанія Твор, да и таинствъ Его закона? Между ними нѣтъ ни, какого сравненія: за одно рѣшеніе *судебной Палаты*, которыи освобождается прішѣсенная невин, ность, возвращается достояніе или доброе имя должно обвиненному и ограбденному человѣку — съ олохою можно отплатъ всѣхъ *концерт, ныхъ залъ* въ свѣтъ! — Повторнемъ вышезло, женное мнѣніе наше: Г. Гесбъ придастъ книгѣ своей много цѣны, сдѣлаешъ ее гораздо полезнѣе и пріятнѣе для Читателей и заслужитъ въ боль, шей степени ихъ хвалу и признательность, если рѣшился ее передѣлать: расположить въ строгомъ систематическомъ порядкѣ, изключить всѣ лиш, нія разсужденія, толкованія, насмѣшки, сказочки, сатирическія замѣчанія и ш. п.; сокративъ періо, ды, въ каждомъ сказанъ что нибудь опредѣленное, и переписать всю книгу слогомъ проснымъ, я, снымъ и благороднымъ.)

48. † *Братевныи правила для мнимои смерти и скоропостижныхъ случаевъ. Иждивеніемъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества по цененому его Колитету. С. П. б. 1818. въ шип. Иверсена, въ 8 123 стр.*

(Сія важная Медицинская книга, сочиненная Г. Шатскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ *Ведоролѣ Карловичемъ Уденюмъ*, продается отъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, въ книжныхъ лавкахъ Сениныхъ по 3 р. — Деньги, выручаемыя продажею оной, назначено употреблять на *заведеніе снарядовъ для спасенія утопихъ*. Въ сей книгѣ, послѣ предварительныхъ разсужденій о томъ, что есть смертоподобіе, о возможно-

сти спасенія отъ мнимой смерти и пр., исчислены различныя виды смерти скоропостижной (поспръль меденный и острый; обмороженіе отъ угара, грома, удущипельныхъ паровъ, чаду и разныхъ испареній, удавленіе, уполненіе, замерзаніе, несчастныя проглатыванія и удушеніе отъ сильныхъ напращеній); по опредѣненіи каждаго вида, показаны его причины, дѣйствія, признаки и самыя удобныя, скорыя и простыя средства къ возвращенію жизни и здоровья тѣмъ, которые подверглись симъ несчастнымъ случаямъ. Въ достоинствѣ сей книги ручающся имя почтеннаго ея Автора, давно уже извѣстнаго ученому свѣту своими Медицинскими сочиненіями, и появленіе оной въ свѣтъ отъ имени знаменитаго Общества, имѣющаго благородною цѣлю безкорыстное, скорое и успѣшное вспоможеніе страждущему человечеству.)

49. † *Описаніе дѣйствія, употребленія и сохраненія пластыря минеральнаго-бальзамическаго, изобрѣтннаго и составленнаго Г. Прудниковамъ.* С. П. б. 1818 въ шип. В. Павильщикова, въ 12, 91 стр.

(Мы прочли съ большимъ любопытствомъ сію книжку, заключающую въ себѣ описаніе весьма важнаго изобрѣтенія въ ошечесствѣ нашемъ. Минерально-бальзамическій пластырь (испытанный и одобренный Медицинскимъ Съѣздомъ Министерства Полиціи) найденъ Г. Прудниковымъ по десятилѣтнихъ трудахъ. Польза онаго доказана исцѣленіемъ нѣсколькихъ тысячъ людей, страдавшихъ разными болѣзнями, между прочимъ самыми жестокими и по видимому неизлечимыми. Имена нѣкоторыхъ изъ сихъ особъ, съ означеніемъ ихъ болѣзней, исчислены въ сей книгѣ. Пластырь сей можешь бышь употреблять съ пользою въ мигрени, временной головной боли, насморкѣ, угарѣ, слѣпотѣ и шемношѣ, гноени и воспаленіи глазъ, глушотѣ, подгарѣ, ревматизмѣ, гонгарѣ или боли въ коленяхъ, хирагрѣ и шіяшкѣ или боли въ рукахъ, пальцахъ и плечахъ; въ ломѣ въ костяхъ, сведеніи жилъ, жабѣ, простудѣ головы и горла, флюсахъ, зобахъ и наростахъ, зубной боли, надорваніи живо-

ща, порчѣ желудка, спазмахъ, опивердѣлости груди, почечуѣ, водяныхъ опухоляхъ, рожѣ и золотухѣ, различныхъ ранахъ, мозоляхъ и аншоновѣ огнѣ, въ всякомъ ракѣ, желчи и разныхъ другихъ болѣзняхъ. Въ сей книжкѣ показано употребленіе пластыря сего въ сихъ различныхъ болѣзняхъ. *)

50. † *Опыты ебъ Поэзіи Б. Федорова.* Часть первая. С. П. б. 1818, въ шип. К. Крайя, въ 8, 152 стр. **)

(Въ семь собраніи заключающагося разныя піишическія произведенія — дирическія, повѣствовательныя и пр., въ которыхъ видны воображеніе, чувство, даръ Автора, предвѣщающіе въ немъ хорошаго Стихотворца. Многія стихотворенія въ семь собраніи можно прочесть съ истиннымъ удовольствіемъ. Жаль, что онъ, по видимому, пишетъ слишкомъ поспѣшно, и слишкомъ много, и печатаетъ все, что пишетъ. Одна небольшая пьеса, хороша обдуманная, правильно написанная, можешь принести болѣе чести Автору, болѣе удовольствія Читателю, болѣе пользы Лихерапурѣ, нежели томы *Опытовъ*. Намъ кажется, что Г. Федоровъ успѣдше всего занимается въ родѣ дирическомъ. Это можно видѣть и въ помѣщеныхъ выше стр.

*) Книжка сія продается въ Библиотекѣ для чтенія Г. Павильщикова у Снятаго мосту и въ книжной его лавкѣ, въ домѣ Балабина по 60 коп., а пластырь можно получать въ Аптекѣ Кеммерера въ Вознесенской улицѣ въ домѣ Порохова. Цѣна за фунтъ 25 р. Иногородные могутъ выпивывать не менѣе фунта, не прибавляя ничего за пересылку. Здѣшніе покушщики могутъ брать и по четверти фунта.

**) Сія опыты состоятъ будущъ изъ трехъ частей. Обѣ послѣднія выйдутъ въ непродолжительное время. Подписка принимается въ книжныхъ лавкахъ Глазунова, Заикина, Слещинныхъ и въ Магазиנѣ для чтенія В. Павильщикова. Цѣна за три части съ виньетами 15 р.

225) опрыскавъ изъ его Трагедіи *Юлій Цезарь*: въ нихъ есть прекрасныя — дирическія порывы мыслей и чувства, но недосидаешь кругомы и естественности разговора драматическаго. Надѣмся, что *Г. Федорова* не будетъ негодовать на насъ за сіи софты; мы видали его дарованія и желаемъ ему успѣховъ — не пѣть, къ которымъ ведутъ безмысленныя хвалы пріятелей-пратовъ или благосклонныя уаибки самозванцевъ-Меценатовъ, исторгнуныя еиміамомъ ассаи.)

С М В С Б

Письмо изъ Ростова отъ 12 Мая.

Девятое число наступающаго мѣсяца пребудете навсегда незабвеннымъ для жителей нашего города. Въ сей день Ея Императорское Величество Государыня Императрица *Марія Фёдоровна* удостоила оный Своимъ дарщениемъ. Благочестивѣйшаа *Матерь Благочестивѣйшаго* изъ *Монарховъ*, пламенѣя любовію къ Богу и горя усердіемъ къ Святымъ Угодникамъ его, предпріяла сей думъ съ шѣмъ единственно, дабы поклониться здѣшней Святыи и принести Всевышнему благодареніе за дарованіе Ей любезнѣйшаго Внука *Влаикаго Князя Александра Николаевича*. Въ 9 часу вечера Государыня Императрица прибывъ изволила съ небольшою свитою во предѣлы Ярославской Губерніи. На первой станціи имѣли счастье воспрѣтись Ея Величество *Ярославскій Гражданскій Губернаторъ Дѣйствительный Штатскій Совѣтникъ Политковскій* съ *Губернскимъ Предводителемъ дворянства Шолковникомъ Филатьевымъ* и сопровождавъ въ *Ростовъ*.

Улицы сего города, по коимъ сѣдовали экипажи, не взирая на глубокую въ шо время ночь, наполнены были многочисленнымъ всѣхъ состояній народомъ, и, не спозкою горѣя огнями, освѣщайшими шесспіе Монархینی, сколько жители пылали усердіемъ и любовію къ Царицѣ-Матери. Колокольный по всѣмъ церквамъ звонъ и радостное ура наполнили воздухъ и возвѣстили въздъ Ея Величества. Государыня Императрица остановилась въ пригошвенномъ домѣ *Купца Федора Мясникова* и въ ономъ ночлегу имѣла. На другой день ш. е. то *Мая Ея Императорское Величество* въ 7 часовъ утра была уже въ *Яковлевской монастырѣ*. Во вратахъ сей обители воспрѣчена Настоятелемъ съ братіею въ полномъ облаченіи, слушала въ Соборной церкви *Вожешвенную литургію*, молебень и прикладывалась къ мѣшнымъ образамъ и мощамъ здѣсь почитающихся *Угодниковъ Божіихъ Іакова и Димитрія Ростовскихъ Чудотворцевъ*. Послѣ, осмопрѣвъ до спомытностіи сего Монастыря и церковь, недавно сооруженную покойнымъ *Графомъ Н. П. Шереметевымъ*, ошправилась въ *городскій Соборъ*. Тушь воспрѣчена *Преосвященнымъ Антоніемъ* Архіепископомъ *Ярославскимъ и Ростовскимъ*, который, по пріѣхшвѣи крашкою рѣчку, предшествовалъ Ея Величеству въ *Соборный храмъ*, въ коемъ также прикладывалась къ образамъ и мощамъ Священней: *Леонтія, Псаіи, и Игнатія*. Изъ Собора посѣтила *Рождественскій дѣвичій Монастырь*, входила въ церковь съ обыкновеннымъ Ея Величеству благочестіемъ и осчастливила своимъ присутствіемъ *Игуменью* въ ея кельяхъ, гдѣ со всею снисходительною ласкою и оплочною пріѣтливостію жаловала къ рукъ всѣхъ сестеръ сего Монастыря и многихъ изъ нихъ удостоила разговоромъ. Послѣ изволила ошбыть въ ближайшіе загородные Монастыри: *Богоявленскій и Петровскій*, гдѣ почитаволь мощи, въ первомъ *Преподобнаго Авраамія*, а въ послѣднемъ *Петра Царевича*. Во всѣхъ сихъ мѣстахъ глубокое благоговѣніе къ Святыи и милошмивое вниманіе къ служилецамъ церкви, равно и ко всему народу ознаменоване *Высокою Посѣши-*

шелинцею во всемъ совершенствѣ. По возвращеніи въ домъ пребыванія, Государыня Императрица изволила принятьшь обоего пола Дворянство, также Чиновниковъ, Ярославское и Ростовское гражданскія Общества и всѣхъ жаловада къ рукѣ. Въ поденъ Ея Величество имѣла обѣденныи столъ, къ которому, кромѣ свиты, приглашены были Архіепископъ *Антоній*, Архимандритъ Московскаго Симонова Монастыря *Герасимъ*, Гражданскій Губернаторъ, Губернскій Предводитель Дворянства, Дѣйствительный Статскій Советникъ *Майковъ*, командующій 8 Архилерійскою бригадою Подполковникъ *Нестеровскій* и Подполковникъ *Меллибъ*. Государыня Императрица, пожаловавъ хозяйну дома бригаданшовой персонеѣ а хозяйкѣ серьги, и щедро одаривъ нѣкоторыхъ Чиновниковъ, въ исходѣ 2 часа по полудни отправившись изволила въ обратный путь въ вождѣльномъ здравіи, сопровождаемая шеплыми молищами Святыхъ Угодниковъ и искренними желаніями осчастливленныихъ присутствіемъ Ея Величества жищелей *Ростова*: да благословишь Воевышній Ея и весь Ея Августѣйшій Домъ!

2.

Долгомъ поставляемъ извѣстить Читателей нашихъ, что *Руская Исторія въ пользу воспитанія, сочиненная С. Н. Глинкою* успѣшно продолжается. Публика имѣеть уже въ рукахъ пятой и шестой томы ея, въ которыхъ заключающаея событія Россіи отъ преставленія *Рюрика* до кончины Царя *Федора Ивановича*, до единой державы *Петра Перваго*. *) Подробная кри-

*) *Руская Исторія въ пользу воспитанія* состоитъ будещъ изъ десяти томовъ. Подписная цѣна *пятидесяти рублей*. Седьмая часть печатается. По прекращеніи подписки, сочиненіе сіе продаваться будещъ по 75 р. Иногородные могутъ адресоваться въ Газетную Экспедицію Московскаго Почтамта.

ника *Историческіихъ* сочиненій иребуееть боге досуга, познанія и шанша, нежели сколько намъ удѣлено судьбою. Намѣреваясь возобновить въ памяти нашихъ Читателей сообщенныи нами прежде сего извѣстія о выходѣ въ свѣтъ первыхъ частей сего общепользнаго шворенія, удовольствуемъ выпискою нѣкоторыхъ мѣсть онаго и повтореніемъ искреннаго желанія, чшобъ родители и наставники обратили вниманіе свое на сію книгу, посвященную пользѣ ихъ дѣтей и воспитанниковъ!

1. Освобожденіе Брянска.

Къ освобожденію вѣрнаго города Брянска, внушри гибнувшаго отъ голода, а извнѣ спѣсняемаго врагами, Царь Василій отправилъ изъ Москвы Воеводу Князя Семена Ивановича Куракина. Для скорѣйшаго же вспомошествованія предписано было выступить изъ Мѣщовска Князю *Мосальскому*.

Сей усердной Воевода скорѣй пришелъ къ рѣкѣ Десятъ подъ Брянскъ. Липовцы, помогавше третьему самозванцу, спояли подъ стѣною и вдоль противоположнаго берега рѣки. Въмѣстѣ съ врагами и природа, казалось, вооружилась на вѣрныхъ сыновъ отечества. Хотя уже была глубокая зима, и осталось шолько десятии дней до Рождества Христова, но вода еще была велика и густой ледъ шель по рѣкѣ.

Какою лютою скорбію объяшы были Рускіе воины о жребіи храбрыхъ защитниковъ города Брянска! Кто поможетъ имъ перейти глубокую рѣку, одолѣть въ волнахъ ея спужу, оразиться со льдами и вратомъ?.. Но воины Московскіе слышатъ плачь и рыданіе изнемогающихъ защитниковъ Брянска: *помогите! мы погибаемъ!* Закипѣли сердца ихъ рвеніемъ и любовію къ погибающимъ братьямъ; призвали со слезами Бога, и единодушно возопили: *Лучше намъ всѣмъ погибнуть и умереть, нежели видѣть свою братью въ конетной погибели!* Одушевясь Богомъ и Вѣрою, Московскіе воины прощались другъ съ другомъ какъ братья, обрѣкше себя къ смертному часу для избавленія брашій ушѣ-

сневныхъ. Они единодушно бросающа въ рѣку. Сильной ледъ на каждомъ шагѣ грозитъ имъ погибелью; съ спрошиваго берега свистятъ пули. Богъ ведешь ихъ!

Уже воины Московскіе на другомъ берегу рѣки.. Вышли, всрепнулись, быстро наспушили на враговъ. Тщешно укрываются они въ окопы; вездѣ настигаютъ ихъ, ошовсюду гонятъ. *Полрельбъ за братій нашихъ, восклицаютъ они непрешанао, Богъ не оставитъ насъ!*.. Брянскъ освобожденъ; избавленные братья спешающа на встрѣчу къ братьямъ избавителямъ. *Вы спасли женъ и гадъ нашихъ, вѣщаютъ они.. — Мы лучше хотѣли умереть, нежели видѣть вашу гибель, отвѣчаютъ воины Московскіе.. — Богъ да наградитъ васъ!* восклицаютъ снова Брянскіе жители!.. *Богъ награждаетъ насъ; мы выручили братій нашихъ.*

Лѣтопись говоритъ, что неописанное мужество избавителей города Брянска превосходило всякое вѣроятіе, и что едва ли можно равный подвигъ сыскать въ Лѣтописяхъ иноземныхъ.

2. Подвигъ Ивана Сусанина.

..... Грозная штука скопчалась надъ главою юнаго *Михаила*. Поляки, продолжавшіе буйствовать въ Рускихъ областяхъ, узнавъ о единодушномъ избраніи на Престолъ *Михаила Феодоровича Романова*, рѣшились его погубить. Въ сіе время *Михаилъ* находился не съ матерью въ Плащской обители, но въ Коспромскомъ своемъ помѣстьѣ. Многочисленное скопище враговъ шуда усредилося. Уже убійцы не далеко были отъ нареченнаго Царя; но Богъ оградилъ его непобѣдимого стражей, любовью и сердцами Россіянъ. Враги, не зная куда итти, ошанаавливаютъ встрѣтившагося имъ крестьянина. Благодарность сохранила имя его: онъ назывался *Иваномъ Сусанинымъ* и былъ уроженцемъ Дворцоваго села *Долнина*. Различными околичностями разспрашивали они его о мѣстопребываніи *Михаила*. Остроумный *Сусанинъ*, проникавъ дельсь и коварство враговъ, ска-

заль: „Сступайте за мною, я проведу васъ въ Царское помѣстье.“ Скопище злодѣевъ спѣшило за нимъ. Великодушный *Сусанинъ* ведешь ихъ совсѣмъ въ прошивную сторону по лѣсамъ и по снгамъ глубокимъ. Ушомленные враги подкрѣпляются виномъ; *Сусанинъ* одушевляетъ вѣрою и вѣрностью. Къ полуночи очутились они въ непроходимомъ лѣсу. Злодѣи возрощали на *Сусанина*. — Ты обманулъ насъ! — воскликнули они. „Не я,“ отвѣчалъ *Сусанинъ*: „вы сами себя обманули. Долно миследи вы, что я выдамъ вамъ нареченнаго Государя. *Михаилъ Феодоровичъ* спасенъ; вы далеко отъ его помѣстья. Вошь голова моя; дѣлайте со мною, что хошите; поручаю себя Богу.“ *Сусанинъ* умеръ въ лютыхъ мукахъ и испязаніяхъ; вкорорѣ и убійцы его погибли.

(Окончаніе въ слѣд. кн.)

VI.

БЛАГОТВОРЕНІЯ.

36. „Вложенныя при семь *пять рублей* (5 р.) прощу доставивш. бѣдному Грузинцу, пришедшему изъ Палесины. Можеть бышь, сія отъ добраго сердца пущенная капля въ море привлечеть къ себѣ океанъ подобныхъ ей, 10 Іюня 1818.“
37. Отъ неизвѣстной особы получено для сего же Грузинца *двѣсти рублей* (200 р.)
38. „Нѣсколько Рускихъ, пронумы будучи несчастнымъ положеніемъ Грузинца *Ходжи Константина Джуджи* и невинно сраждающаго его семейшва, собрали въ пользу ихъ *двѣсти рублей*, которые при семь препровождаютъ. М—лъ Як—левъ С.р.р.р.б.
Іюня 12. 1818.

Сии деньги ошправлены Издашею къ Г. Надворному Совѣшнику *Лыкову*. Три семь можешь оны известить почтенныхъ соотечественниковъ, что несчастный Грузинецъ получать уже (крѣмъ силъ денегъ) до *тысячи рублей*, и ожить надеждою искупишь родныхъ своихъ!

Издашея получилъ отъ неизвѣстной особы изъ Москвы *двѣсти рублей* (200 р.) на искупленіе мѣщанина *Петра Алексѣева*. см. 20 и 23 кн С. О.) но такъ, какъ сей мѣщанинъ уже освобожденъ, шо оны просить неизвѣстнаго благотворителя распорядить сими деньгами. Оны принимаешь смѣлоше просишь его о вспоможеніи ими одному несчастному ошцу семейства, содержащемуся въ тюрьмѣ, обь имени и обстоятельствѣхъ коего оны объявишь, получивъ позволеніе ошдать въ его пошзу сии деньги.

ИЗВѢСТІЕ.

Подписка на получение *Сына Отечества* во второй половинѣ сего 1818 года, принимаешся въ типографіи Издашея, въ большой Морской дѣломъ Г. Антонова подъ No 125 и въ книжныхъ лавкахъ Гг. Плавильщикова, Слениныхъ, Глазунова и Зайкиныхъ. Изгородные благоволяшь адресовашся въ Газетную Экспедицію С. П. б. Почтамта. Цѣна за полугодное изданіе (или 26 книжекъ) дѣ С. Пешербургѣ 15 р., съ пересылкою 17 р. 50 коп. За доставленіе, въ дома прилагается по 3 р. въ полгода.

(21 Июнѣ.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1818. № XXVI.

I.

ДУХОВНОЕ КРАСНОРЪЧІЕ.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ РЪЧИ БОССЮЭТА
НА СМЕРТЬ

ГЕРЦОГИНИ ОРЛЕАНСКОЙ. *)

(Генриѣта-Анна, Герцогиня Орлеанская, дочь Карла I Короля Англійскаго, испышала, отъ самаго рожденія своего, всѣ бѣдшвія, каковымъ подвержено было семейство сего несчастнаго Государя. Когда Карлъ II, братъ ея, вступилъ на разрушенный Кромвелемъ ошеческій престолъ; сие непредвидѣнное событіе перемѣнило такъже судьбу Принцессомъ, провождавшей дошолъ жизнь уединенную. Она сочешалась бракомъ съ Герцогомъ Орлеанскимъ, брацомъ Лудовика XIV и учинилась чрезъ сие посредницею двухъ сильныхъ Монарховъ. Но не долго наслаждалась она своею славою. Ошклонивъ брата своего отъ шройнаго союза противу Франціи, она скончалась, вскорѣ по возвращеніи своемъ изъ Англій, во цвѣтѣ лѣтъ. Исполненная необык-

*) Переводчикъ швореній Боссюэта поручилъ намъ помѣстить въ С. О. сей отрывокъ одной изъ превосходнѣйшихъ рѣчей знаменитаго Орашора — чшобъ узнать мнѣніе публики о его шрудѣ. Съ удовольствіемъ исполняемъ его желаніе. *Изд.*

новенных превращенней жизнь, и преждевременная смерть сей могущественной Государыни послужила основаніемъ одной изъ лучшихъ рѣчей знаменитаго Вишии. Въ сей рѣчи особливо изображаетъ онъ со вѣсьмъ жаромъ сильнаго и стремительнаго краснорѣчія суешу дѣль человеческихъ и ничтожность земнаго величія.)

Суеша суестствій, всягеская суеша.
Еккл. Гл. 1. ст. 2.

Государь!

И такъ мнѣ еще суждено воздасть послѣдній долгъ знаменитой Принцессѣ Генриеттѣ-Аннѣ! Она недавно внимала словамъ моимъ при гробѣ своей матери, а нынѣ надъ ея хладнымъ прахомъ мы подобно бесѣдуемъ; и мой печальный голосъ сохраненъ на сіе плачевное служеніе. О суеша! о ничтожество! о смершныя, невѣдущіе судьбы своей! Помышляла ли она, чшо столь рано возляженъ на сей спрашный одръ смерши! И вы, слушатели; видя ея проливавшую слезы на семь мѣсцѣ, представляли ли въ умѣ своемъ, чшо скоро ея здѣсь оплачете? Принцесса, доспойная удивленія двухъ великихъ Государствъ! уже ли Англія, снѣшующая о швоемъ опбышнн, должна нынѣ слышать горестную вѣспѣ о швоей смерши? Уже ли Франція не

могла съ другимъ великолѣпиемъ встрѣпить тебя, возвращающуюся изъ сего знаменитаго пушешествія, въ которомъ пріобрѣла ты поликую славу и поликія надежды? „Суеша суестствій, и всягеская суеша!“ Сіи одни слова, сіи одни помышленія внушаютъ мнѣ справедливая и чувствительная горесть Я не нахожу другихъ словъ, приличнѣйшихъ насюящему предмету; но мнѣ, кажется, Екклезіастъ еще не довольно изобразилъ ими суешу міра. Изображая одно бѣдствіе, я хочу изобразить всеъ злосчастія рода человеческого, и одною смершію показать плѣнь и ничтожество всего величія нашего. Ибо никогда суеша міра не была столь явственна видима, ниже столь порожественно изобличаема. Такъ, сіе зрѣлище увѣряетъ насъ, чшо здравіе естъ одно имя, жизнь — сновидѣніе, слава — одинъ призракъ, красота и удовольствіе одно опасное прельщеніе. Все суешно въ насъ, кромѣ искренняго предъ Богомъ признанія суешы нашей, кромѣ сего помышленія, чшо мы должны презирать все бышіе наше.

Но истинны ли слова мои? Уже ли человекъ, сотворенный по образу Божию, есмь одна шѣнь щещина? Уже ли ничтоженъ шощъ, котораго взыскашъ Спаситель низшелъ на землю, и благоволилъ искупить своею кровію? Нѣшъ, мы заблуждаемъ: сіе печальное зрѣлище суешшвій челошческихъ шрельщало насъ; и внезапная смерть Государыни, пресѣкая надежды опечешства, поразила сердца наши чрезмѣрною горешію. Не должно челошкѣ презирашъ себя; помышля шъ нечештивыми, чшо жизнь сія ешъ шокмо игралище случая, онъ будетъ влачшъ ее по волѣ слѣпыхъ вождельншй. Для сего Екклешасшъ, начиная божешственное ученіе свое словами, мною приведенными, и внушая всюду презрѣніе къ суешамъ міра, показываешъ наконецъ нѣчшо посшоанное, и заключаешъ шакъ бесѣду свою: „Бога „бойся и зановѣди его храни, яко сіе всякъ „челошкъ: яко все швореніе приведетъ Богъ „на судъ о всякомъ погрѣшеніи, аще благо „и аще лукаво.“ *) Такимъ образомъ всѣ

*) Еккл. XII. 13, 14.

дѣла наши суешны, когда мы служимъ міру; и всѣ благи, когда исполняемъ свои обязанности предъ Богомъ. Всѣ дѣла наши суешны, когда ограничимъ ихъ предѣлами сей временной жизни; но всѣ благи, всѣ спасительны, когда шворимъ ихъ для вѣчности, и помышляемъ объ опшвѣшъ, которшй должны опдашъ въ оныхъ. И шакъ, разсудимъ нынѣ предъ симъ олшаремъ и предъ симъ гробомъ о первыхъ и послѣднихъ словахъ Екклешасша, — изображающихъ и ничтожество и величіе челошка. Да сей гробъ убѣдитъ насъ въ ничтожество наше; и сей олшаръ, на коемъ приносшся за насъ ежедневно многоцѣнная жершва, покажетъ намъ наше досшонство. Оплакиваемая нами Государыня послужитъ убѣдштельнымъ доказательствомъ шой и другой истинны. Разсмотримъ, чего лишила ее смерть внезапная, и чшо благочештивная смерть даровала ей. Такимъ образомъ мы научимся презирашъ все, оставленное ею безъ сожалѣншя, и возлюбимъ шю, чшо избрала она съ Хриешіанскимъ усердіемъ, когда душа ея, забывъ все земное, и возлетая въ горяя;

узрѣла свѣшь невечерній. — О сихъ испи-
нахъ будемъ нынѣ бесѣдовать, знамениыше
слушатели. „Смертію умремъ,“ говоришь
мудрая жена, похваляемая въ Писаніи, *)
„и всѣ спидемъ во гробъ, яко вода низхо-
„дѣющая на землю.“ По истинѣ, мы всѣ по-
добны пекущимъ водамъ. Всѣ люди, самыя
гордые своими шиплами, имѣють одно на-
чало; и сіе начало маоловажно. Лѣша ихъ
спремѣяса одни за другими, какъ волны;
пропекають невозвратно; и, наконецъ, съ
большимъ или меньшимъ шумомъ, прошедъ
большее или меньшее пространство, сли-
ваются въ единой пучинѣ, гдѣ не распозна-
ются уже ни Князи, ни Царіе, ни всѣ оныя
высокія званія, различающія смертныхъ: по-
добно какъ великія рѣки оспаются безъ
имени и славы, смѣшавшись въ океанъ съ
неизвѣстными источниками.

(Потомъ изобразивъ высокій родъ и добродѣ-
тели Принцессы, Ораморъ заключаетъ похвалу ея
седми словами: Она скончалася въ то время, когда
довѣріе къ ней двухъ могущественныхъ Государей
возносило ее на верхъ величія и славы).

Величіе и слава! можемъ ли мы еще
произносить сія громкія слова при семъ

*) 2. Цареш. XIV. 14.

порожествѣ смерти? Нѣшь, слушатели, ими-
шокмо ослабляется гордость человѣческая,
дабы не видѣть своего ничтожества. Время
познашь намъ, что все смертное, какъ бы
ни спарались его возвеличить, уничижаеш-
ся по существу своему. Для сего — не глу-
бокія мысли Философа, не наставленія уеди-
неннаго инока — приведу здѣсь; я намрениъ
поспыдишь міръ шѣми, которыхъ самъ міръ
чпипишь съ большимъ ошличіемъ, шѣми, ко-
торыя лучше другихъ знаютъ его, — и
изобличу его гласомъ сѣдѣющихъ на престо-
лѣ. „О Господи, взываетъ порфиноносный
Пророкъ, се пади положилъ еси дни моя, и
„сославъ мой яко ничтоже предъ тобою.“¹⁾
Такъ, Христіане, все временное имѣетъ
конецъ, и все рожденное конечнымъ спре-
мившись къ разрушенію отъ самаго рожденія
своего. Если сославъ нашъ ничтоженъ;
то что значить все прочее въ жизни чело-
вѣческой? Зданіе не бываетъ шверже своего
основанія, и случайность вещи не можетъ
быть постояннѣе самой вещи. Когда уни-

1) Псал. XXXVIII. 6.

зла насъ природа, шо возвысншь ли счастье? Представше въ умъ своемъ самыя блистательныя ошличія міра сего; вы не найдете знаменнше того, которое побдишеля возноситъ надъ побжденными. Но гордый побдишеля шакже падешъ подъ ударомъ смерти. Тогда несчастные — побжденные, видя его въ одной съ ними земной ушробъ, воззовушь къ нему изъ глубины могилъ своихъ симъ укоризненнымъ гласомъ: „И ты плъненъ еси, якоже и мы, и въ насъ вмъненъ еси.“ 1)

Но можешъ бышь высокій умъ, великія предпріяшя, обширныя замыслы, ошличашъ насъ ошъ прочихъ? Блюдишесь, не предавашесь сердцемъ сей мечшъ опасной; ибо все мысли наши, немущія предметомъ Бога, сущъ область смерти. „Изыдешъ духъ его, говорншь Царь-Пророкъ, и въ шой день погибнушь вся помышленія его:“ 2) ш. е. помышленія завоевашелей, помышленія пошшниковъ, объемяющихъ намъренія свои

1) Ис. XIV. 10.

2) Псал. CXLV. 4.

ми весь міръ. Они ограждають себя безчеленными предоспорожностями; все предвидяшь, кромъ смерти своей, которая въ одно мгновение пресъкаешъ все ихъ замыслы. Для сего-шо премудрый Царь, исчисляя суеты, ими же шруждаються сыны человеческіе, не изьемлешъ изъ нихъ самой мудрости. „И призрѣхъ азъ, говорншь онъ, видѣши мудрость, и видѣхъ, яко и сіе суета;“ 1) ибо мудрость земная, заключаешъ въ области плъннн, поглощашся въ ничтожешшь со всеми плънными вещами. Почему, изборазивъ вамъ великія качества Принцессы, удивлявшія свѣшъ, я не сказалъ ничего въ похвалу ея. До самаго шого времени, какъ увидимъ ее предающуюся единому Богу, сія знаменншая Государыня будешъ шокмо служншь разншельнымъ примъромъ для честолюбцевъ, чшо не можно ошличншься ни богатствомъ, ни знанношю, ни разумомъ. Зане смерть, на все просширающая власть свою, сокрушашъ рукою скорою и сильною самыя превознесенныя главы.

1) Еккл. 11. 12—14, 15.

Воззрите, слушатели, на сихъ владыкъ міра, предъ копорыми кажемся мы споль малы. Тогда, какъ мы шрепещемъ предъ лицемъ ихъ, Богъ поражаетъ ихъ для нашего назиданія. Онъ возводишь ихъ на высоку величія, дабы паденіемъ ихъ научишь народы. Не возропшите, Хрисціане, внимая мнѣ, что и Принцессу избралъ Богъ для подобнаго урока. Здѣсь нѣтъ ничего жестокаго; Онъ спасаетъ ее нѣтъ самымъ ударомъ, которымъ вразумляешь насъ. Мы должны бышь уврены въ нашемъ ничтожествѣ; но если сердца наши, обольщенные прелестію міра, шребуюшь ударовъ непредвидимыхъ: шо сей и довольно великъ и довольно спрашенъ. О ночь злополучная! о ночь ужасная! когда, подобно громовому удару, разнеслась сія пагубная вѣсть: Принцесса умираетъ! Принцесса умерла! — Кто изъ насъ не чувствовалъ себя сполько пораженнымъ, какъ бы нѣкій плачевный рокъ осирошил наше собственное семейство? При первомъ слухѣ о семъ нечаянномъ бѣдшвіи, всѣ спекаются, всѣ волнуяшся и мянушся. Повсюду слышны вопли, повсюду видимы скорбь и опчаяніе,

и образъ смерти. Царь, Царица, весь Дворъ, весь народъ, — всѣ въ сокрушеніи, всѣ безнадежны. И мнѣ кажется, вижу исполненіе словъ Пророческихъ: „Царь, „восплачетъ и Князь облечется въ пагубу, „и руки людей земли разслабюють ошъ „скорби и изумленія.“ 1)

Но и Князи и народъ, рыдали шщечно. Тщечно супругъ, шщечно самъ Царь держали Государыню въ своихъ шъсныхъ объятіяхъ. Тогда могли они сказать съ Св. Амвросіемъ: „Сжималъ мышцы мои, но уже шерялъ шо, что заключалъ въ нихъ.“ 2) Принцесса разлучалась съ ними на вѣки среди споль нѣжныхъ объятій, и могущешвенная смерть похищала ее ошъ насъ изъ ихъ Царскихъ рукъ. Увы! ей надлежало скончашься споль рано! Большая часть людей испытываютъ перемѣну въ здравіи своемъ мало по малу, и смерть готовишь ихъ шспешенно къ своему послѣдному удару. Но Принцесса прешла ошъ ушра къ вечеру

1) Іез. VII. 27.

2) Рѣчь на смерть Фр. Саш. кн. I. ст. 19.

жизни своей, яко цвѣтъ сельный. Поупру ей нѣжный цвѣтъ блистать во всей красотѣ своей; ввечеру — увядъ на вѣки. Се она, и любимая и почитаемая ошь всѣхъ Государыня! се она, проспершая подь рукою смерти! Еще сіи останки являютъ нѣкую пѣнь ея прежней красоты, — еще напоминають намъ о томъ мгновеніи, когда разлучался съ ними духъ ея..... Но скоро лишимся и сего печальнаго утѣшенія, взирашь на охладѣвшія черпы лица ея. Она снидесть въ пѣть мрачныхъ обителю, въ пѣть жилища подземныя, гдѣ прахъ ея почиеть съ великими земли, — съ сими Царями и Князи уничиженными, между которыми едва оспашеся мѣсто для ея погребенія. Сполько ежашы памъ спенени; сполько смерть неупомима въ наполненіи оныхъ. Но здѣсь воображеніе наше заблуждаеть еще. Смерть весьма мало оспавляетъ пѣтъ, занимающихъ какое либо пространство; и одни гробы соблюдаютъ нѣкошорый видъ. Наша плоть измѣняется; наше пѣтъ получаетъ другое названіе. Но самый шрупъ, послелку онъ являетъ еще нѣкій образъ челоуѣка,

скоро разрушается. Онъ спановишься невѣдомо чѣмъ-шо, не имѣющимъ уже наименованія ни на какомъ языкѣ. Сполько истинно, что все въ насъ смертно, — даже и пѣть печальныя слова, которыми оплакиваемъ сіи пѣтъныя останки.

Такъ всемогущій Богъ, праведно раздраженный нашимъ киченіемъ, обращаетъ насъ въ ничтожество, и, изглаждая всякое различіе званій, оспавляетъ ошь всѣхъ насъ одну персть. Можно ли созидать на семь брени? Можно ли утверждать какое великое предпріятіе на семь скудельномъ основаніи? Но что? уже ли должны мы предаваться опчаянію? Обращающей во прахъ все величіе наше, уже ли ошьемдесть у насъ всю надежду? Уже ли Богъ, безъ воли коего не погибнуть малѣйшія частицы пѣтъа нашего, — въ какія бы ошдаленныя спраны міра ни занесла ихъ буря спраспей нашихъ, уже ли попустишь Онъ безъ помощи погибнуть лучшей швари своей, могущей познавать и любить его? Здѣсь новый образъ вещей представляется взору моему; пѣтъни смерти разсылаются: „ошверзаются мнѣ шуми живо-

ша;“ 1) Принцесса уже не во гробъ; смерть,
все разрушавшая, все возславляемъ. Се шай-
на словъ Екклезіаспа! — Разсмотримъ ихъ
основательнѣе.

Ив. Пеннискій.

II. СТИХОТВОРЕНІЯ.

I. СТИХИ,

ПВТЫЕ ВОСПИТАНИЦАМИ ЕКАТЕРИНИНСКАГО Ин-
СТИТУТА, по случаю возвращенія въ Санкт-
ПЕТЕРБУРГЪ Ея Величества ГОСУДАРИНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ. *)

Х о р ь.

Умчались часы разлуки :
Мы слышимъ нѣжный разговоръ ;
Мы видимъ Твой небесный взоръ ;
Ты снова къ намъ простерла руки.

А р і я.

Царица, радость нашихъ дней!
Ты здѣсь въ кругу своихъ дѣшей!
Глядя на образъ Твой священный,
Мы всѣ весельемъ упоены.

1) Псал. XV. 10.

*) Музыка сочинена Г. Кавосолъ.

Х о р ь.

Умчались часы разлуки :
Мы слышимъ нѣжный разговоръ ;
Мы видимъ Твой небесный взоръ ;
Ты снова къ намъ простерла руки.

А р і я.

И сердце бьется въ насъ сильнѣй
И тихо грудь препещеть,
И умиленный взоръ свѣшай
Слезой восторга блещеть.

Х о р ь.

Умчались часы разлуки :
Мы слышимъ нѣжный разговоръ ;
Мы видимъ Твой небесный взоръ ;
Ты снова къ намъ простерла руки.

А р і я.

Сей тихій, прогашельный часъ
Надолго удалишь отъ насъ
Печали разлученья!
Доколѣ будемъ мы дышатьъ,
Сего часа намъ не предашь
Глухому сну забвенья.

Х о р ь.

Умчались часы разлуки :
Мы слышимъ нѣжный разговоръ ;
Мы видимъ Твой небесный взоръ ;
Ты снова къ намъ простерла руки.

Ф и н а л ь.

А р і я.

Мы молимъ пламенной мольбой,
Да на Тебя прольешь рѣкой
Всѣ радости Создатель!

Да будешь вѣчно надъ Твоей
Любовь и сладостной покой,
Всѣхъ благъ земныхъ подаешь!

Х о р ъ.

Умчались часы разлуки:
Мы слышимъ нѣжный разговоръ;
Мы видимъ Твоей небесный взоръ;
Ты снова къ намъ просперла руки!

Вильгельмъ.

2.

Отрывокъ изъ Комедіи СТРАСТЬ КЪ СТИХОТВОРСТВУ.

(Подражаніе Пирону.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Явлѣніе 3.

Графовъ и Простодумъ.

Простодумъ.

Ужь только я воздамъ
Тебѣ, племянничекъ, за то, что поиграю!
Зачѣмъ люблю его? но Богъ съ нимъ! *(Графову)*
Ролю знаю.

Графовъ.

И я не позабылъ о дѣлѣ, братъ, швоемъ.
Да будь же веселѣй! вѣдь первый разъ во всемъ,
Лиха бѣда начашъ — а шамъ полюбишь, милый!
Дай намъ узнать швой способности и силы;
Ты можешь будешь намъ опорой и сполбомъ
И вшанешься, какъ всѣ. Вѣдь въ свѣтѣ здѣсь боль-
шомъ
Вездѣ теашръ: вся знашь, всѣ мошны, щеголихи,
Кокешки, шаркуны, насмѣшницы вралихи,

Всѣ, всѣ, не чувшвуя искусною игрой
Усердно, бѣдные, смѣются надъ собой.

Простодумъ.

Признашься, не смотря на лѣтъ и опвораченіе
Къ Теашру, я нашель однакожь ушѣмене:
Мнѣ сходшва опраннаго нѣшъ ничего смѣшнѣй
Со мной и ролю забавною моею. —
На сына шауна отецъ краснорѣчивый
Грешить, какъ бы Катонъ, въ сердцахъ велерѣчи-
вый; —

И за него шумѣшь шеперь согласенъ я,

Графовъ.

А сынъ сыграеть шакъ, какъ лучше ужъ нельзя.
Я за шебя же радъ; поваришь шупъ поможешь;
Одинъ другому все испоршишь, скрасишь можешь.
И если бѣ онъ былъ здѣсь....

Простодумъ.

Ужь я бы радъ былъ.

Графовъ *(клещетъ слугу)*.

Гей!

(Слуга входитъ).

Проси Надзвѣздова. *(Слуга ушелъ.)* Ну спашъ про-
шивъ дверей;

Онъ шакъ войдетъ; а шы, опнюдь не ожидаа,
Не вспомнись, изумись, повѣсу повспрѣчай!
Онъ, съ лекціи идя Орашорской къ себѣ,
Иль хощъ и не опшоло, но гдѣ равно шбѣ
Не люблю, чтошбъ онъ былъ, — съ шобою здѣсь сполк-
нется —

Тушь каждый шакъ изъ васъ въ сердцахъ и за-
шрасешся!

Опъ удивленія ни шы, ни швой сынокъ
Не въ силахъ вымошвить ни слова. — Ашь, дружокъ!
Что скажешь? какво мое изобрѣшенъе?
Что скажешь: какво? — Ну самъ я въ восхищенъи!

Я в л е н и е 6.

Т ѣ ж е и И п о к р е н ь .

Г р а ф о в ь (Ипокрену).

Вошь онъ ужъ вашего ошца взялся играть
И ролю вышвердилъ. — Извольте начинатьъ.

(Примѣвая удивленіе Простодума)

Тѣфу пропасть! хорошо! прекрасно! bravo, bravo!
Нельзя искуснѣ! нельзя почести, право!
Лицемъ онъ говоришь — ну что свои слова!

(Ипокрену.)

Вы удивились изрядно же сперва;
Но разсмѣялися, — а это негодится.
Вамъ должно покраснѣть, пошупишься, слыдишься.

П р о с т о д у м ь .

Да при себѣ и я мѣшаюсь.

И п о к р е н ь .

Тутъ всегда

Сбиваетъ шрешіе лице.

Г р а ф о в ь .

Такъ, господа,
Прощайте. (Ипокрену) Вы впередъ шапаншомъ не
гордишься.

Учишься у него; да, да, сударь, учишься.

(Простодуму)

Тобой доволенъ я! ужъ славно!

И п о к р е н ь .

Хоть куда.

Я в л е н и е 7.

П р е ж н і е к р о м ь Г р а ф о в а ,

П р о с т о д у м ь (вѣ сторону.)

Глупѣ случая не выйдешь никогда.

И п о к р е н ь .

Вы ль это, дядюшка! ах! я въ недоумѣннѣ!
О мѣсто милое! о сердца восхищеннѣ!
Свиданья нашего спокрасть блаженный часъ!
Одно занятіе соединяешь насъ!

П р о с т о д у м ь .

Брось шушки, я хочу поговорить съ шобокъ
О дѣлѣ —

И п о к р е н ь .

Что же вы намѣрены со мною
Изъ роли говоришь, иль сами по себѣ?

П р о с т о д у м ь .

Твой дядя, Простодумъ, я говорю себѣ.
Такъ ты, племянничекъ, въ столицѣ поживаешь?
Зачѣмъ Надзвѣздовымъ себя ты называешь?
Пралично ли избрать родъ жизни шутовской?
Въ какихъ бесѣдахъ ты? и въ школахъ —

Ипокренъ (перебивая).

Мы одной.

Но я васъ выслушалъ; и такъ, сударь, шернѣннѣ!
Я могъ бы попросить и самъ здѣсь объясненнѣ;
Но прежде ролями занявшись мы должны;
А зрителимъ, что въ шумѣ, что мы разсержены?

Простодумъ (замалчившись тростью.)

Вошь я шебѣ, шалуни!

И п о к р е н ь .

О сударь! я въ смященнѣ!
Какъ позволяешь себѣ шоль быстрое движеннѣ?
Или забыли вы, что шруппы мы одной
И всѣ равны у насъ!

Простодумъ (вѣ сторону.)

Съ сѣбою головой
Сдурачась, уступай малчишкѣ!

И покрень.

Веселѣ!

Товарищ! повториай, что думашь — ну смѣлѣ!

Простодумъ (въ сторону).

Онъ разсмѣшилъ меня — я не сердитшъ.

И покрень.

Чтожъ, другъ!

Начнемъ — чего еще теряешъ злшой досугъ?

Я сынъ, а шь отецъ

Простодумъ.

Да, да, отецъ конечно;

Какъ онъ, люблю себя, хочу добра сердечно;

Богатство все во мнѣ себя оставилъ братьшъ;

Какихъ мнѣ отъ тебя въ награду ждашъ опрады
За нѣжностъ, за любовь, за всѣ мои шаравья?

И покрень.

Я ваши не забудь опнюдь благодѣянья.

Въ младенческѣ еще я вами сохраненъ!

Къ вамъ благодарностью исполненъ Ипокренъ

Собой порадовашъ васъ хочешъ — и за славой
Во храмъ Безсмертнй дерзуюъ.

Простодумъ.

За чѣмъ лукавой,

Зачѣмъ несешъ себя въ проклятой эшонъ храмъ,

Гдѣ всѣ работающъ лишъ съ горемъ попадаемъ, —

И дымомъ глуное щеславие питающъ.

Какихъ награды себѣ, безумцы! ожидающъ?

Послушайся, поди дорогою иной;

Но чтобъ и здравый смыслъ согласенъ былъ съ
тобой.

Что бышь единственнѣмъ, довольно опличись!

Не лучше ли къ дѣламъ Гражданскимъ обратись,

Вишійснвовашъ въ судахъ —

И покрень.

Въ судахъ!

Простодумъ.

Сиротъ и вдовъ.

И бѣдныхъ ограды, законами покровъ

Гонимымъ подавашъ — и славно и похвално!

Въ трудахъ полезныхъ жизнь ни скудно, ни печально

И скромно проведешъ и будешъ не судьбъ

Доспашкомъ, именемъ обязанъ, самъ себѣ.

И покрень.

Для волъ грознаго и гордаго Поэша

Одинъ дороже лавръ всего богатства свѣша!

Сколь крапокъ въкъ суды! остался ль хоть одинъ.

У Россовъ въ памяти Фемиды древней сынъ?

Бояре и дѣки во мракѣ всѣ сокрышы;

Но долѣ ихъ живушъ въ преданнхъ Пшмы;

И Тредьяковскаго чинаемъ мы пруды!

Пушъ въ Римѣ, Греци прославились суды;

Но ихъ ни ябеда, ни кознь не одашамъ;

Тамъ краснорѣчнемъ законы подкрѣпляли.

И я шогда дѣя забудь для прозы стращъ къ опш-
хамъ.

Теперь же предпочту Поэзю правамъ.

Съ бессмертною воспарю отважно къ Геликону!

Такъ! подвергаюся благихъ Искусствъ закону!

Рвшуюся служишъ — во храмъ Пшеридъ;

Палаша мнѣ — театръ, достоинствъ — мой щитъ,

Зерцало — истина, предметомъ — добродѣтель,

Пошомство — судя, мой въкъ — прудовъ сви-
дѣтель.

Простодумъ.

Мнѣ чувствашъ нравяшъ такая, Ипокренъ!

Ты съ благородною душою въ свѣтѣ рожденъ;

И я упошреблю все у двора старане,

Чтобъ Камеръ-Юнкера себѣ доставишъ званье;

А близокъ къ знаши славъ, получишъ шь скорѣй

Чинъ, мѣсто знанное. На поприщѣ честей

Ты будешъ правды другъ, безвинныхъ благодѣтель.

И покрень.

Нѣтъ, нѣтъ! я слабъ! хоть чшу свяшую добродѣ-
тель;

Но не могу еще благой быть другомъ я.
 Сколь дивенъ праведный, безспасный судія!
 Предъ нимъ въ сравнени, какъ малъ и самый воинъ!
 Пусть, жизнью жершвуя, безмертвья онъ достойнъ:
 Спрашася презрѣннѣ, онъ презираетъ страхъ!...
 Но видѣть женщину предестную въ слезахъ,
 Въ ошчаяннѣ, у ногъ, молящую красотою —
 Съ какою жестокою шумъ должно быть душою,
 Чтобы не тронуться, чтобы не податъ руки,
 Чтобы не послушишь законамъ вопреки?
 Нѣшь, нѣшь! я слабъ! я слабъ!... Пусть злато пре-
 зираю,

Красу боготворю!... На лиръ прославляю
 Героевъ подвиги, и самъ пѣвецъ молодой
 Съ безмерными себѣ по смерти вѣковой
 Воздвигну памятникъ — козь жребій мой преде-
 стень! —
 Увы! но я еще не славенъ, не извѣстенъ;
 А мнѣ уже давно минуло двадцать лѣтъ;
 Еще я ничего не произвелъ на свѣтъ;
 А звучно въ сихъ годахъ гремѣлъ ужъ Ломоносовъ.
 Херасковъ — нашъ Омеръ, Державинъ — слава
 Россю.

Простодумъ.

Безумецъ! позабудь шоль льстивыя мечны!
 Иль думаешь когда сравняшься съ ними ты?
 Ахъ! лучше поприще шоль скользкое оставишь.

Ипокривъ.

Кто робокъ, не дерзнетъ во вѣкъ себя прославить!
 Безмертвье не плещетъ боязненнымъ вѣнцы!
 Всѣ міра дивные учители-пѣвцы
 Училией равно предшечами имѣли,
 Которымъ въ свѣдѣ, какъ я, омилясь пошѣли.

Простодумъ.

Уже ли нѣшь конца искусства красотахъ?
 Не всѣ ли по одиѣмъ спремитесь вы спезямъ?
 Гдѣ прежде на поляхъ богатыи жашвы браамъ —
 Ужъ нѣчего пожашъ.

Ипокривъ.

Пусть многое сказали
 Писатели до насъ, лишь почти всего
 Праправнуковъ своихъ; но эшо ничего!
 Мы также не скупись, испрашимъ осальное,
 И наши правнуки останутся въ покоѣ. —
 Имъ будеть не надъ чѣмъ ломать ужъ головы.
 Я чувствую восторгъ! о радости!... Но увы!
 Писателямъ по мнѣ, имъ всѣ шруды безъ плаши!

Простодумъ.

Такъ погибай съ швоею окошкою, проклятый!
 Дрожь, голодъ выноси — пиши и попѣвай.
 Пусть нужду вышерпишь; еще ты ожидай,
 Чшо рано ль поздно ли, а наконецъ останешъ
 Онъ сшихобсиа, себя сшидидишь спанешъ;
 Но прежде множество ты испытанъ бѣдъ.
 Рѣфмокропателей изрядно цѣнишь свѣтъ!
 Въ рѣшеніяхъ онъ спрогъ, приспращенъ, своенра-
 вень —

И будешь, Мешроманъ! обруганъ обезславенъ,
 Осмѣянъ, оглашенъ вездѣ, во всѣхъ лискахъ,
 И имя загремишь швое на площадяхъ,
 Въ журналахъ, кришикахъ, саширахъ, — какъ ужа-
 сно!

Бышь можешь сыщется какой одинъ несчастной
 И станешъ жалкіе швои списи чпшашъ,
 Изъ сожалѣннѣ хвашишь, пошомъ зѣвашъ,
 Зѣвашъ и... надъ сшихомъ послѣднимъ засыпаешъ.
 Пошомъ жестокая судьба шебя сравняешъ
 Гонителей швоихъ съ презришельной толпой,
 И вирши всѣ и бранъ покроешь вѣчной мглой.

Ипокривъ.

Чшо можешь пласкъ валовъ предъ грозною скакою?
 Иракль непобѣжденъ Пигмеевой рукою!
 Съ спокойствіемъ Олимпъ на пламя Эшны зришь!
 Зоня Омера блескъ и славу не затмишь!
 И лавръ Димширія *) любезный Музамъ, Фебу

*) Донскаго. Трагедія Озерова.

Съ Парнасской высоты восходишь гордо къ небу!

Простодумъ.

И шакъ! ты все презрѣлъ: страхъ бѣдность, стыдъ
и трудъ?..

Ну — пусть твои стихи тебя переживушь,
Пускай при жизни всё твой славяшь даръ полез-
ной,

Гордись; но трепещи! уже ты сталъ надъ бездною:
Безсмыслство чуждое тебѣ въ порокъ вмѣняешь,
Подъ именемъ твоимъ браню злую разгласяшь,
Ты будешь осужденъ, лишенный прежней славы. —
Кто защитишь тебя ошь спрѣлъ завистныхъ?

Инокренъ.

Нравы.

Простодумъ.

Но какъ бы свѣшь узнашь о нравахъ могъ твоихъ?

Инокренъ.

Изъ сочиненій твоихъ увидишь оны моихъ.
Не сподько въ нихъ ума; вездѣ нравоченье:
Мать дочери велишь чпшашъ мое шворенье.
Конечно! Я шеперь несчастливъ! Дядя мой
Прогнѣванъ на меня. Но черезъ часъ, другой
Простиши и счастье ко мнѣ повернешся. —
Сегодня вечеромъ Комедія даешся
Моя.

Простодумъ.

Какъ! эшо ты, племянникъ, смасперилъ?

Инокренъ.

Поздравяше жъ первые меня.

Простодумъ (въ сторону.)

Ошаломилъ,

Проклятый! (въ слухъ) Ну! инъ шакъ — пожалуй
— поздравляю.

Инокренъ.

О! я блестящаго успѣха ожидаю.

Простодумъ.

Посмотримъ. А пока Графову про меня
Не говори ошнюдь, что я съ тобой родня.

Инокренъ.

Но для чегожъ меня признашь вамъ неугодно?

Простодумъ.

Причины ешь на шо.

Инокренъ.

О! если шакъ? ошно.

Чуръ шайны никому не ошкрывашъ моей.
Мнѣ похвалы еще всё будутъ веселѣи,
И я шогда могу ихъ слушашь не краснѣя.

Простодумъ.

То ужъ спокоенъ будъ. (Уходя; въ сторону) Я жъ
проучу злодѣя!

До завтра, негодяй! забудешь о стихахъ;
А будешь ихъ писать — шакъ въ чешырехъ стѣ-
нахъ.

Явленіе 8.

Инокренъ (одинъ.)

И шакъ ошкроемся мы послѣ предшавленья.
Я театрально не видывалъ явленья.
Какъ мы съ нимъ встрѣшались! что можешъ бышь
милѣи

И неожиданнѣи, забавнѣи и смѣшнѣи?
Гордился бъ сцены я шаккой изобрѣтеньемъ!..
Но... чтожъ? воспользуюсь шоль счастливымъ вну-
шеньемъ

Куда нибудъ могу въ Комедію вклиншъ,
Да и на случай сей другую сочинишь...
Ва! гдѣжъ шешрадъ моя? нѣшъ... не найду; шакъ
сшао

Я выронилъ. Сей часъ въ рукахъ была!... пропало!
Пропало все! Богъ мой! что дѣлашь? что начашъ?
Богъ мой! я разорень! гдѣ ты, моя шешрадъ?

Сокровище мое! все, все тамъ: пролепсы,
Посланья, басенки, и мысли, и сонеты,
И плановъ пять или шесть, и Руской нашъ раз-
мѣръ

И пышный Греческихъ экзаменовъ примѣръ —
Я вѣрно бы всю привелъ бесѣду въ изуманье.
Эпиграмма тамъ? какое разоренье!
Увы! не напишешь такъ хорошо другой.

Николай Сущиковъ.

III.

СОВРЕМЕННАЯ РУСКАЯ БИБЛОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я к н и г и :

1 8 1 8.

51. * *Картина Кивитова*. Новый переводъ съ Нѣмецкаго изданія 1785 года. С. П. б. 1818. въ шип. В. Павильщикова. въ 12, 128 стр.

(Греческій Философъ *Кивитъ* или *Цебесъ*, уроженецъ Фивскій, послѣдователь Сократа, написалъ три разговора, изъ коихъ дошелъ до насъ третій, подъ заглавіемъ *Пира* (*Картина*). Въ немъ изображаются весьма остроумно и поучительно свойства души до сочешанія ея съ тѣломъ, судьба и свойства людей въ жизни и переходъ ихъ въ вѣчность. Переводъ Русскій очень хорошъ. Жаль, что самая картина не приложена къ сему изданію.)

52. † *Respect dû à la tête couronnée ou exposé historique, politique et moral des grands évènements relatifs à la Pologne en reponse aux écrits calomniant la mémoire du feu Stanislas Auguste, dernier Roi électif de Pologne, par Mr. Lobarzewski, Conseiller d'Etat actuel de S. M. Impériale, Chevalier des ordre de Ste. Anne de la première classe, de St. Stanislas et de St. Vla-*

dimir, ancien représentant et membre de la Commission de la guerre dans la ci-devant république de Pologne. (Дань должнаго уваженія Вытанюй Главѣ или Историческое, Политическое и Нравственное изложеніе великихъ происшествій, относящихся къ Польшѣ въ отвѣтъ на сочиненія, въ которыхъ оклеветанъ покойный Станиславъ Августъ, послѣдній избирательный Король Польскій, сог. Г. Лобаржевскаго, Д. Ст. Сов. и Кав. Св. Анны 1 класса, Св. Владимира и Св. Станислава, Представителя и Члена Военной Комиссіи въ бывшей Польской республикѣ.) С. П. б. 1818 въ шип. Паюшара, въ 8 228 стр.

(Намѣреніе Г. Лобаржевскаго защитить память покойнаго Короля своего отъ клеветъ, внутреннихъ злобою, завистию и невѣжествомъ, достойно всякой похвалы. При жизни превозносятъ Владыкъ земныхъ не всегда по безкорыстнымъ и чистымъ побужденіямъ. Благородные Писатели, скупые на хвалу при жизни людей великихъ, заслуживающъ вѣроушіе, воздавая имъ должное по смерти, когда умолкаешь голосъ пристрастія и лести, и Цари съ прона низходятъ на равное поле всемірнаго суда — *Исторіи*, гдѣ однѣ добродѣтели и заслуги въ пользу человечества возвышаютъ ихъ въ подлѣ, ожидающей въ дошомствѣ нелицеприятнаго, грознаго приговора. Станиславъ Августъ имѣлъ многія блистательныя качества: умъ проницательный, образованный Науками любовь ко всему изящному, сердце доброе и благородное. При немъ вознеслась Польская Словесность на отличную степень совершенства; процвѣла Наука и Художества: въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ его царствованіе получило бы въ *Исторіи* названіе золотаго вѣка. Возспала буря революціи. Требовалось твердости, постоянства, силы; одной доброты сердечной, одного образованія умственнаго было недостаточно — Древній провъ Ягелоновъ разрушился!)

55. † *Изліаніе сердечныхъ чувствованій при слу-
гаѣ рожденія Его Императорскаго Высочества
Безикаго Князя Александра Николаевича, въ
Москвѣ, 17 Апрѣля 1818 года (Согиніе Ка-
валера Якиши, Славено Сербина изъ Венерии.
Съ Нѣмецкииъ переводомъ)* С П. 6. 1818. въ
шип. Департаментша Народнаго Просвѣщенія,
въ 4, 16 стр.

(Сіе стихотвореніе продается (въ книжныхъ
лавкахъ Зайкина подъ No 20, 23 и 26 противъ Го-
спинаго двора, по 1 р) въ пользу соотечественни-
ковъ Автора, жителей Венгерскаго города Грана
(по Славянски *Острыхольма*) который въ Апрѣлѣ
мѣсяцѣ сего года опустошенъ былъ ужаснѣйшимъ
пожаромъ. Имена благотворителей будутъ припе-
чатаны какъ въ здѣшнихъ, такъ и въ Австрій-
скихъ и Венгерскихъ Вѣдомостяхъ.)

IV.

С М Ъ С Ъ.

I.

Окончаніе выписокъ изъ Россійской Исторіи
въ пользу воспитанія.

3. Бракосогетаніе Царя Михаила Федоровича.

1626 года *Михаилъ* приступилъ ко второму
браку. За мѣсяць до сего шоржешва назначены
были изъ первосепенныхъ Княжескихъ и Бояр-
скихъ семействъ *шестьдесятъ* дѣвиць. Каждая изъ
нихъ одарена была Царемъ; а наканунѣ рѣшитель-
наго выбора послали за ними Царскія повозки. Сіи
дѣвицы сопровождались матерями, или ближними
родственницами; на нихъ была одежда, жалованная

Царемъ. По представленіи дѣвиць Царицѣ Марѣ
Ивановнѣ, матери и родственницы раздѣлились по
домамъ. При каждой дѣвицѣ осталась только одна
прислужница съ почивальнымъ плащемъ. Въ ком-
натахъ, для нихъ оповѣденныхъ, находились по объ-
емъ споронами кровати. Въ полночь Михаилъ, съ
матерію своею Марею Ивановною, пшелъ осма-
ривашъ невѣстъ.

По окончаніи наблюденія Михаилъ уходитъ съ
матерію въ другія комнаты палашъ своихъ. Ца-
рица спрашиваетъ, на которую изъ дѣвиць палъ
выборъ его? И сколь удивилась, услыша, что онъ
предпочелъ всѣмъ *прислужницѣ* одной изъ приве-
зенныхъ дѣвиць! Царица не доврѣетъ слуху свое-
му; убѣждаетъ Михаила, чтобы онъ помыслилъ,
какъ оскорбится симъ выборомъ честолюбіе Кня-
зей и Бояръ Рускихъ; наконецъ прѣбуетъ рѣши-
тельнаго ошзвья; ибо до восхода солнечнаго онъ
долженъ въ Успенскомъ Соборѣ, въ присутствіи
Патріарха и Духовенства, возвѣститъ имя буду-
щей супруги своей. Михаилъ отвѣчалъ: „По волѣ
шолько Божіей и швоей принялъ я вѣнецъ и Цар-
ство; ни въ чемъ не поспѣю бытъ ослушнымъ ма-
тери моеи. Ты всегда была наставницею и моимъ
покровомъ: все исполню.. но сердце мое никогда
не выберетъ, никогда другой не полюбитъ. Я опре-
дѣденъ къ однимъ бѣдствіямъ! Первой супруги ли-
шился въ первые мѣсяцы брачнаго союза; невѣстны
лишаюсь при самомъ избраніи. Она незнашной по-
роды; можетъ бытъ она терпиль бѣдность, горе...
и я испышалъ нужду и гоненіе!“ Слезы потылись
изъ очей Михайловыхъ. Какое материнское сердце
устойитъ противъ слезъ и покорности сыновней?
„Сынъ мой!“ сказала родительница Михаила: „раз-
вѣ и я не шерпѣла напастей? Супругъ мой спра-
далъ въ землѣ иноплеменной; почти въ глазахъ мо-
ихъ убійственныя мечи лютыхъ враговъ устрем-
лялись на сердце швое!.. Судьбы небесная шебя
сохранили; онъ назначили шобѣ Царство... Воля
Божія да будешь съ шобою! Возьми шу, которая
пришла шобѣ по мысли и по сердцу.“

Между шѣмъ Царица посылаетъ развѣдать о родѣ и имени прислужницы. Ее извѣщаютъ что она дочь бѣднаго Можайскаго Дворянина Лукьяна Спешановича *Стрѣшинева*, и что дѣвица, при которой она находилась, еше дальняя ея родосвенница.

Скромностыю и шихостыю отличалась *Евдокія Стрѣшинева* отъ богатой родосвенницы: угнетавшей ее своеюравіемъ своимъ. Юныи Михаилъ самъ подверженъ былъ напастямъ, гоненію, неправотѣ и злобѣ человѣческой Сердца, испытавшія злополучіе, влекутся къ злополучнымъ: сердце Михаила избрало *Евдокію*!....

Уже *Евдокію* призываютъ въ Царскіе покои, уже облачаютъ ее въ свѣтлыя одѣянїя: машеръ Михаила называетъ ее дочерью. Михаилъ предъ лицемъ Бога именуешь ее невѣстою; духовный чинъ возноситъ о ней моленіе къ Царю Царей. кошорый, поучая насъ внезапными случаями, смиряешь горднню человѣческую и возсавляешь спраждущую добродѣтель. Между шѣмъ Пашріархъ Филаретъ, какъ Пастыръ церкви и какъ отецъ, благословляя сына своего, вѣщаетъ: „Богъ за благочестіе прославилъ шебя и почтилъ Царствомъ; и впредь за благочестіе швое и Царицы *Евдокіи* да соблюдаешь васъ отъ враговъ ненавѣшно.“ Къ сему желанію присоединяется на площади общій кликъ Московскихъ жишелей: „да здравствуютъ Михаилъ и *Евдокія*!“

Во время благовѣща къ молебствію представлены были *Евдокіи* дочери Князеи и Бояръ. Въ смяшеніи души своей, скромная и крошкая *Евдокія* не допускаешь ихъ къ цѣлованію ея руки: она сама цѣлуешь каждую дѣвицу. Въ слѣдъ за ними присупаешь и родосвенница ея; въ трепетѣ и слезахъ упадаешь къ ногамъ *Евдокіи*. „Государыня!“ восклицаетъ она: „не помни моей предъ тобою жестокости; прости меня ради Бога!“ *Евдокія*, проливая слезы, низко кланяется родосвенницѣ своей съ сими словами: „и меня прости, есда я въ чемъ шебя прогнѣвила; а шебя пусть Богъ простишь!“

На другой день, по совершеніи шоржешственныхъ обрядовъ обрученїя, отправлены были отъ Царя Чиновники къ Лукьяну Спешановичу *Стрѣшиневу* съ Царской грамотой, въ кошорой увѣдомляли его, что по *благости Божіей Евдокія Стрѣшинева* избрана Царскою невѣстою. Чиновники съ дарами и съ Царскими повозками отправились въ *Можайской уѣздъ*. Прибывъ шуда, спрашиваютъ о жилищѣ Лукьяна Спешановича. Имъ указываютъ убогой соломенной кровъ. *Евдокія* гошовилась къ Царскому вѣнцу; отецъ ея воздѣлывалъ ниву для посѣва ржи. Царскіе Послы изъ хижини идушь въ поле. *Стрѣшинева* подвѣзжаетъ шуда съ сохою, гдѣ они ошпановились. Подшупи къ нему съ почшеніемъ, Чиновники возвѣщаютъ ему, что по власти Божіей дочь его наречена Царскою невѣстою. Полагая, что Послы ошпились, онъ говоритъ: „Вижу, что вы Царскіе Послы; но вѣрно отправлены не ко мнѣ... Погода хороша: мнѣ надобно допахать ниву, а посдъ съ радостію попрошу васъ на хлѣбъ-соль.“ Въ подтвержденіе словъ своихъ Послы вручаютъ *Стрѣшиневу* грамоту, на имя его писанную. Онъ ошдаешь грамоту образно, преклоняешь колъна и восклицаетъ въ умиленіи душевномъ: „Боже! Ты сошворяешь все по волѣ своей!“

Внезапной переходъ *Евдокіи* отъ ничтожества къ величію не изумилъ его; ошною все къ судьбамъ Всешшняго, по извѣленіи Ему благодаренїя, онъ опять обращается къ сохѣ и допахиваетъ ниву; препоручаетъ работнику заборонить ее; кладетъ соху на шельгу, и не смотря на усиленные прозьбы Пословъ, чтобы онъ сѣлъ въ Царскую повозку, ошправляется къ жилищу своему по обыкновенному. Сложивъ къ мѣсну соху и прочія земледѣльческія орудія, входитъ въ хижину съ Чиновниками; беретъ Царскую грамоту, возлагаетъ ее подъ образа, и посдъ шрокраинаго земнаго поклоненїя, снова восклицаетъ къ Подашелю всѣхъ благъ: „Боже! Ты ошхранялъ меня въ бѣдности; да буду подкрѣпленъ Твоею десницею и въ славѣ, посылаемой мнѣ Тобю!“

Не принявъ отъ Чиновниковъ припасовъ къ шрапелѣ, онъ предложилъ имъ, по обычаю дѣлхъ временъ, хлѣбъ-соль, и шо, что Богъ послалъ. Послѣ проспаго ужина Спрѣшневъ удалился къ исправленію домашнихъ нуждъ своихъ. Онъ самъ принесъ кормъ лошади своей, и попомъ легъ на соломенный одръ.

На другой день рано поушру Спрѣшневъ идетъ въ церковь, ошпѣваетъ благодарный молебень и пригашаетъ къ себѣ Священника и спаросшту. Просширая на все челоуѣколюбивое вниманіе благоговѣя и къ хижинѣ проашеческой, онъ проситъ ихъ, чтобы они соблюдали его жилище и не осваивали спарой прислужницы и сына ея.

Распорядивъ наследственное свое имущество, Спрѣшневъ посѣщаетъ могиау ошца своего. Тамъ, со слезами сердечнаго сокрушенія, поклоняется праху родишельскому; шамъ съ гробовъ проашеческихъ возноситъ моленіе къ Богу, да хранитъ Онъ дочь его отъ искушеній, сопровождающихъ величіе и счастье мірское.

Возвращаясь въ хижину, Лукьянъ Спешановичъ надѣваетъ присланную отъ Царя одежду, а свою, вмѣстѣ съ землѣдѣльческими орудіями, полагаетъ въ сундукъ, кошорый беретъ съ собою въ Царскія палаты.

Услышавъ о нечаянномъ счастьи Спрѣшнева, все поселяне къ нему спекаются. Онъ прощаетъ съ ними, какъ съ шоварищами, какъ съ друзьями; ошводитъ въ спорону Священника, ошдаетъ для бѣдныхъ все деньги, выработанныя имъ въ пошѣ лица; принимаетъ отъ него благословеніе и ошѣзжаетъ въ прешольный градъ.

Спрѣшнева прямо привозятъ во Дворецъ. Михайлъ встрѣчаетъ его на крыльцѣ, ведетъ къ матери своей, кошорая предшавляетъ ему Евдокію, какъ дочь свою, какъ невѣсту Царскую. Какое свиданіе! Михайлъ и Царица Марса Ивановна осваиваютъ ошца съ дочерью къ свободному изліянію сердечному. Въ шо время и въ Царскихъ шеремахъ и подъ кровомъ соломеннымъ, родошвенная наслажденія почишались первымъ благомъ и украшеніемъ

жизни. Ничто не замѣнитъ ушрашы родошвеннаго счастья.

Спрѣшневъ, взявъ за руку Евдокію становишся съ нею на колѣни предъ образомъ Богоматери: „Заступница сиротъ!“ восклицаетъ онъ: „Покровишельница скорбящихъ и убогихъ! Ты хранила дочь мою въ нищетѣ, въ безвѣстїи: будь и шеперь ея помощницею! Подкрѣпи ее силою своею на многотрудномъ пуши земаго величія: дя будетъ въ силхъ паашахъ, во дни благоденствія, сердце ея также чисто и непорочно, какъ было оно во дни скорби и нищеты!“ Евдокія со слезами и рыданіемъ бросаетъ въ объятія ошцовскія. „Родишель мой! я никогда не помышляла быть Царскою невѣсткою.“ — „Богъ успроилъ шакъ.“ продолжаетъ Спрѣшневъ: „Онъ все по волѣ своей учреждаетъ; Онъ изъ хижины приводитъ въ Царскія палаты; Онъ нищету и бѣдность претвораетъ въ сіяніе чести и славы. Богъ тебя възскалъ; не забудь Его благости: мы угождаемъ Богу одними дѣлами. *Какая пошза быть родошвеннои великою, а дѣлами малю и ништожно!* Будь всемъ сердцемъ привержена спругу своему; не возносись ни передъ кѣмъ; посѣщай немощныхъ, надѣлай неимущихъ: помни, что Богъ, Ошецъ сиротъ и Заступникъ бѣдныхъ, хранилъ тебя любовью своей, и что Онъ възыщетъ съ тебя за каждую слезу бѣднаго, за каждое воздыханіе ошринутаго тобою спрадашца.“

Спрѣшневу назначили особые покои, приспавили услугу и приобщили все почести, принадлежашія ошцу Царской невѣсты. Въ новомъ жилищѣ Лукьянъ Спешановичъ не забылъ соломеннаго крова хижины: на стѣнахъ одной комнаты развѣсилъ прежнюю одежду, опояску и обувь. Каждое утро, до самой кончины своей, ошдергивая занавѣсь, осѣившую памяники первошной его участи, онъ произносилъ сіи достопамятныя слова: „Лукьянъ! помни, что ты былъ, и что ты нынѣ; помни, что все сіе поучилъ отъ Бога. Не забывай Его милосердія, помни Его заповѣди. Дѣлись всемъ, что имѣешь, съ бѣдными; они швои братья. Не ушѣтай никого; ты самъ былъ бѣденъ. Помни швердо,

что все земное величје суеша, и что Богъ однимъ словомъ можешь себя обратишь въ ничто.“

2.

ПОДПИСАВШЕСЯ НА УЧЕБНУЮ КНИГУ РУССКОЙ
СЛОВЕСНОСТИ.

(Продолженіе.) *

Въ Санктпетербургѣ.

Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Осипъ Петровичъ Козодавлевъ	1
Тайный Совѣтникъ Алексѣй Николаевичъ Оленинъ Преосвященный Филаретъ, Епископъ Ревельскій Камеръ Юнкеръ Александръ Скарлатовичъ Спурдза	1
Оберъ-Берггаупшманъ 4 класса Евграфъ Ильичъ Мечниковъ	1
Сшашскій Совѣтникъ Николай Михайловичъ Карамзинъ	1
Сшашскій Совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Вейсе	1
Профессоръ Иванъ Козьмичъ Кайдановъ	1
Тишуарный Совѣтникъ Егоръ Самойловичъ Ревнеке	1
Гвардіи Капитанъ Николай Николаевичъ Скобельцынъ	1
Коллежскій Ассессоръ Василій Григорьевичъ Масловичъ	1
Василій Ивановичъ Туманскій	1
Коллежскій Ассессоръ Иванъ Андреевичъ Крыловъ	1
Надворный Совѣтникъ Александръ Ивановичъ Ермолаевъ	1

* См. 16 кн. С. О. 1818. Подробное объявленіе о сей книгѣ напечатано въ 14 кн. сего Журнала. Подписка принимается по прежнему.

Коллежскій Совѣтникъ Александръ Ефимовичъ Измаиловъ	1
Коллежскій Ассессоръ Федоръ Ивановичъ Юнгъ	1

Въ Царскомѣ Селѣ:

Императорскій Лицей	10
Дѣйствительный Сшашскій Совѣтникъ Егоръ Анисовичъ Энгельгардъ	1
Профессоръ Николай Федоровичъ Кошанскій	1

Во Псковѣ:

Преосвященный Евгений, Архіепископъ Поковскій, Лифляндскій и Курляндскій	1
--	---

Въ Лодейнолибъ полѣ:

Капитанъ 2 ранга Пешръ Николаевичъ Нордштейнъ	1
---	---

Въ Витебскѣ:

Докторъ Философіи Иванъ Петровичъ Княгиницкій	1
---	---

Въ Новгеородѣ:

Преосвященный Амвросій, Епископъ Сшарорускій	1
--	---

Въ Оренбургѣ:

Поручикъ Федоръ Ивановичъ Германъ	1
---	---

Въ Углицѣ:

Надворный Совѣтникъ Павелъ Мезенцовъ	1
--	---

Въ Архангельскѣ:

Губернская Гимназія	2
-------------------------------	---

Въ Полтавѣ:

Капитанъ Карлъ Яковлевичъ Флиге	1
---	---

Въ Киевѣ:

Дѣйствительный Каммергеръ Графъ Осентъ-Сакенъ	1
---	---

Въ Ахтыркѣ:

Коллежскій Ассессоръ Павелъ Николаевичъ Бразоль	1
---	---

Въ Кронштатѣ :

- Типулярный Совѣтникъ Тимофей Аршемьевичъ
Аршемьевъ 1
Штурманъ 9 класса Василій Васильевичъ Спо-
доховъ 1
Въ Воткинскоиъ заводѣ (Вятск. Губ.)
Маршайдеръ Николай Родіоновичъ Мамышевъ 5

(Продолженіе впрedy.)

3.

И з в ѣ с т и е .

Сею книжкою оканчивается первое полугодіе сего Журнала на 1818 годъ. Издаешь долгомъ поспавляешь изъявись благодарность свою особамъ, доставившимъ ему разныя любопытныя и полезныя свѣдѣнія, для напечатанія ихъ въ семъ Журналѣ: онѣ будутъ помѣщены въ первыхъ книжкахъ втораго полугодія.

На вторую половину 1818 года сей Журналъ будетъ издаваться на прежнемъ основаніи. Въ планѣ его входящъ:

I. *Современная Исторія и Политика Европы.* Кромѣ разныхъ Историческихъ свѣдѣній, будетъ въ каждой книжкѣ содержаться обзорніе новѣйшихъ внутреннихъ и заграничныхъ извѣстій подъ заглавіемъ: *Новости Политическія и Литературныя.* Въ случаѣ полученія извѣстій важныхъ и любопытныхъ издаваемы будутъ немедленно особые листки.

II. *Руская древняя и новая Исторія.*

III. *Руская Статистика.*

IV. *Руская Литература.* Духовное и Свѣтское Краснорѣчіе. Подробныя разсмотрѣнія книгъ достойныхъ вниманія.

V. *Современная Руская Библиографія,* или извѣстія обо *всѣхъ* выходящихъ въ Россіи книгахъ съ крашкми, безприсрасшными замѣчаніями о достоинствѣ оныхъ, для предостереженія публики отъ обманливыхъ газетныхъ объявленій и обращенія вниманія оной на сочиненія того достойныя.

VI. *Руской Театръ.* Разсмотрѣніе новыхъ достойныхъ вниманія пьесъ, представляемыхъ на Санктпетербургскомъ Театрѣ.

VII. *Науки, Художества и Ремесла* — въ отношеніи къ Россіи.

VIII. *Иностранная Литература.*

IX. *Путешествія.* Письма Рускихъ Путешественниковъ по Россіи и чужимъ краямъ. Записки самаго Издателя с путешествія его по Франціи, Германіи и Швейцаріи.

X. *Благотворенія.*

XI. *Слѣсъ.* Разныя извѣстія и замѣчанія. Периодика. Петербургскія записки.

Многіе почтенные любители и знатоки Литературы, Наукъ и Художествъ вспомоществуютъ Издаешю своими трудами. Онъ получаетъ всѣ иностранныя полимическіе и лихературные Журналы и Вѣдомости и имѣешь корреспондентовъ въ важнѣйшихъ городахъ Европы. Доказательствомъ его исправности и порукою въ будущихъ трудахъ можешь служишь то, что Журналъ его издаешся уже шестой годъ.

Въ каждую пятницу выходитъ книжка, содержащая въ себѣ не менѣе шрехъ печатныхъ листовъ. Иногда, какъ выше сказано, печатаются особые листки подъ заглавіемъ: *Къ Читателямъ Сына Отечества.* Цѣна за полугодовое изданіе или за 26 книжекъ съ особыми листками (которыя выйдуть съ 1 Юля по 1 Января будущаго 1819 года) здѣсь въ Санктпетербургѣ *пятнацать,* а съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи *семнацать рублей пятьдесятъ копѣекъ.*

Подписка принимается в типографии Издателя, состоящей в большой Морской в домъ Г. Антонова подъ № 125, и у Книгопродавцевъ Гг. Плавильщикова, Слениныхъ, Глазунова и Зайкина. Иногородные благоволяшь адресоваться въ Газетную С. П. бургскаго Почтамта Экспедицію. Желаящія, чтобы книжки были приносимы къ нимъ въ дома немедленно по оппечашаніи оныхъ, могутъ присылать адреса свои въ помянутую типографию, прилагая за доставленіе по *три рубля* въ полгода.

Конецъ сорокъ шестой части.

(29 Іюня.)

О Г Л А В Л Е Н І Е

СОРОКЪ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

	кн.	стр.
I. Воспитаніе.		
О новѣйшихъ методахъ первоначальнаго обученія.	XX	— 3
(Оконч.)	XXI	— 60
II. Древняя Исторія.		
Взглядъ на заговоръ Каширины.	XXI	— 4г
(Прод.)	XXII	— 8г
(Оконч.)	XXIII	— 12г
III. Духовное Красносельчье.		
1. Слово, говоренное при полученіи извѣстія о кончинѣ Графа Платова	XX	— 8г
2. Отрывокъ изъ Слова Боссюэла	XXVI	— 24б
IV. Путешествія.		
1. О путешествіи Англичанъ къ Северному полюсу.	XXI	— 75
2. Отрывки изъ записокъ морскаго Офицера.	XXV	— 20б
V. Художества.		
Письмо къ Издателю.	XXII	— 10г
VI. Физика.		
О красныхъ или, такъ называемыхъ кровавыхъ дождяхъ.	XXII	— 113
VII. Нравственная Философія.		
Познаніе человека	XXIV	— 164
(Оконч.)	XXV	— 21б
VIII. Критика.		
Разсмотрѣніе рѣчи Г. Президента Академіи Наукъ.	XXIII	— 13б
(Оконч.)	XVIV	— 174
IX. Изящныя Искусства.		
О театральной декламациі.	XX	— 3г

X. СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ.

XX	—	25
XXI	—	72
XXII	—	110
XXIII	—	147
XXIV	—	197
XXV	—	232
XXVI	—	271

XI. СТИХОТВОРЕНИЯ.

1. Пѣсни Рускихъ воиновъ	XX	—	24
2. Утренняя звезда	XXI	—	69
3. Романсъ	XXII	—	108
4. Картина ночи	XXIV	—	197
5. Опрывки изъ Трагедіи Юлій-Цезарь	XXV	—	232
6. Стихи, пѣтые въ Екатерининскомъ Институтѣ	XXVI	—	259
7. Опрывки изъ Комедіи: Спирасъ къ Стихотворству	XXVI	—	261

XII. БЛАГОТВОРЕНІЯ.

XX	—	40
XXI	—	80
XXIII	—	160
XXV	—	244

XIII. СМѢСЬ.

1. Московской бродяга	XXIII	—	153
2. Извѣстіе	—	—	158
3. Письмо къ Издателю	—	—	60
4. Калейдоскопъ	XXIV	—	199
5. О смерти И. С. Георгіевскаго	—	—	200
6. Извѣстіе	—	—	203
7. Письмо изъ Ростова	XXV	—	239
8. О Руской Исторіи въ пользу воспитанія	—	—	241
(Окончаніе.)	XXVI	—	273
9. Продолженіе списка подписавшихся на учебную книгу Руской Словесности	—	—	279
10. Извѣстіе	—	—	281

Къ сей части принадлежатъ Прибавленія: No 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51 и 52.

